

ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕ-
РАТУРНО ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Лассаль Фердинандъ.—Капиталь и трудъ.
2. Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Съ біографическимъ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями М. П. Драгоманова. Листъ 1—5 (стр. 1—80).

Редакторъ-издатель *В. Врублевскій.*

Иль. муз. М-С.
6795

Отъ редакціи.

Условія подписки на «Всеобщую Библіотеку»: на годъ съ доставкою и пересылкою 6 р., на полгода 4 р., на 1 мѣсяць 50 коп. (Подписавшіеся на 1 мѣсяць не получаютъ Кропоткина и Флеровскаго). За границу на годъ 10 руб.

За перемѣну адреса 30 коп. Адресъ редакціи: СПБ., Виленскій пер., 7.

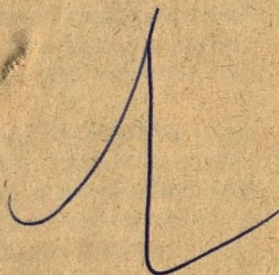
Портреты и рисунки, «по независящимъ отъ редакціи причинамъ», будутъ приложены въ видѣ альбома къ одному изъ ближайшихъ нумеровъ журнала.

Редакторъ принимаетъ въ помѣщеніи редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 11 до 12 ч. утра. Въ экстренныхъ случаяхъ просить обращаться къ нему по слѣдующему адресу: Теріоки, 5-ая верста, дача № 2.

Фердинандъ Лассаль

Капиталь и трудъ

Г. Бастіа-Шульце изъ Делича. Экономическій Юліанъ

A large, stylized handwritten mark or signature in blue ink, resembling a cursive letter 'L' or a similar symbol, located in the lower right quadrant of the page.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906.—ИЗДАНИЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

ВУДІТ Н ВІВТНОДІ

*Посвящается германскому рабочему
сословию и германской буржуазии.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Обнародованный мною въ 1862 году «Юліанъ» представлялъ собою возстаніе противъ литературнаго идола. За нимъ логически послѣдовало, въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ» 1863 года, возстаніе противъ политическаго и экономическаго идола. Это возстаніе, продолженное потомъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій, должно теперь теоретически заключиться также «Юліаномъ». Внѣшнимъ поводомъ къ этому послужила «Глава изъ Катехизиса Нѣмецкихъ Работниковъ» г. Шульце-Делича, вышедшая только въ іюнѣ 1863 г. или по крайней мѣрѣ только тогда появившаяся мнѣ въ руки. Уѣзжая тогда въ Тараспъ на воды, я взялъ съ собою эту книжку и такимъ образомъ только тамъ вполне ознакомился съ г. Шульце, насчетъ котораго до тѣхъ поръ по необходимости пребывалъ въ полномъ заблужденіи. Изъ разсказовъ газетъ о его рѣчахъ я вполне понялъ, чего нѣтъ въ г. Шульце, но по свойственной мнѣ справедливости не хотѣлъ составлять себѣ по этимъ даннымъ понятія о томъ, что такое г. Шульце. Я могъ почерпнуть это понятіе только изъ сочиненія, имъ самимъ обнародованнаго.

Возвратясь въ октябрѣ 1863 года въ Берлинъ, я рѣшился изобразить, что такое г. Шульце, связавъ по возможности съ критическимъ описаніемъ его и вообще всѣхъ либеральныхъ экономистовъ положительное теоретическое объясненіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ основаній народной экономіи, сплетя то и другое въ критическомъ анализѣ. Къ сожалѣнію, я былъ принужденъ писать эти листы среди постоянной агитаціи, хлопотъ съ администраціей и громадной переписки по дѣламъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза, обремененный сверхъ того пятью уголовными процессами, воз-

никшими по поводу моихъ агитаціонныхъ брошюръ; такимъ образомъ я вовсе не имѣлъ досуга, необходимаго для теоретической работы; однако, я надѣюсь не обмануть ожиданій ни г. Шульце, ни публики,

Скажу нѣсколько словъ по поводу посвященія.

Посвященіе германскому рабочему сословію понятно само собою. Но посвященіе нѣмецкой буржуазіи можетъ, повидимому, требовать объясненія. Эта книга произведетъ сотни и сотни обращеній въ средѣ буржуазіи, разумѣется, между честными и умными членами ея. Это все, чего можно ожидать отъ теоріи. Конечно, я не ожидаю отъ своей книги, что она обратитъ въ мои убѣжденія всю буржуазію, какъ сословіе. Никакая теорія не можетъ возвысить цѣлое сословіе надъ его дѣйствительными или мнимыми интересами. Однако, я надѣюсь, что моя книга подѣйствуетъ въ одномъ отношеніи на нѣмецкую буржуазію и какъ на сословіе. Я жду, что она возбудитъ въ ней стыдъ, стыдъ за абсолютное, бездонное ничтожество и неспособность слабоумнаго идола, котораго она провозгласила своимъ героемъ, увѣнчала лаврами и прославила на весь міръ и все это единственно въ упованіи на авторитетъ «газетной братіи», какъ говоритъ Гете. Никто, мало-мальски образованный изъ буржуазовъ, не прочтетъ этой книги, не сторѣвъ со стыда при видѣ, до чего безконечно потѣшна роль этой партіи на міровой сценѣ, партіи, которая любитъ представлять изъ себя «міръ» и избираетъ въ свои вожди и герои, въ представители всего своего сословнаго міросозерцанія такихъ ужасныхъ умственныхъ уродовъ. Быть можетъ, это прольетъ для нихъ слабый свѣтъ и на необходимое ничтожество ихъ успѣховъ во всѣхъ практическихъ и политическихъ борьбахъ. Благодаря нашимъ добрымъ старымъ преданіямъ, у насъ, въ Германіи, это духовное искалѣченіе должно пройти скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Но за то оно нигдѣ и не дошло до такихъ размѣровъ, какъ у насъ. Замѣчательна эта особенность въ судьбѣ Германіи, что въ ней буржуазія устремилась къ полному господству не во время своего процвѣтанія, какъ во Франціи и въ Англіи, а въ то время, когда общее міровое развитіе уже подорвало внутреннюю силу буржуазіи. Такъ называемый буржуазный міровой порядокъ—ниже я объясню этотъ терминъ въ его точномъ смыслѣ и содержаніи—клонится къ концу, а наша буржуазія, наивно

принимая конецъ за начало, воображаемо ощущаетъ въ себѣ вліяніе весны и запахъ бутоновъ. Этотъ умственный анахронизмъ составляетъ причину всѣхъ жалкихъ явленій, которыя наша буржуазія представляетъ въ цѣломъ и въ частностяхъ. Если наша буржуазія желаетъ еще играть какую-нибудь роль, то ей надо имѣть въ себѣ силу начать сызнова мыслить и учиться—но не по журналамъ! Но она уже цѣлое поколѣніе разучилась мыслить и учиться иначе, какъ по журналамъ; оттого она и сдѣлалась такимъ уродливымъ карломъ, искалѣчивъ всѣ свои нѣкогда великіе и богатые задатки.

Еще одно замѣчаніе экономистамъ.

Въ моей «Системѣ Приобрѣтенныхъ Правъ» 1861 года, т. 1, стр. 264, я говорилъ: «Въ социальномъ отношеніи міръ занявъ теперь вопросомъ, можетъ ли человѣкъ составлять посредственною собственностью другого человѣка, такъ какъ непосредственной собственностью онъ уже не можетъ быть, т. е. должно ли свободное осуществленіе и развитіе рабочей силы быть исключительною собственностью владѣльца рабочаго матеріала и рабочей сеуды (капитала); долженъ ли, слѣдовательно, предприниматель, какъ таковой, помимо вознагражденія своего умственного труда, получать въ собственность чужую трудовую цѣнность (премію или прибыль капитала, составляемую разностью продажной цѣны продукта и суммы всѣхъ платъ и вознагражденій, полученныхъ всѣми работниками, въ томъ числѣ и умственными, которые были нужны для произведенія продукта)».

Какъ легко увидить всякій свѣдущій человѣкъ, въ этой фразѣ заключается программа цѣлаго народно-экономическаго сочиненія, которое я намѣревался въ то время написать въ систематической формѣ подъ заглавіемъ: «Основаніе Научной Народной Экономіи». Я уже совсѣмъ собрался было выполнить это намѣреніе, когда въ началѣ 1863 г. письмо ко мнѣ Лейпцигскаго Центрального Комитета придвинуло ко мнѣ этотъ вопросъ съ его практической стороны. Я издалъ мой «Гласный Отвѣтъ», началась агитація, и, конечно, мнѣ уже не было досуга и спокойствія, необходимыхъ для такого теоретическаго предпріятія. Какъ часто жалѣлъ я потомъ про себя, что практическая агитація предупредила теоретическую. Какъ часто жалѣлъ я, что не успѣлъ предварительно создать себѣ

теоретическаго свода, который служилъ бы прочнымъ основаніемъ для практической агитаціи при всѣхъ теоретическиххъ вопросахъ. Ибо народная экономія—наука, для которой существуютъ только первые начатки и которую приходится еще создавать!

Но какъ ни сожалѣлъ я объ этомъ, теперь уже не жалѣю. Хотя въ предлагаемомъ сочиненіи я могу развить только весьма сравнительно малую часть того, что развилъ бы въ систематическомъ сочиненіи, хотя, кромѣ того, я не могу воспользоваться при такомъ способѣ изложенія преимуществами постепеннаго анализа, за то живость и убѣдительность полемической формы щедро вознаграждаютъ за эти невыгоды и мы все-таки успѣемъ разсмотрѣть здѣсь важнѣйшія основныя положенія.

Но вотъ что главное: возбуждено сильное волненіе! Нація страхнула съ себя экономической сонъ! Соціальныи вопросъ всюду сдѣлался насущнымъ вопросомъ. Сотни и тысячи прочтутъ эту книгу, тогда какъ толстое систематическое изложеніе нашло бы только отвлеченную ученую публику, а въ остальной не возбудило бы ни вниманія, ни участія

Итакъ, я нахожу, что и въ этомъ отношеніи моя звѣзда была мнѣ благоприятна!

Фердинандъ Лассаль.

Берлинъ, 16 января 1864 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Быть можетъ, читатель удивится, увидавъ, что я начинаю эту книгу цитатой изъ Шеллинга. Но чѣмъ далѣе онъ будетъ читать, тѣмъ болѣе ему будетъ уясняться это. Поэтому привожу безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ слѣдующія слова Шеллинга *).

Разбирая одну рецензію «Іенской Всеобщей Литературной Газеты», Шеллингъ приходитъ къ такому выводу: «Вообще не трудно разобрать, къ какому классу людей принадлежитъ этотъ рецензентъ. Невѣжественный больше послѣдняго студента, невѣжественный до того, что былъ бы изгнанъ съ позоромъ, если бы попытка предстать бамбергскому медицинскому факультету кандидатомъ въ доктора, онъ имѣетъ безстыдство ратовать за благо науки и за честь докторскаго достоинства; кромѣ его нахальства, наивность, съ которою онъ причисляетъ себя къ разумной и просвѣщенной публикѣ, составляетъ въ немъ еще черту фамильнаго сходства съ обширнымъ родомъ, возникшимъ и размножившимся именно въ нашъ вѣкъ, когда успѣхи наукъ и искусствъ оставили множество людей на подолѣтїи позади въ развитїи. Въ этомъ классѣ характеристично, что онъ воображаетъ себя живущимъ въ самое новѣйшее время, обладающимъ вкусомъ и умомъ, считаетъ себя хорошимъ обществомъ и образованной публикой, хотя состоитъ изъ самыхъ грубыхъ людей своего времени и хотя давнымъ давно неспособенъ ни къ какой дѣятельности, кромѣ сплетничества. Если имъ сказать, что они давно выжили изъ современности, они ни за что не повѣрятъ, что это говорится не въ шутку; если ихъ увѣрятъ, что ихъ взаправду счи-

*) Соч. Шеллинга, отд. 1-й, т. IV, стр. 557.

тають чернью, они рѣшительно въ толкъ этого не возьмутъ; если имъ побожиться, что для насъ они стоятъ не больше дохлыхъ псовъ, они и этого не примутъ за правду, а сочтутъ просто лишь неприличной выходкой. Словомъ, ихъ не убѣдить; они до того тождественны съ своей пошлостью, до того неспособны отвлечься отъ нея, что даже не понимаютъ, какъ можно, обладая принципами и понятіями просвѣщеннаго человѣка, тѣмъ не менѣе считать ихъ тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ есть, т. е. сволочью. Они подхватили слово деликатность и на каждомъ шагу твердятъ его. Какъ будто можно быть деликатнымъ со сволочью!

«Въ одной рецензій «Литературной Газеты» одинъ пошлякъ увѣряетъ другого, что образованная публика презираетъ тонъ, принимаемый новыми философами въ отношеніи своихъ противниковъ; въ журналѣ, издаваемомъ аптекарями для аптекарей мнѣ рекомендуется аттическое изящество; желалъ бы я знать, какой памятникъ аттического изящества случилось читать этому субъекту. Вообще этотъ народъ очень удивился бы, если бы попалъ въ древнюю Грецію и испыталъ бы на своей шкурѣ образцы аттического изящества, потому что тамъ его обратили бы въ самую презрѣнную, рабскую или плотскую службу. Эти закоснѣлые и заклятые варвары неспособны сочувствовать ни идеямъ, ни истинѣ, ни красотѣ, ни чему, кромѣ сродной имъ дикости; они желали бы нашіонить на все хорошее и истинное, если было бы ухо ихъ слушать; видя, что простой клеветой ничего не возьмешь, они выражаютъ свою гнусность попытками натравливать правительство и власти, подобно рецензенту Решлаубова Магазина въ «Іенской Литературной Газетѣ». Увѣренность въ своей порядочности лишаетъ ихъ всякой способности сообразить, что правительства и не подумаютъ обращать вниманіе на болтовню толпы сплетниковъ. Пока въ государствѣ есть хотя что-нибудь возвышенное, и священное, представители ихъ всегда будутъ считать пагубнымъ этотъ вторгающійся потокъ пошлости, презирающій не одну какую-нибудь идею, а все, что сколько-нибудь возвышается надъ уровнемъ пошлости, все запечатлѣнное печатью величія и святости. Если допустить или поощрить господство сволочи въ наукѣ и искусствѣ, оно распространится на все, и тогда настанетъ владычество истинной черни. Это будетъ уже настоящее санкюлотство, которое

сразу отрѣшится отъ уваженія ко всему великому, правдивому и хорошему, чтобы безпрепятственно валяться въ тинѣ своей пошлости, не признавая надъ собою власти генія, таланта и идей. Но на землѣ нѣтъ власти, ни великой, ни малой, которая существовала бы иначе какъ силою какой-нибудь идеи, такъ что если народъ потеряетъ уваженіе къ идеямъ, если презрѣніе къ нимъ будетъ поощряться, и распространяться, то и сама власть потеряетъ нравственную опору.

.

«Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому выводу, что авторъ этого доноса не можетъ быть не только ученымъ врачомъ, но даже цирюльникомъ, это долженъ быть совершенный профанъ».

ГЛАВА I.

Не взирая на опасность наскучить читателямъ, мнѣ приходится, г. Шульце, начать продолжительнымъ цитированіемъ вашего произведенія, лишь мѣстами прерывая его своими критическими замѣчаніями. Я вынужденъ прибѣгнуть къ этому методу, чтобы кто-нибудь не подумалъ, будто я выбираю у васъ только дурное, а хорошее утаиваю.

Удерживаю и ваше раздѣленіе на главы и начинаю:

„I. Трудъ“.

«а) *Сущность и цѣль труда. Общественная самопомощь*». Начнемъ, говорите вы, разборъ этого важнаго предмета съ ближайшаго и естественнѣйшаго, съ того, что происходитъ во всѣхъ насъ и у всѣхъ на глазахъ, ежечасно и ежедневно, и требуетъ для уразумѣнія только здраваго смысла и возбужденія къ мысли, безъ всякихъ ученыхъ свѣдѣній. Стоитъ посмотрѣть въ самого себя, на минуту углубиться въ себя, потомъ взглянуть на другихъ, и явится готовый отвѣтъ на вопросъ: что побуждаетъ человѣка къ дѣятельности, направленной къ приобрѣтенію? Что даетъ успѣхъ этой дѣятельности, т. е. доставляетъ человѣку средства къ существованію? Что составляетъ въ насъ при этомъ дѣйствующую и побуждающую силу? Во всѣхъ насъ безъ исключенія мы замѣчаемъ двѣ врожденныя вещи: потребности и способности. Мы родимся съ ними на свѣтъ и хорошо знаемъ наши потребности, потому что онѣ каждый часъ даютъ себя знать намъ. Дѣло происходитъ такъ: въ каждой потребности необходимо заключается стремленіе къ удовлетворенію (!),

потому что только болѣе или менѣе сильное побужденіе даетъ вамъ знать о существованіи потребности (!). Такъ, мы познаемъ, потребность пищи и питья по голоду и жадѣ (!), т. е. по побужденію ѣсть и пить, потребность покоя по усталости (!), т. е. по побужденію предаться отдыху».

«Besoin, effort, satisfaction—потребность, усиліе, удовлетвореніе»—такъ начинается Бастіа свою знаменитую политико-экономическую книжонку: «Harmonies économiques», съ критическимъ достоинствомъ которой мы познакомимся въ теченіе предстоящаго анализа. «Потребность, усиліе, удовлетвореніе»—повторяете вы, г. Шульце, какъ вѣрное эхо Бастіа *). Но, какъ нѣмецъ, вы твердо знаете, что мы, нѣмцы, не любимъ остроумничать, а всегда хотимъ выводить основательныя и глубокомысленныя опредѣленія изъ твердо установленныхъ положеній.

Вотъ вы и напускаете на себя передъ работниками видъ глубокомысленной основательности, прикладываете палецъ къ носу и устанавливаете различіе между «потребностью пищи и питья» и «голодомъ и жаждой» или «побужде-

*) «Катехизисъ» г. Шульце есть нечто иное, какъ буквальное извлеченіе и переводъ этой дѣтской книжонки Бастіа, которая доставила своему автору незаконно присвоенную репутацію между нѣмѣскими либеральными экономистами. Разница только въ томъ, что у г. Шульце поглыбло все остроуміе и весь блескъ формы Бастіа, которые дали этому пошляку возможность приобрести ложную славу. У Шульце сухая пошлость понятій Бастіа является въ самомъ убогомъ, обнаженномъ видѣ. Берлинскій прогрессивскій экономистъ г. Фаухеръ сказалъ какъ-то въ одномъ здѣшнемъ экономическомъ обществѣ, что Бастіа «уничтожилъ» Прудона и социализмъ! Разумѣется, не трудно было уничтожить Прудона въ экономическомъ отношеніи, потому что Прудонъ никогда не былъ экономистомъ. Что же касается социализма, то, по теоріи Бастіа—услуга за услугу—онъ, съ позволенія г. Фаухера, намѣренъ воздать здѣсь Бастіа въ моемъ лицѣ эту услугу, если она дѣйствительно оказана ему этимъ пресловутымъ экономистомъ. Впрочемъ было бы бесполезно и скудно и для читателя, и для меня постоянно приводить подлѣ изреченій нѣмецкаго Бастіа однозначашія фразы французскаго Шульце. Достаточно разъ навсегда установить ихъ тождество, въ которомъ можетъ убѣдиться всякій нѣмецъ, знающій по-французски, и всякій французъ, знающій по-нѣмецки. Только тамъ, гдѣ будетъ требовать интересъ критической точности и опредѣленности, какъ напр. въ теоріи цѣнности и заслуги, мы позволимъ себѣ привести слова г. Бастіа рядомъ съ переводомъ его Шульце. Мѣстами Шульце говорятъ нелѣпности, которыхъ нельзя поставить на счетъ Бастіа, и въ этихъ случаяхъ мы ради справедливости не преминемъ указать разницу.

ніемъ ѣсть и пить», между «потребностью отдыха» и «усталостью» или «побужденіемъ отдохнуть».

Мы всё, простые смертные, и въ томъ числѣ, вѣроятно, и ваши работники, пока не наслушались васъ, полагали было, что «потребность» и «побужденіе къ удовлетворенію» просто одно и то же, синонимы, два разныхъ названія одного и того же понятія.

Въ нашей ограниченности мы было думали, что «потребность пищи» все равно, что «голодь», или что «побужденіе ѣсть»; мы думали, что нѣтъ никакой разницы между «потребностью питья» и «жаждой» или «побужденіемъ пить», между «потребностью отдыха» и «усталостью» или «побужденіемъ отдохнуть».

Но отъ вашего ума не скроешь эти тонкія различія, которыхъ мы не замѣчали! Вы нашли разницу между «потребностью» и еще особымъ «побужденіемъ къ удовлетворенію», которое заключается въ потребности! Вотъ какое просвѣщеніе вы приносите работникамъ! Съ какимъ торжествомъ пойдутъ они домой, какими «просвѣщенными» вообразятъ себя, узнавъ, что голодь и жажда или «побужденіе ѣсть и пить», усталость или «побужденіе отдохнуть»—сами по себѣ, а потребность пищи, питья и отдыха сама по себѣ!

Этотъ бессмысленный наборъ словъ долженъ по вашему представлять собою теоретическое основаніе вашихъ политико-экономическихъ разсужденій. И въ самомъ дѣлѣ, это самое подходящее теоретическое основаніе для политико-экономическихъ разсужденій, которыя отъ начала до конца, какъ мы увидимъ, нечто иное, какъ бессмысленнѣйшая болтовня, какаютъ каша изъ словъ, размазня, облипающая клейстеромъ мозгъ работника, и не только работника, но и всякаго такъ-называемаго «образованнаго» человѣка, если онъ неспособенъ разобратъ всю совершенную пустоту этой болтовни.

Такъ. Блистательно установивъ различіе между «потребностью отдыха» и «побужденіемъ отдохнуть», вы продолжаете: «Но для удовлетворенія всегда необходима дѣятельность, усиліе. Жареные голуби сами въ ротъ не лѣзутъ (да, г. Шульце, не лѣзутъ и готовые мысли); хлѣбъ, одежда, пища и тому подобное на улицѣ не валяются; ихъ надо «за-

служить». То есть, вы хотите сказать, что пища, одежда и тому подобное должны быть созданы, «произведены». Но вмѣсто того вы говорите, что ихъ надо «заслужить», и это «заслужить» безцѣнно, г. Шульце! Въ немъ вся ваша характеристика. Вы имѣете намѣреніе читать работникамъ политико-экономическія лекціи. Вы хотите доказать имъ, что существующій порядокъ необходимъ и законенъ. Вы думаете доказать это самую «сущностью труда», съ котораго начинаете свои разсужденія. Но заслуга или барышъ, экономическое понятіе «заслуги, о которомъ вы говорите, есть въ высшей степени сложное экономическое явленіе. Это явленіе предполагаетъ существованіе общества, производящаго на развитомъ уже основаніи мѣновой цѣнности; оно предполагаетъ существованіе капитала, конкуренціи, частныхъ предпринимателей, наемнаго труда. Нужны всѣ эти особенныя историческія учрежденія, чтобы могъ существовать барышъ или экономическая «заслуга».

Въ Перу, напримѣръ, г. Шульце, въ цивилизованномъ царствѣ Инковъ, люди изумительно много производили и работали, но ничего не «заслуживали» *). Въ рабскомъ хозяйствѣ древности также ничего не «заслуживали», и въ естественномъ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ опять-таки ничего не «заслуживали», г. Шульце!

Предполагая для своего существованія всѣ современныя общественныя учрежденія, «заслуга» или «барышъ» предполагаютъ ихъ и для своего объясненія, т. е., чтобы дать понятіе объ экономической заслугѣ, надо сперва объяснить мѣновую цѣнность, капиталъ, обращеніе, конкуренцію, частное предпринимательство, наемный трудъ и вообще все общество, постоянно проводящее свои продукты черезъ форму денегъ. Ничего этого вы еще не объяснили и не могли объяснить. На второй страницѣ вашего «Катехизиса» Вы разсматриваете еще только естественную сущность труда и не вывели еще изъ нея никакой общественной

*) О положеніи труда въ Перу см., напр., «History of the conquest of Peru by Villiamе Prescott. London. 1875 т. 1, стр. 2, 4 и 5. Въ Перу не было ни денегъ, ни золотыхъ, ни серебряныхъ, никакихъ, хотя промышленность и искусства процвѣтали и хотя эта страна—родина благородныхъ металловъ. (Прескоттъ, стр. 147: they had no knowledge of money).

формы труда. Какъ же можете вы говорить о «заслугѣ»? Но это-то и безцѣнно, это-то и характеризуетъ васъ, г. Шульце! Ваша буржуазная душа до того пропитана исключительными современными порядками, что вы даже мысленно не можете ни на минуту отрѣшиться отъ нихъ, не можете даже настолько освободиться отъ нихъ, чтобы вывести и объяснить ихъ.

Вмѣсто того, чтобы объяснить ихъ, вы просто заранее предполагаете ихъ и въ этомъ состоитъ главная бессмыслица вашей бессмысленной болтовни, которая повторяется на каждой страницѣ вашего «Катехизиса» и обнаруживается съ первыхъ же словъ въ такой восхитительной наготѣ! Даже естественную сущность труда, простую производительную дѣятельность, производство потребительныхъ цѣнностей, вы не можете мыслить иначе, какъ въ формѣ алчной до барыша спекуляціи капиталистовъ! Вы мѣтко назвали свою книжку «Катехизисомъ». Догматъ спекулирующаго, предпринимательскаго барыша, ставшаго религіей, наполняетъ вашу душу какъ непосредственнѣйшее откровеніе со всею слѣпою вѣрою и благоговѣніемъ религіознаго убѣжденія. Вашъ даже «работникъ» представляется предпринимателемъ, только мелкимъ и ограниченнымъ!

Вы продолжаете свое глубокомысленное разсужденіе такъ: «Усилившись настолько, чтобы побѣдить свойственную всемъ людямъ естественную лѣность, стремленіе къ удовлетворенію потребности возбуждаетъ къ дѣятельности способности человѣка, подстрекаетъ ихъ придти въ движеніе для достиженія цѣли и развиваетъ ихъ упражненіемъ и употребленіемъ силъ и дарованій. Нѣтъ ничего непріятнѣе какъ неудовлетворенная потребность, и потому побужденіе къ удовлетворенію такъ сильно, что погасаетъ только вмѣстѣ съ жизнію.

«Этотъ простой процессъ: потребность—усиліе—удовлетвореніе наполняетъ все содержаніе человѣческой жизни. Подъ потребностью надо, конечно, понимать не одиотѣлесныя, а все богатое разнообразіе человѣческихъ стремленій и дарованій. Стало быть, въ потребности, въ побужденіи къ удовлетворенію ея заключается тайная сила, скрытая пружина, приводящая человѣка въ движеніе къ опредѣленнымъ цѣлямъ и поддерживающая его въ этомъ движеніи;

эта сила тѣмъ непреодолимѣе, что безъ удовлетворенія множества потребностей, мы вовсе не можемъ существовать; стало быть, она тождественна съ стремленіемъ къ самосохраненію, сильнѣйшимъ изъ всѣхъ стремленій человѣка, а удовлетвореніе является цѣлью и точкой успокоенія, но изъ него постоянно развиваются новыя потребности, чтобы въ безпрестанномъ круговоротѣ снова успокоиться въ удовлетвореніи. Ссылаюсь на вышеприведенные примѣры голода и отдыха. Съ послѣднимъ глоткомъ тотчасъ начинается пищевареніе; съ первыми шагами дѣйствія при началѣ дня начинается расходъ силъ и это составляетъ источникъ новаго голода, новаго утомленія.

«Человѣкъ—существо, одаренное самосознаніемъ и самоопредѣленіемъ, разумомъ и волею. Поэтому, съ одной стороны, онъ имѣетъ возможность предусмотрѣть законъ этого круговорота, большую и меньшую необходимость разныхъ потребностей и ихъ правильный возвратъ; съ другой стороны, въ немъ необходимо возбуждается желаніе доставить себѣ обезпеченность, возможность распоряжаться этимъ существеннымъ для его жизни процессомъ, регулировать и контролировать его. Мы знаемъ, что и завтра, и всѣ слѣдующіе дни намъ надо будетъ ѣсть, нужны будутъ кровь и платье; мы знаемъ перемѣны года, знаемъ, что по мѣрѣ увеличенія нашего семейства возрастаютъ наши потребности, знаемъ, чего требуютъ общественныя предпріятія, и, конечно, сдѣлаемъ все, чтобы имѣть все нужное, когда понадобится. Это сознательное вмѣшательство человѣка въ указанный нами круговоротъ его существованія, круговоротъ потребности — усилія — удовлетворенія, приводитъ насъ къ великому дѣятелю, къ главной дѣйствующей силѣ человѣческаго хозяйства, которое мы теперь разсматриваемъ,—къ труду. Ибо трудъ есть всякая цѣлесообразная дѣятельность человѣка, направленная на удовлетвореніе предусматриваемыхъ будущихъ потребностей. Въ этомъ смыслѣ можетъ трудиться лишь человѣкъ, потому что такое предусматриваніе обусловливается двумя качествами, ему одному свойственными изъ всѣхъ живыхъ существъ,—разумомъ и волею. Правда, и животное употребляетъ свои силы для удовлетворенія своихъ потребностей, но обыкновенно только въ ту минуту, когда чувствуетъ потребность, и никогда не долѣе того, пока она продолжается. Но

это нельзя назвать трудомъ, какъ нельзя назвать трудомъ дѣйствія странника, почерпающаго воду изъ ручья или срывающаго плодъ съ дерева для удовлетворенія голода и жажды настоящей минуты. Но если человѣкъ носить воду для употребленія въ хозяйствѣ или собираетъ плоды или ягоды про запасъ,—онъ трудится, потому что въ этомъ трудѣ есть расчетъ, забота о будущемъ».

Итакъ, вы рѣшительно утверждаете, что «трудъ есть лишь цѣлесообразная дѣятельность человѣка, направленная на удовлетвореніе предусматриваемыхъ будущихъ потребностей».

Смѣло сказано! По Вашему, дѣятельность, направленная на удовлетвореніе текущихъ потребностей, не—«трудъ»? Отчего бы не сказать просто, что разница между человѣческимъ трудомъ и дѣятельностью животнаго въ томъ, что человѣкъ дѣйствуетъ сознательно, а животное безъ сознанія? Изъ этого уже само собою слѣдуетъ, что человѣкъ дѣйствуетъ и въ пользу своихъ будущихъ потребностей, насколько даютъ ему досуга на это текуція нужды. Но вы идете дальше и постановляете теоретическій тезисъ, что человѣческая дѣятельность именно только тѣмъ отличается отъ животной, что направлена на удовлетвореніе будущихъ потребностей.

Какъ пришло вамъ въ голову столь неслыханное произвольное положеніе? Развѣ вы не видите, къ какимъ изумительнымъ и потѣшнымъ послѣдствіямъ оно приведетъ васъ?

Стало быть, трудъ раба, напр., есть нечеловѣческій трудъ, а животная дѣятельность, потому, что рабъ ни на минуту не бываетъ собственникомъ своего продукта и не можетъ помѣшать своему господину немедленно истребить этотъ продуктъ? По вашему выходитъ такъ! Но не будемъ ходить далеко. Положеніе современнаго рабочаго сословія характеризуется именно тѣмъ, что огромное большинство работниковъ ничего не можетъ откладывать; оно характеризуется именно тѣмъ, что дневной трудъ доставляетъ огромному большинству работниковъ только дневное пропитаніе, и, стало быть, тутъ и рѣчи быть не можетъ объ откладываніи для будущихъ потребностей—сбереженіи. Вы сами признаете это, потому что сто разъ сами говорили, что только потребительныя и сыревыя складчины могутъ улучшить положеніе рабочаго сословія. Я не стану разбирать здѣсь: могутъ или нѣтъ

эти складчины помочь рабочему сословию, но фактъ тотъ, что до сихъ поръ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ ихъ не было.

Стало быть, въ теченіе всѣхъ этихъ вѣковъ рабочее сословіе работало для удовлетворенія не будущихъ своихъ потребностей, а всегда лишь для текущихъ, настоящихъ. Дневная рабочая плата давала дневное пропитаніе.

Стало быть, въ теченіе всѣхъ этихъ вѣковъ дѣятельность нашихъ работниковъ, направленная постоянно къ удовлетворенію текущихъ потребностей, никогда будущихъ, была и есть не человѣческой трудъ, а животная дѣятельность! Таковъ необходимый выводъ изъ вашего определенія какъ бы вы ни отвергались отъ подобнаго послѣдствія.

Толкуйте, что хотите, но отъ этого неизбежнаго послѣдствія своего остроумнаго определенія вы не отдѣляетесь!

Спрашиваю опять: какъ пришло вамъ въ голову столь неслыханное произвольное положеніе, влекущее васъ къ такимъ потѣшнымъ выводамъ? Я вамъ скажу, какъ, г. Шульце!

Для васъ капиталъ сталъ религіей и приводитъ васъ къ такимъ же нелѣпостямъ во взглядѣ на экономическія явленія, къ какимъ религія приводитъ ханжей во взглядѣ на явленія природы.

Подобно тому, какъ производство невысказано для васъ иначе, какъ «заслуживаніе», такъ подъ трудомъ вы не въ состояніи представить себѣ ничего, кромѣ собиранія капитала, сбереженія и откладыванія на будущія потребности. Въ вашей буржуазной головѣ всѣ реальныя отношенія до такой степени превращаются незамѣтно для васъ самихъ въ свои противоположности, что работника вы видите только въ капиталистѣ, который ежегодно вырѣзываетъ и откладываетъ купоны своихъ акцій кельнъ-минденской желѣзной дороги; зато въ настоящемъ работникѣ вы видите лишь животное, озабоченное только текущими потребностями.

Вы продолжаете: «Итакъ, цѣль труда—удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, и она достигается разумнымъ употребленіемъ естественныхъ силъ человѣка. Такимъ образомъ (!) мы получаемъ первое основное правило, определяющее отношеніе индивидуума къ человѣческому обществу по вопросу о своемъ существованіи: обязанность ин-

дивидуума самому заботиться о себѣ; предоставленіе его собственнымъ силамъ. «Ты имѣешь потребности, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ твое существованіе,— гласить это правило—но та же природа, которая поставила тебя въ эту зависимость, дала тебѣ и силы, и тебѣ стоитъ только разумно употребить ихъ, чтобы удовлетворить своимъ нуждамъ. Поэтому судьба твоя въ твоихъ рукахъ, и ты самъ за нее отвѣчаешь передъ самимъ собою и передъ ближними, которыхъ ты не имѣешь права обременять своими притязаніями, потому что и они всѣ, какъ и ты, должны заботиться о себѣ».

Вотъ оно что: «такъ какъ цѣль труда—удовлетвореніе человѣческихъ потребностей и достигается разумнымъ употребленіемъ естественныхъ силъ человѣка», то «такимъ образомъ (!) мы получаемъ первое основное правило, опредѣляющее отношеніе индивидуума къ человѣческому обществу по вопросу о своемъ существованіи: обязанность индивидуума самому заботиться о себѣ, предоставленіе его собственнымъ силамъ»!

Вотъ классическая аргументація!

Кто говоритъ! Конечно, человѣкъ обязанъ самъ заботиться о себѣ. Я также убѣжденъ, г. Шульце, что каждый обязанъ заботиться о себѣ и я понимаю это обязанность въ такомъ обширномъ смыслѣ, какого никогда и не вообразится вашей буржуазной головѣ. Но хотя обязанность эта—несомнѣнная истина, тѣмъ не менѣе вашъ способъ доказывать ее есть забавнѣйшая шулерская продѣлка, какую когда либо кто видѣлъ. Канатныя упражненія надъ Ніагарскимъ водопадомъ—бездѣлица въ сравненіи съ вашимъ двойнымъ прыжкомъ въ этомъ разсужденіи!

Позвольте объяснить вамъ хотя нѣкоторыя столпотворенія, производимыя вашею глубокою образованностью.

1) Цѣль труда—удовлетвореніе человѣческихъ потребностей и, говорите вы, цѣль эта «достигается разумнымъ употребленіемъ естественныхъ силъ человѣка». Само по себѣ это положеніе вполне справедливо, хотя у васъ оно совершенно голословно и ни изъ чего предыдущаго не вытекаетъ; впрочемъ оно само по себѣ фактъ, не подлежащій сомнѣнію и не требующій особыхъ доказательствъ, но лишь настолько, насколько касается человѣка въ естественномъ со-

с т о я н і и, изолированной личности. Робинзонъ Крузо на своемъ островѣ точно «достигаетъ удовлетворенія своихъ потребностей лишь разумнымъ употребленіемъ своихъ естественныхъ силъ». Но въ человѣческомъ обществѣ это положеніе претерпѣваетъ во всѣхъ отношеніяхъ существенныя измѣненія. Извѣстныя общественныя учрежденія могутъ поставить одного человѣка въ возможность достигать большаго, чѣмъ онъ могъ бы достичь «разумнымъ употребленіемъ своихъ естественныхъ силъ», т. е. силъ принадлежащихъ ему, какъ отдѣльной личности, его индивидуальныхъ силъ. Равнымъ образомъ, извѣстныя общественныя учрежденія могутъ мѣшать другому человѣку достигать того, чего онъ могъ бы достичь «разумнымъ употребленіемъ своихъ естественныхъ силъ». И тотъ и другой случай постоянно повторялись во все продолженіе исторіи.

Если вы полагаете, что извѣстныя современныя учрежденія уже не представляютъ такого поощренія однихъ въ ущербъ другимъ, то вамъ слѣдовало доказать это разборомъ этихъ учреждений. Стало бытъ, вамъ слѣдовало предварительно критически развить сущность мѣновой цѣнности, денегъ, кредита, капитала, конкуренціи, наемнаго труда, поземельной ренты и при этомъ доказать, что всѣ эти современныя общественныя учрежденія не измѣняютъ «разумнаго употребленія естественныхъ силъ человѣка», а вмѣстѣ съ тѣмъ и «удовлетворенія его потребностей»; или, что то же, слѣдовало доказать, что эти учрежденія умножаютъ эти силы равномѣрно у всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, такъ что хотя общественность умножаетъ силы людей, но въ равныхъ пропорціяхъ, и потому отношенія личностей другъ къ другу остаются равны; стало бытъ, каждая изъ нихъ остается въ зависимости только отъ своей индивидуальности, какъ и въ гипотезѣ естественнаго состоянія.

Вотъ если бы вы дѣйствительно или хотя бы лишь поверхностно вывели все это изъ разбора нашихъ общественныхъ учреждений, то могли бы, сказавъ, что удовлетвореніе человѣческихъ потребностей достигается разумнымъ употребленіемъ естественныхъ силъ человѣка, заключить, что отсюда при нынѣшнихъ общественныхъ учрежденіяхъ вытекаетъ обязанность самому заботиться о себѣ.

Посмотримъ на это съ другой стороны.

Толковать про «естественныя силы человѣка» значитъ толковать о людяхъ, предполагая ихъ изолированными, отдѣльными личностями; представляя ихъ себѣ безчисленнымъ множествомъ Робинзоновъ Крузо на безчисленномъ множествѣ необитаемыхъ острововъ, потому что только въ гипотезѣ естественнаго состоянія люди получаютъ свои силы исключительно отъ «природы» *). Силы же людей, живущихъ въ обществѣ, обуславливаются, напротивъ, историческими и социальными условіями страны, и такъ какъ условія эти вліяютъ и на воспитаніе, то ими обуславливаются даже и индивидуальныя силы людей. Не стесняясь всѣмъ этимъ, вы изрекли, что «удовлетвореніе человѣческихъ способностей достигается разумнымъ употребленіемъ естественной силы человѣка», прямо заключаете: «такимъ образомъ мы приходимъ къ первому основному правилу, опредѣляющему отношенія личности къ человѣческому обществу по вопросу о своемъ существованіи: обязанность самому заботиться о себѣ» и т. д.

«Такимъ образомъ», г. Шульце, вы приходите къ этому главному основному правилу. То есть, такимъ образомъ, что неловкимъ фокусъ-покусомъ подставляете въ человѣческое общество положеніе, истинное только въ гипотезѣ естественнаго состоянія, не сказавъ еще ни слова объ обществѣ, не разсмотрѣвъ еще его учреждений, не показавъ еще ни единымъ словомъ, не измѣняютъ ли, не уничтожаютъ ли, не обращаютъ ли какъ разъ въ противное его положительныя условія это положеніе, истинное только въ гипотезѣ естественнаго состоянія!

Съ положенія, заимствованнаго изъ гипотезы естественнаго состоянія, вы, сказавъ только «такимъ образомъ», перескакиваете, какъ съ каната на канатъ, въ нынѣшнія естественныя учрежденія черезъ длинный рядъ всѣхъ историческихъ формъ развитія и отношеній! Это скачокъ черезъ всю исторію цивилизаціи, и, разумѣется, скачокъ черезъ Ниагарскій водопадъ передъ нимъ бездѣлица! Какія бы положенія

*) Впрочемъ, вы и Бастіа дѣйствительно представляете себѣ людей современнаго общества все Робинзонами Крузо, все дикарями въ первобытномъ естественномъ состояніи, довершая забавность и нелѣпость такого представленія присовокупленіемъ къ нему, что эти Робинзоны Крузо «обмѣниваются своими продуктами».

вы ни усматривали, г. Шульце, въ гипотезѣ естественнаго состоянія, но «такимъ образомъ» нельзя разсуждать, нельзя дѣлать изъ этихъ положеній ни малѣйшихъ, ни самыхъ отдаленнѣйшихъ заключеній насчетъ того, что возможно или даже, какъ у васъ, что обязательно въ человѣческомъ обществѣ, въ его опредѣленныхъ, конкретныхъ условіяхъ!

Вотъ какъ просвѣщаете вы работниковъ, г. Шульце! Въ этой безмысленной путаницѣ самыхъ простѣйшихъ понятій, въ этомъ наборѣ словъ, пустота котораго обличается при первомъ прикосновеніи, состоитъ просвѣтительная болтовня, которую вы дурманите работниковъ и крадете у нихъ инстинктъ сословія и естественную силу, до сихъ поръ не покидавшіе ихъ.

Подъ вашей безмысленной защитой даже само по себѣ вѣрное въ извѣстномъ смыслѣ положеніе объ обязанности самому заботиться о себѣ дѣлается ложнымъ и лживымъ.

Одно изъ двухъ, г. Шульце: или это смѣшеніе понятій производится вами безсознательно,—а мы увидимъ, что вся ваша книга нечто иное, какъ непрерывный рядъ такихъ и еще худшихъ смѣшеній, конфузій; но въ такомъ случаѣ подобному конфузіонаріусу очень не мѣшало бы потрудиться самому немного поучиться, прежде чѣмъ просвѣщать массы, а иначе онъ только заразить ихъ міазмами своей глупости.

Обладая образованіемъ странствующаго *commis*, можно произносить длинныя рѣчи въ палатѣ; но чтобы учить и развивать массы, г. Шульце, нужны истинная образованность и большая ясность мыслей.

Или это смѣшеніе преднамѣренное, сознательное... Ну, а что изъ этого слѣдуетъ, предоставляю вамъ рѣшить самому!

Второе смѣшеніе понятій, которое вы совершаете тутъ, состоитъ вотъ въ чемъ. Вы объясняете, что «обязанность самому заботиться о себѣ» состоитъ въ «предоставленіи каждому самому себѣ», разумѣя и исключительное предоставленіе самому себѣ.

Но «обязанность самому заботиться о себѣ» и исключительное «предоставленіе каждому самому себѣ», что по вашему одно и то же, двѣ вещи, столь же отдаленныя другъ отъ друга, какъ небо отъ земли, г. Шульце!

Если надо каждому предоставить самому себѣ, своимъ изолированнымъ силамъ, если вы съ товарищами хотите, чтобы

общество приняло девизомъ: «Каждый за себя, Богъ за всѣхъ», то, скажите, къ чему тогда общество? На чемъ основаны его права?

Отчего въ такомъ случаѣ люди не живутъ другъ подлѣ друга, какъ звѣри въ пустынѣ, гоняясь каждый за своей добычей, самъ по себѣ, съ единственнымъ отличіемъ отъ звѣрей—рѣшеткой уголовного права, не допускающей ихъ охотиться въ округѣ другого? Таковъ вашъ идеалъ человѣческаго общества! Но рѣшетка уголовного права не устояла бы. Вѣдь и уголовное право вытекаетъ въ сущности лишь изъ общности народнаго духа, стало быть, вытекаетъ не изъ предоставленія каждому самому себѣ». Если бы это положеніе было принято за верховное нравственное правило, то уголовное и всякое другое право были бы невысказанными. Уголовное право вытекаетъ изъ солидарности народнаго духа во всѣхъ индивидуумахъ, изъ предоставленія каждому на общій интересъ, на единство и общность со всѣми *). Сама нравственность существуетъ только этимъ единствомъ, общностью всѣхъ. Безъ нихъ не было бы ничего ни нравственнаго, ни законнаго, ни внѣ, ни внутри человѣка, не было бы ничего обязательнаго.

«Такъ какъ всякое общежитіе есть общество соединенныхъ людей»—такъ начинаетъ Аристотель свое ученіе о государствѣ **). «Такъ какъ всякое общежитіе есть общество изолированныхъ, предоставленныхъ каждое самому себѣ существъ»—такъ начинаете вы ваше. Хотѣтъ основать общество на «первомъ главномъ правилѣ» «предоставленія каждому самому себѣ» значить намѣреваться затмить дагомейское царство негровъ. Но впрочемъ это до того нелѣпо и невозможно по дикому, внутреннему противорѣчію, что въ дѣйствительности подобныя безмыслицы разрушаются отъ тяжкаго давленія ея и могутъ возбудить только хохотъ. Но проповѣдывать работникамъ такое воззрѣніе на общество зна-

*) Если вы этого не понимаете, г. Шулце, что болѣе, чѣмъ вѣроятно, то почитайте Савиньи, «Систему римскаго права» т. VIII, стр. 533—536 и мою «Систему пріобрѣтенныхъ правъ», т. I, стр. 194—199.

**) Арист. «Политика», кн. I, гл. 1, перев. г. Скворцова, который передаетъ это такъ: «Всякое государство представляетъ собою нѣкоторую форму общежитія».

читать низводит их сознание ниже того уровня, на котором дагомейские негры стоят бессознательно, и это уже не смешно, потому что человеческое сознание гораздо легче сбить на время с толку, чѣм дѣйствительныя, реальныя учрежденія!

Вы говорите впрочемъ дальше: «Изъ того, что каждый самъ несетъ послѣдствія своихъ дѣйствій и бездѣйствія, не взваливая ихъ на другихъ, вытекаетъ возможность для людей общественной жизни, государственнаго союза, которые, стало быть, основаны на самоотвѣтственности и вмѣняемости».

Какъ плохо вы знаете исторію, г. Шульце!

Напротивъ того, все историческое развитіе всегда вытекало изъ общности, безъ которой вовсе не было бы культуры.

По Аристотелю *), господинъ и рабъ составляютъ первое хозяйство.

Семья, родъ—все понятія, въ которыхъ долгое время прямо устранены всякая самоотвѣтственность и вмѣняемость—вотъ откуда происходили «общественная жизнь и государственный союзъ».

Объясню вамъ это, г. Шульце.

Весь древній міръ и все средніе вѣка до французской революціи 1789 г. искали человѣческой солидарности и общности въ зависимости или подчиненіи.

Французская революція 1789 г. и состоящій подъ ея вліяніемъ историческій періодъ, справедливо возмущенные этимъ подчиненіемъ, искали свободы въ разрушеніи всякой солидарности и общности. Вслѣдствіе этого они вмѣсто свободы получили произволь. Ибо свобода безъ общности—произволь.

Новое, нынѣшнее время ищетъ солидарности въ свободѣ.

Вотъ вкратцѣ весь ходъ и смыслъ исторіи до настоящаго времени!

Чтобы еще болѣе освѣтить безграничныя смѣшенія, блуждающія въ хаосѣ вашего безсмысла, я повторю ваши послѣднія слова заодно съ слѣдующей за нимъ фразой.

Вы говорите:

«Изъ того, что каждый самъ несетъ послѣдствія своихъ

*) Аристотель. «Политика», кн. I, гл. 1 и 2.

дѣйствій и бездѣйствія, не взваливая ихъ на другихъ, вытекаетъ возможность для людей общественной жизни, государственнаго союза. Только между существами, знающими, что дѣлаютъ, и отвѣчающими за свои дѣйствія, мыслимы общность, регулируемая нравственными и политическими законами, и выгодная для всѣхъ взаимность экономическихъ и гражданскихъ отношеній».

Самымъ наивнѣйшимъ образомъ вы приравниваете здѣсь юридическую самоотвѣтственность и вмѣняемость къ экономической, какъ будто между ними нѣтъ ни малѣйшей разницы.

Въ юридической области самоотвѣтственность, конечно, безусловное правило, по той простой причинѣ, что въ области права каждый зависитъ только отъ собственныхъ дѣйствій.

Человѣкъ убиваетъ или воруетъ или дѣлаетъ какой-нибудь другой поступокъ; очевидно, что онъ, какъ отдѣльное лицо, есть единственный виновникъ этого. Поступокъ есть продуктъ его свободной воли.

Такъ какъ отъ свободной воли индивидуума зависѣло дѣлать или не дѣлать этотъ поступокъ, то изъ этого ясно и необходимо слѣдуетъ, что всякій отвѣчаетъ за то, что сдѣлалъ, что, стало быть, здѣсь существуетъ индивидуальная «вмѣняемость и самоотвѣтственность».

Но экономическая область имѣетъ маленькую разницу отъ юридической, а именно ту, что въ области права каждый отвѣчаетъ за то, что сдѣлалъ, тогда какъ въ экономической области въ настоящее время, наоборотъ, каждый отвѣчаетъ за то, чего не дѣлалъ.

Напр. въ Коринѣ или Смирнѣ хорошо уродилась коринка, или въ долинѣ Миссисипи, на Дунаѣ или въ Крыму богатый урожай хлѣба, и отъ этого фруктовые и хлѣбные торговцы въ Берлинѣ и Кельнѣ, имѣющіе большіе запасы этихъ товаровъ, купленные по прежнимъ цѣнамъ, теряютъ половину состоянія.

Если напротивъ хлѣбъ уродился худо, то въ этомъ году работники теряютъ половину заработной платы, которая хотя

номинально осталась прежняя, но дает возможность купить только половинное количество пищи *)).

Но если, наоборот, наша туземная жатва была хороша, то съ нами случается то, на что съ такими наивными вздохами жаловался король французскій въ отвѣтъ на адресъ французской палаты депутатовъ 30 ноября 1821 г.: «Законы выполнены, но никакой законъ не можетъ устранить неудобствъ, происходящихъ отъ слишкомъ изобильнаго урожая» **).

Если не удался сборъ хлопка въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки или если подвозъ его прекратился по какой-либо другой причинѣ, то въ Англии, Франціи и Германіи работники хлопчатобумажныхъ фабрикъ дѣлыми массами лишаются работы и хлѣба.

Но, можетъ быть, вмѣсто неурожая хлопка, въ Америкѣ случился промышленный или денежный кризисъ вслѣдствіе переполненія рынка иностранными товарами, оттого что многія фабриканты, ничего другъ о другѣ не зная, работали

*) Сообщаемъ здѣсь только для «образованныхъ» извѣстное всѣмъ экономистамъ Бингъ-д'Авенантовское правило, которое и Тукъ («Исторія цѣнъ», ч. 1, стр. 4, изд. Ашера) находитъ очень близкимъ къ истинѣ. По этому правилу недоборъ въ жатвѣ возвышаетъ цѣну хлѣба въ слѣдующей пропорціи, переходящей въ 3—9 разъ самый недоборъ:

Недоборъ хлѣба на 0,1	возвышаетъ цѣну на 0,3
0,2	» » 0,8
0,3	» » 1,6
0,4	» » 2,8
0,5	» » 4,5

Еще поразительнѣе такое же непропорціональное паденіе цѣнъ при урожаѣ (см. слѣд. прим.).

**) См. «Moniteur» № 335 отъ 1 декабря 1821 г.: «Les lois ont été exécutées, mais aucune loi ne peut prévenir les inconvénients qui naissent de la surabondance des récoltés». Отъ изобильной жатвы цѣны падаютъ не пропорціонально изобилію, какъ думаетъ публика, а въ гораздо большей пропорціи, такъ что общій доходъ отъ жатвы не только не достигаетъ общаго дохода съ нея въ средне-урожайный годъ, но часто понижается больше чѣмъ на половину. Такъ по Кордье (Mémoires sur l'agriculture de la Flandre française. Paris. 1823) во Франціи сборъ пшеницы давалъ:

въ 1817 году	48,157,127	гектолитровъ	2,046	млн. франковъ
1818	»	52,879,782	»	1,442
1819	»	63,945,878	»	1,170

Оттого крестьяне въ урожайные годы бѣдствуютъ.

одно и то же и выслали въ Америку чрезвычайное количество своихъ издѣлій; товары продаются съ молотка, и учетъ накладныхъ европейскихъ негоціантовъ оказывается состоявшимся ниже покупной цѣны; это производитъ застой на шелковыхъ и бархатныхъ фабрикахъ Крефельда, Эльберфельда, Ліона по недостатку заказовъ. Открытіе новыхъ богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ въ какой-нибудь отдаленной части свѣта понижаетъ цѣнность благородныхъ металловъ и этимъ измѣняетъ всѣ контракты, наноситъ убытки всѣмъ европейскимъ кредиторамъ, обогащаетъ всѣхъ должниковъ, тогда какъ продолжительный усиленный спросъ на серебро въ Китаѣ и Японіи производитъ какъ разъ обратное дѣйствіе.

Телеграмма, извѣщающая, что урожай конопли въ Голландіи обѣщаетъ быть лучше, чѣмъ въ прошломъ году, лишаетъ хозяевъ маслобоенъ въ Пруссіи всякаго дохода съ своей промышленности, и имъ приходится радоваться, если удастся продать изготовленное масло по покупной цѣнѣ конопли. Каждое механическое изобрѣтеніе, удешевляющее производство какого-нибудь товара, понижаетъ цѣнность цѣлыхъ массъ заготовленныхъ запасовъ этого товара, подрываетъ множество предпринимателей и торговцевъ. Постройка каждой желѣзной дороги въ одномъ мѣстѣ возвышаетъ цѣнность участковъ, домовъ и заведеній, а въ другомъ понижаетъ.

Такихъ примѣровъ можно набрать милліоны. Они доказываютъ вамъ, г. Шульце, какъ справедливо, что въ экономической области въ противоположность юридической каждый отвѣчаетъ за то, что не дѣлалъ.

Причина очень проста. Въ юридическомъ отношеніи каждый поступокъ есть продуктъ индивидуальной свободы воли. Здѣсь общаго только обязательство (законъ). Наоборотъ, экономическая область есть область общественной связи, т. е. солидарности и общности.

Отдѣльный поступокъ, являющійся въ юридической области продуктомъ индивидуальной свободы воли, въ экономической области опредѣляется всею общественной связью. Она дѣлаетъ его такимъ, каковъ онъ есть, надавливаетъ на него и отпечатываетъ его, дѣлаетъ его своимъ продуктомъ и сообщаетъ ему свой характеръ.

А вы наивно приравнили юридическія «самоотвѣтственность и вмѣняемость» къ экономическимъ и, не раздумывая больше, остаетесь гъ увѣренности, что, доказавъ первыя, доказали и вторыя. Чтобы перемѣшивать столь различные и даже противоположныя области, надо дѣйствительно какъ говоритъ Шеллингъ, обладать образованіемъ «цирюльника», г. Шульце!

Для анализа вашего юридическаго тезиса, который вы съ торжествомъ принимаете за экономическій, сказаннаго достаточно.

Но такъ какъ вы уже заставили меня мимоходомъ заняться имъ, то позвольте мнѣ посвятить ему еще нѣсколько словъ.

Можно не понимать человѣческой солидарности, общности, но уничтожить ихъ нельзя, г. Шульце.

Стало быть, если существуютъ общественныя учрежденія, не признающія и не регулирующія эту солидарность, она тѣмъ не менѣе существуетъ, но обнаруживается уже какъ грубая естественная сила, мстящая за свое непризнаніе, какъ рокъ, играющій какъ мячомъ мнимой свободой предоставленнаго самому себѣ индивидуума. Невѣдомыя и потому тѣмъ болѣе необузданныя силы то возносятъ одного на верхъ богатства, то низвергаютъ сотни другихъ въ пропасть нищеты, и колесо общественной связи катится, дробя и давя ихъ и ихъ поступки, ихъ трудъ и работу. Судьба разыгралась, и мячами служатъ ей люди!

Быть можетъ, понатужившись, вы поймете, г. Шульце, что тамъ, гдѣ владычествуетъ случай, тамъ не можетъ быть и рѣчи о свободѣ индивидуума. Вы поймете, что случай нечто иное, какъ уничтоженіе всякой «самоотвѣтственности и вмѣняемости», стало быть, и свободы.

Вы поймете, стало быть, и то, что люди, желающіе ограничить этотъ произволъ случая, уничтожить его, а если это невозможно, то по крайней мѣрѣ распредѣлить его власть равномерно на всѣхъ и такимъ образомъ ослабить разрушительную тяжесть, съ какою онъ обрушивается на людей въ частности, сдѣлать ее нечувствительною для всѣхъ,—вы поймете, что эти люди хотятъ, значить, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этого произвола, не отмѣнить, а напротивъ признать общественность, солидарность, кото-

рыхъ нельзя уничтожить, а съ ними и самоотвѣтственность, вмѣняемость, свободу личности. Вы поймете, что они хотять создать для личной свободы почву и просторъ, чтобы она могла осуществляться разумно, тогда какъ теперь ее давить и попираетъ общественная связь, являющаяся въ видѣ грубой естественной силы. Общественная связь, г. Шульце, есть исконная орфическая цѣпь. О ней еще древніе орфики пѣли, что она неразрывно соединяетъ все существующее. И замѣчательно, не чуждо извѣстнаго глубокаго смысла и юмора, что эта древняя орфическая цѣпь до сихъ поръ носить къ нашему меркантильному мірѣ, у нашихъ купцовъ и предпринимателей, свое исконное орфико-стоическое имя! Эта связь общественныхъ соотношеній, эта цѣпь, соединяющая всѣ существующія невѣдомыя обстоятельства, называемая въ общезитіи «стеченіемъ обстоятельствъ», въ торговомъ мірѣ называется—конъюнктурой *).

А сверхъестественное, метафизическое гаданіе, результатъ невѣдомыхъ обстоятельствъ, есть спекуляція.

Стеченіе обстоятельствъ и спекуляція на нихъ управляютъ всѣмъ нашимъ экономическимъ бытомъ; они управляютъ всю дѣятельность нашего меркантильнаго міра, и его взбуренныя высокія волны, пуская отъ себя круги, распространяютъ ихъ вліяніе до послѣдней прибрежной капли, пока, повидимому, еще совершенно спокойной и самостоятельной, но вскорѣ принимающей подъ этимъ вліяніемъ свой индивидуальный образъ.

Они вліяютъ на индивидуальное существованіе тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ ближе относится область его труда къ великому меркантильному міру и его дѣятельности. Они вліяютъ на него тѣмъ слабѣе, чѣмъ ближе оно къ формамъ прошлаго, уже отжившаго періода, существующаго только въ скудныхъ, исчезающихъ очеркахъ и остаткахъ; другими словами: они тѣмъ сильнѣе вліяютъ на личность, чѣмъ болѣе трудъ ея состоитъ въ производствѣ «общественныхъ мѣновыхъ

*) *Conjunctio regum omnium* (соединеніе, связаніе существующаго) такъ называютъ римскіе стоики орфическую «неразрывную связь», цѣпь судьбы, отрицательно связующую и опредѣляющую все сущее. См. Ласали: «Геракль», т. 1, стр. 374—379.

цѣнностей», и тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе трудъ ея направленъ на производство полезностей для собственнаго потребленія; но послѣдняя форма труда, обь особенностяхъ которой мы скажемъ подробнѣе ниже, теперь почти совершенно исчезла. Оттого-то опытные купцы и замѣчаютъ такъ часто, что на меркантильномъ поприщѣ крушенія больше всего постигаютъ самыхъ разсудительныхъ спекуляторовъ, тогда какъ глупые состоятъ, повидимому, подь особымъ покровительствомъ судьбы.

Послѣ всего вышесказаннаго этотъ поразительный и непонятный фактъ совершенно объясняется.

Дѣло въ томъ, что сумма обстоятельствъ, которыхъ нельзя предусмотрѣть, безконечно больше суммы обстоятельствъ, могущихъ быть предусмотрѣнными.

Чѣмъ точнѣе и вѣрнѣе сдѣлана оцѣнка предвидимыхъ обстоятельствъ, на которой спекуляторъ построилъ свой разумный расчетъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что безконечно громаднѣйшая сумма непредвидимыхъ обстоятельствъ измѣнитъ результатъ этого расчета.

Слѣдовательно, чѣмъ вѣрнѣе и точнѣе соотвѣтствуетъ разумный расчетъ спекулятора извѣстнымъ ему обстоятельствамъ, тѣмъ больше противъ него шансовъ.

Все сказанное до сихъ поръ, г. Шульце, относится къ нашимъ экономическимъ условіямъ вообще, а въ частности—къ положенію тѣхъ самыхъ купцовъ и предпринимателей, интересы которыхъ вы отстаиваете.

Другое дѣло положеніе работниковъ. Имъ недоступна эта индивидуальная игра въ фортуна, до того увлекающая нашихъ купцовъ и предпринимателей, что они забываютъ, какое множество людей ихъ собственнаго сословія повергаются подь колесо нищеты, пока одинъ вознесется въ нѣдра богатства.

Эта азартная игра, въ которую обращено все наше производство, недоступна имъ, говорю я, потому что у нихъ нѣтъ ставки—капитала. Къ этой игрѣ допускаются только тѣ, кто продаетъ продукты для своей выгоды и располагаетъ достаточнымъ капиталомъ, чтобы при благоприятныхъ обстоятельствахъ изготовлять или приобрѣтать эти продукты въ большихъ количествахъ, дабы пользоваться благоприятными степеніями об-

стоятельствъ, эксплуатировать ихъ и посредствомъ ихъ и спекуляціи на нихъ пробиваться въ нѣдра богатства.

Стало быть, рабочее сословіе самою своею сущностью устранено отъ благоприятныхъ шансовъ этой азартной игры, потому что работникъ, какъ фабричный, такъ и сельскій, никогда не бываетъ продавцомъ продуктовъ для своей выгоды.

Точно такъ же устраненъ отъ нея мелкій ремесленникъ, который хотя изготовляетъ и продаетъ продукты для своей выгоды, но, съ одной стороны, все болѣе и болѣе низводится въ положеніе наемника крупной промышленности, капитала, а съ другой, и при самостоятельномъ производствѣ, не можетъ по недостатку капитала эксплуатировать благоприятныя стеченія обстоятельствъ, тогда какъ наоборотъ неблагоприятныя стеченія обстоятельствъ безпрепятственно эксплуатируютъ его.

Такимъ образомъ рабочее и ремесленное сословіе представляетъ въ нашемъ обществѣ экономической классъ, надъ которымъ красуется надпись Дантовскаго ада: «Вы, входящіе сюда, оставьте всякую надежду!»

Но хотя этотъ классъ устраненъ отъ непосредственнаго участія въ азартной игрѣ стеченія обстоятельствъ, однако шансы этой игры даютъ себя чувствовать ему; только благоприятныя шансы даютъ себя чувствовать далеко не въ той силѣ, какъ неблагоприятныя.

Благоприятное стеченіе обстоятельствъ—періодъ процвѣтанія усиленнаго производства—оказываетъ на работниковъ и ремесленниковъ вліяніе тѣмъ, что стремится къ нѣкоторому возвышенію рабочей платы. Но даже если стремленіе это осуществляется, положеніе работника улучшается очень медленно, незамѣтно и при томъ временно.

Но этому стремленію обыкновенно противодействуютъ два обстоятельства. Если благоприятное стеченіе обстоятельствъ не имѣетъ общаго значенія и если оно не прочно, то сопротивление предпринимателей повышенію рабочей платы при мимолетности благоприятнаго стеченія или совершенно препятствуетъ повышенію рабочей платы или ограничиваетъ его самыми ничтожными размѣрами. Если, напротивъ, благоприятное стеченіе обстоятельствъ прочно и повсемѣстно, касается всѣхъ отраслей труда, то постепенное возвышеніе рабочей платы до того умножаетъ браки между работниками, стало быть,

усиливает спрос на работу, что совершенно покрывает возвышавшееся было предложенье ее и рабочая плата опять падает къ прежнему размѣру или даже ниже.

Итакъ, благоприятное стеченіе обстоятельствъ оказываетъ на рабочее сословіе лишь весьма тихое и скоропроходящее вліяніе. Наоборотъ, неблагоприятныя стеченія обстоятельствъ отражаются на немъ страшнымъ бременемъ.

Непосредственное уменьшеніе рабочей платы, ограниченіе занятій, совершенная остановка работъ—таковы тяжеловѣсныя удары, которыми осыпаютъ спины работниковъ неблагоприятныя стеченія обстоятельствъ и переполненіе рынка алчною конкуренціею спекуляторовъ.

Вѣдь для васъ, г. Шульце, на свѣтѣ нѣтъ ничего удивительнѣе этой самой конкуренціи, которая дѣлаетъ для васъ этотъ міръ лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ! Позвольте же мнѣ изобразить вамъ глубокую мудрость этой конкуренціи не моими словами, а устами одного изъ вождей либеральной буржуазной экономіи; это—человѣкъ, по крайней мѣрѣ знающій, въ противоположность вамъ, то, о чемъ пишеть; это — прославленный и экономистъ Макъ-Кулахъ^{*)}). Послушайте его: «По первомъ открытіи торговыхъ сношеній съ «Буэносъ-Айресомъ, Бразиліей и Каракасомъ было въ нѣ-«сколько недѣль выслано больше манчестерскихъ издѣ-«лій, чѣмъ въ предыдущія двадцать лѣтъ. Въ Ріо-Жа-«нейро прибыло столько англійскихъ товаровъ, что имъ не-«доставало помѣщенія, и самыя цѣнныя вещи по цѣлымъ «недѣлямъ валялись на берегу, предоставленныя погодѣ и «воровству. Изящныя сервизы, хрустальные и фарфоровыя, «предлагались людьми, у которыхъ до сихъ поръ драгоцѣн-«нѣйшими сосудами была кокосовая скорлупа; были присла-«ны и инструменты съ молотомъ на одномъ концѣ и топо-«ромъ на другомъ, какъ будто туземцу стоитъ расколотъ «первый попавшій камень, чтобы вытащить оттуда кусокъ «золота или алмазъ; нѣкоторые спекуляторы догадались даже «прислать въ Ріо-Жанейро лыжи».

Вся исторія европейской промышленности въ нашемъ сто-

*) Principles of polit. economy, ed. 2, p. 329.

дѣти есть нечто иное, какъ безпрестанная смѣна «самыхъ отчаянныхъ спекуляцій», лихорадочнаго напряженія кредита подъ вліяніемъ «незнанія фактовъ», отсюда безграничныхъ излишествъ производства и въ конечномъ результатѣ торговыхъ и денежныхъ кризисовъ, паденія цѣнъ ниже стоимости производства, уменьшенія спроса на трудъ, застоевъ въ работѣ и болѣе или менѣе продолжительныхъ остатковъ работъ. Ссылаюсь, напр., на знаменитую и классическую «Исторію цѣнъ съ 1793-1856» Т. Тука.

Слѣдовательно, спина работниковъ представляетъ зеленый столъ, на которомъ предприниматели и спекуляторы ведутъ азартную игру нынѣшняго производства. Спина работниковъ—столъ, съ котораго предприниматели собираютъ золотыя кучи, выбрасываемыя имъ счастливыми оборотами рулетки, и по которому они колотятъ кулаками, когда счастье не везетъ, утѣшаясь надеждой на лучшіе шансы въ будущемъ.

За всѣ неизбежные проигрыши въ этой игрѣ хозяевъ и спекуляторовъ платитъ работникъ, платитъ пониженіемъ рабочей платы, пожертвованіемъ трудовыхъ сбереженій, совершенной потерей работы, а съ ней и средствъ къ существованію; а между тѣмъ онъ тутъ ни причемъ; онъ не виноватъ въ ихъ ошибочныхъ спекуляціяхъ и расчетахъ; онъ не повиненъ въ ихъ алчности, не участвуетъ въ ихъ выигрышахъ. А вы, не подозрѣвая существованія «общественной связи», спекулируя на невѣжество работниковъ, еще немного превосходящее ваше собственное невѣжество, обезпеченный тѣмъ, что они не могутъ взять въ толкъ, какимъ образомъ ихъ личная участь можетъ обуславливаться обстоятельствами всемірнаго рынка и что въ свою очередь обуславливаетъ эти обстоятельства,—вы, сильнѣйшій, называете все это «самоотвѣтственностью и вмѣняемостью» работниковъ! И этими громкими словами вы стараетесь, милѣйшій, возстановить работниковъ противъ людей, которые именно хотятъ возстановить «самоотвѣтственность и вмѣняемость» для нашихъ работниковъ, служащихъ теперь неодушевленными пѣшками въ игрѣ предпринимателей.

Можно было бы найти для васъ смягчающее на половину обстоятельство за это злоупотребленіе народнымъ невѣжествомъ въ томъ, что вы сами не имѣете понятіе о вещахъ, о которыхъ беретесь «учить». Да и откуда вамъ имѣть эти по-

нятія? Вы служили сначала мировымъ судьей, потомъ окружнымъ судьей въ маленькомъ городкѣ и, вѣроятно, честно старались въ этомъ судейскомъ званіи воздавать «каждому свое». Но эта юридическая дѣятельность и ея мелочныя отношенія не могли выяснить вамъ великую общественную связь, условія мірового рынка и его процессъ, постоянно опредѣляющій индивидуальныя, повидимому, судьбы. Зато богатые купцы и промышленники имѣли случай узнать все это и, конечно, хохочутъ за дверями до упада надъ невинностью вашихъ «ученій»!

Такимъ образомъ, ваше практическое положеніе не могло дать вамъ понятія объ этихъ условіяхъ, а другого пути, ведущаго къ понятію, пути науки, никогда не предпринимали. Вообще, вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о наукѣ. Что касается специально вашего знакомства съ народной экономіей, то, внимательно читая вашу брошюру, всякій знатокъ этой науки убѣдится, что—какъ само собой обнаружится въ дальнѣйшемъ продолженіи этой критики—вы никогда не читали ни одного экономического сочиненія, кромѣ книжонки Бастіа и, можетъ быть, еще какого-нибудь нѣмецкаго переводе Сеевскаго учебника. Безъ всякой научной подготовки, никогда ничего не изучавъ въ политической наукѣ, вы нахватили изъ этой книжонки совершенно превратныхъ понятій, многія изъ нихъ еще обезобразили и исказили и носитесь съ ними передъ народомъ, называя эту нескладицу своимъ «ученіемъ»!

Вы видите, что я готовъ принять всякое оправданіе, которое ссылается на ваше невѣжество. Однако, г. Шульце, едва ли можно допустить, что вы въ самомъ дѣлѣ добросовѣстно толкуете о самоотвѣтственности и вмѣняемости работниковъ въ нашемъ промышленномъ положеніи и хотите этими громкими словами поселить въ нихъ вкусъ къ своимъ бѣдствіямъ, чтобы удержать ихъ отъ водворенія порядка дѣйствительной «самоотвѣтственности, вмѣняемости и свободы» *).

*) По крайней мѣрѣ вашъ другъ, великій фабрикантъ, комерціи совѣтникъ и прогрессистскій депутатъ, г. Леоноръ Рейхенгеймъ, знаетъ все это лучше и, вѣроятно, такъ искренно и закатисто хохочетъ тайкомъ надъ вами, что любитъ васъ не за одни ваши достоинства, но сверхъ того за «услугу», которую вы оказываете его пиццваренію. въ 1848 г. онъ на-

мышленное положеніе, какъ бы ни былъ онъ глупъ, но, живя въ большихъ городахъ, въ обществѣ купцовъ и фабрикантовъ, онъ не можетъ не понять наконецъ, каковы «самоотвѣтственность и вмѣняемость» нашихъ работников!

Впрочемъ, можетъ быть, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи вашей книги разсѣются эти сомнѣнія въ вашей добросовѣстности, неотразимо одолеваяція меня противъ воли.

Послѣ вышеприведенныхъ словъ вы продолжаете такъ: «Нарушать эту самоотвѣтственность, социальную самопомощь именно въ дѣлѣ доставленія себѣ матеріальныхъ потребностей существованія, въ дѣлѣ, у котораго кончается мрачный предѣлъ животной стороны нашей природы—значитъ водворять войну всѣхъ на попривѣцъ пріобрѣтенія, гдѣ миръ и обезпеченіе больше чѣмъ гдѣ-либо составляютъ первыя условія успѣха».

Пріятно слышать, г. Шульце, что у васъ матеріальныя потребности существованія» составляютъ конецъ «мрачнаго предѣла животной стороны нашей природы». У прочихъ людей животная сторона, наоборотъ, именно тутъ начинается. Но у васъ тутъ ея предѣлъ, т. е. она простирается въ васъ вплоть до «матеріальныхъ потребностей». Ежели такъ, то это откровенное признаніе какъ нельзя удовлетворительнѣе объясняетъ духовное содержаніе и характеръ вашей книги!

писалъ совершенно социалистическую брошюру о положеніи работников («Соціальный вопросъ и средства рѣшить его»), гдѣ обнаруживаетъ совершенно иное пониманіе дѣла! Тогда какъ я принимаю, что средній размѣръ рабочей платы равняется стоимости необходимѣйшихъ по народнымъ привычкамъ средствъ существованія, онъ утверждаетъ, что во многихъ округахъ работники дошли до того, «что едва могутъ удовлетворять самымъ волюющимъ нуждамъ» (стр. 9). «Привести эту плату въ предѣлы человѣчности—продолжаетъ онъ—есть не только необходимость, а просто нравственный долгъ». На стр. 10 онъ объясняетъ, что при опредѣленіи рабочей платы обыкновенно руководствуются не вопросомъ: «Сколько надо работнику, чтобы жить по человѣчески? а спрашиваютъ: Сколько надо работнику, чтобы не умереть съ голода». Единственное средство поправить это положеніе онъ видитъ въ законѣ, который опредѣлялъ бы и установилъ бы рабочую плату или ея минимумъ! «Только это можетъ устранить нищету и бѣдствія, которыя бросаются намъ въ глаза въ самыхъ чудовищныхъ формахъ въ берлогахъ работниковъ, потому что жилищами эти норы назвать нельзя» (стр. 11) и т. д. Правда, то былъ 1848 г., когда сердце этого милліонера и прогрессиста такъ горячо билось за народъ!

Но, во вторыхъ, по вашему, если обширными органическими преобразованиями доставить рабочимъ классамъ возможность солидарнаго производства и замѣнить ихъ, такъ называемую вами, «соціальною самопомощью» предоставленнаго самому себѣ индивидуума, то это водворить «войну всѣхъ».

Зачѣмъ напяливаете вы на себя львиную шкуру и зачѣмъ такъ предательски-неловко выставляете изъ-подъ нея свое ухо, вспоминая про «войну всѣхъ»? «Война всѣхъ противъ всѣхъ», «bellium omnium in omnes» есть научный терминъ, созданный великимъ англійскимъ философомъ Гоббсомъ (р. въ 1588 г.).

Но Гоббсъ называетъ этимъ терминомъ именно положеніе индивидуума, предоставленнаго самому себѣ, живущаго въ абсолютной самостоятельности и равенствѣ, въ такъ-называемомъ *status naturalis* (естественное состояніе), словомъ, въ томъ, что называется преданнымъ свободной конкуренціи, гражданскимъ обществомъ въ противоположность государству *). По Гоббсу, эта борьба всѣхъ противъ всѣхъ прекращается только учрежденіемъ положительнаго государства и его принудительныхъ законовъ **). Но еще до Гоббса Монтанъ (р. въ 1533 г.) изображалъ состояніе этого гражданского общества непрерывной борьбой, доходящей до ножей. Купецъ наживаетъ тѣмъ, что разоряетъ молодежь; архитекторъ живетъ разру-

*) Въ знаменитомъ сочиненіи: *Elementa philosophica de cive; libertas*, cap. 1, XII и XIII, p. 15, ed. Amster. 1647.

**) Разные рационалисты изъ юристовъ, псевдо-философы и либералы видятъ въ государствѣ лишь учрежденіе, предназначенное защищать собственность, которая, по ихъ понятіямъ, предшествуетъ ему и основывается на естественномъ правѣ. Но Гоббсъ гораздо глубокосмысленнѣ ихъ доказываетъ, что собственность возникаетъ лишь благодаря положительному государству и его положительнымъ учрежденіямъ. *Ib. Imperium*, cap. VI и XV, p. 108: *Quoniam autem ut supra ostensum est ante constitutionem civitatis omnia omnium sunt, neque est quod quis ita suum esse dicat, quod non alius quilibet idem eodem jure vindicet pro suo (ubi enim omnia communia sunt, nihil cuiquam proprium esse potest) sequitur proprietatem initium sumsisse cum ipsis civitatibus atque esse id cuique proprium, quod sibi retinere potest par leges et potentiam totius civitatis, hoc est per eum, cui summum ejus imperium delatum est.*

шеніем домовъ; врачъ существуетъ болѣзнями, и даже похороны даютъ обѣдъ священнику. Въ гражданскомъ обществѣ господствуетъ законъ: «Le profit de l'un est le dommage de l'autre». — «Выгода одного есть убытокъ другого *)». Когда свободная конкуренція развилась и достигла той ступени развитія, гдѣ начала подвергаться критикѣ, научный терминъ англійскаго философа, «война всѣхъ противъ всѣхъ», былъ всѣми признанъ типичнымъ опредѣленіемъ ея, этой свободной конкуренціи, и остался ея типичнымъ названіемъ до сихъ поръ.

Ничего этого не вѣдая, никогда въ глаза не видавъ чело-вѣка, котораго понимаете, вы восхваляете то естественное состояніе, которое Гоббсъ назвалъ «войною всѣхъ противъ всѣхъ». Вы бѣжите за мыслителями на разстояніи трехъ столѣтій позади. Такъ славно понимаете ихъ, что восхищаетесь вещами, которыя они за три вѣка ранѣе осудили, хотя въ ихъ время это далеко еще не было такимъ чудовищнымъ, какъ теперь!

Не зная исторіи термина «война всѣхъ противъ всѣхъ», совершенно не вѣдая, какую мысль онъ выражаетъ, вы никогда не слыхивали и того, что, какъ я сказалъ, этотъ терминъ сдѣлался общеупотребительною характеристикой «свободной конкуренціи». Не соображая, что это выраженіе характеризуетъ именно желаемый вами порядокъ, вы находите только, что это хорошая «фраза»:—очень хорошая фраза, превосходная фраза, говоритъ мировой судья Шаль въ «Генрихѣ Четвертомъ» Шекспира! Вы полагаете, что стоитъ только обозвать ея что угодно, чтобы уронить всякое понятіе, къ которому вы ее прильпите какъ ярлыкъ къ бутылкѣ, хотя бы по смыслу она была совершенно противоположна ему! Вотъ вы, не задумываясь, и говорите, что социализмъ не только уничтожаетъ «свободу», но добавокъ «водворяетъ на поприщѣ приобрѣтенія войну всѣхъ»!

Великій Шульце!

Вслѣдъ затѣмъ вы продолжаете:

«Однако эта самоотвѣтственность предполагаетъ, какъ необходимое дополненіе свое, свободу труда, т. е. дозволеніе

*) Montaigne. Essais. liv. 1, chap. XXI.

работнику безпрепятственнаго движенія въ пользованіи своими силами и средствами для приобрѣтенія себѣ содержанія.

«Ежели вы взваливаете на наши собственные плеча ответственность за наше существованіе на томъ основаніи, что природа дала намъ силы для этого, ну такъ не мѣшайте же намъ свободно пользоваться ими для этой конечной цѣли», такъ могутъ справедливо отвѣтить работники на выше указанное требованіе. «Нѣтъ сомнѣнія, что мы обязаны повиноваться государственнымъ законамъ наравнѣ со всѣми прочими гражданами; что мы должны уважать право, которое защищаетъ вѣдь и насъ, существуетъ и для насъ, какъ для всякаго другого. Но на поприщѣ приобрѣтенія, въ промыслѣ и трудѣ, должна господствовать свобода; здѣсь каждый долженъ быть воленъ двигаться и распоряжаться своими силами, какъ можетъ и желаетъ, чтобы добывать содержаніе себѣ и своимъ. Если вы вторгаетесь на это поприще съ своимъ произволомъ, подчиняете его своимъ уставамъ, ограничиваете, регулируете и запрещаете, покровительствуете и исключаете, вводите поощреніе и привилегіи для однихъ,— такъ возьмите на себя и послѣдствія. Если мы, стѣсненные и ограниченныя въ выборѣ и промышленной дѣятельности, будемъ не въ состояніи устоять, то ответственность падетъ на васъ, и тогда вы должны будете принять на себя попеченіе о нашемъ существованіи».

«Но это болѣе того, что могъ бы сдѣлать какой-нибудь отдѣльный классъ общества, болѣе того, что могло бы сдѣлать государство, если бы даже оно и желало. Государство не есть вѣдь нѣчто такое, что носится въ воздухѣ и что могло бы существовать внѣ людскаго общества. Государство есть коллективность всѣхъ людей, составляющихъ его, и государственныи кошелекъ состоитъ изъ того, что переходитъ въ него изъ частныхъ кошельковъ всѣхъ гражданъ. И такъ, немногихъ могутъ поддержать многіе и какое-нибудь преходящее, бѣдственное состояніе многихъ могутъ вынести всѣ вмѣстѣ. Но если бы многочислѣннѣйшее сословіе изъ всѣхъ гражданъ государства принуждено было въ продолженіе длиннаго періода времени пользоваться вспоможеніемъ отъ правительства, то есть если бы многіе должны были ссылаться на поддержку немногихъ, то это было бы равносильно государственному банкротству, потому

что обремененіе такимъ образомъ государственныхъ финансовъ, вызвало бы экстраординарные многочисленныя расходы, которые идутъ всегда рука объ руку точно съ такимъ же уменьшеніемъ государственныхъ доходовъ. вспомоствуемый классъ не только долженъ былъ бы совершенно выступить изъ ряда плательщиковъ податей, число которыхъ такимъ образомъ уменьшилось бы, но и дальнѣйшій взносъ податей еще остающагося меньшинства ослабился бы тѣмъ, что вслѣдствіе необходимаго увеличенія оклада податей, взимаемыхъ съ нихъ, оборотные фонды ихъ, приводящіе капиталы страны, сократились бы, а вмѣстѣ съ этимъ сократился бы и доходъ ихъ отъ этихъ капиталовъ. И дѣйствительно, такой порядокъ вещей долженъ былъ бы вызвать не только дефицитъ государственныхъ финансовъ, но также и нравственный и экономическій упадокъ общества и, прежде всего, самого рабочаго сословія. И такъ, ссылаясь на помощь правительства, допустивъ, что рабочіе собственными силами не могутъ помочь себѣ, рабочее сословіе потеряло бы свое нравственное достоинство и отдѣльные члены его утратили бы стремленіе къ развитію своихъ способностей, къ прилежанію и бережливости. Вся производительная жизнь націи должна была бы придти черезъ это въ упадокъ и милостыня поглотила бы наконецъ промышленный капиталъ страны, тотъ фондъ, который назначался для уплаты рабочимъ ихъ заработной платы».

Я не хочу вступать здѣсь въ разборъ всѣхъ тѣхъ неправильныхъ оборотовъ, которые заключаются въ вышеприведенномъ. Ограничусь двумя замѣчаніями.

Вы употребили здѣсь особую уловку, чтобы возражать противъ того, о чемъ никто и не думалъ, чего никто и не предлагалъ. Никто не дѣлалъ у насъ предложенія, чтобы рабочіе получали вспомоствованіе отъ государства.

Далѣе, г. Шульце, не могло ли бы государство произвести перемѣну въ положеніи продуктивности у насъ, перемѣну благоприятную для рабочихъ классовъ. Къ вопросу этому, въ отрицаніи котораго вы можете быть правы или нѣтъ, вы могли бы обратиться только развѣ предварительно основныя экономическія положенія: цѣна, обмѣнъ, конкуренція, капиталъ и проч. Тогда, по крайней мѣрѣ, вы могли бы прикрываться тѣмъ, что невозможность или недопустительность

всякаго государственнаго вмѣшательства, какъ вы утверждаете, выводилась бы изъ анализа этихъ экономическихъ, основныхъ положеній и посредствомъ ихъ доказывалась бы. Но до сихъ поръ вы еще ни единого изъ экономическихъ явленій не объяснили. Вы все еще стоите на 7 стр. вашего «Катехизиса». Рабочіе еще ровно ничего отъ васъ не узнали, что такое цѣна, обмѣнъ, конкуренція, капиталъ и проч.! Вы все стоите еще при самомъ обыкновенномъ введеніи. Уже здѣсь, когда вы не пытались даже дать ни малѣйшаго объясненія, настойчиво утверждаете о невозможности какого бы то ни было государственнаго вмѣшательства, хотя это чистѣйшее предположеніе. Вы этимъ признаете сами, что, выводя рабочимъ практическія послѣдствія изъ предпосылаемыхъ вами экономическихъ признаній, вы имѣли цѣлью не только просвѣтить ихъ, но также напичкать ихъ своими пустыми предположеніями и привлечь ихъ къ себѣ.

Вы продолжаете: «отсюда свободный трудъ, свобода промышленности, свобода перехода съ одного мѣста на другое, какъ одно изъ первыхъ требованій рабочихъ и какъ необходимое предположеніе для общественнаго самовспомоществованія. Желать взваливать на кого-нибудь отвѣтственность за существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ не давать ему свободы самостоятельно распоряжаться своею участью—нелѣпость. Отвѣтственность и свобода,—это два основныхъ столба нравственнаго, политическаго и экономическаго міра, взаимно обусловливающіе другъ друга».

Итакъ, «свобода промышленности и свобода переселенія»—вотъ, какъ извѣстно, ваши вспомогательныя средства! Достаточно указать на Бельгію, Францію, Англію, гдѣ съ давнихъ временъ уже крайне послѣдовательно были приведены въ дѣйствіе и свобода промышленности, и свобода перехода съ одного мѣста на другое, но гдѣ тѣмъ не менѣе «соціальный вопросъ» существуетъ и даже въ такихъ колоссальныхъ очертаніяхъ, въ сравненіи съ которыми у насъ, онъ еще только въ первой стадіи своего развитія.

«b) *Вспомогательныя средства работы*». Этимъ заголовкомъ открываете вы второй отдѣлъ вашей первой главы.

До сихъ поръ, г. Шульце, я слѣдилъ за вами, слово за словомъ списывая и комментируя вашу книгу, чтобы, какъ и прежде было уже замѣчено, никто изъ читателей моихъ не

могъ подумать, что я беру у васъ и выставляю на свѣтъ Божій одну только ерунду, которую вы высказываете, а что есть хорошаго, о томъ умалчиваю; чтобы каждый изъ моихъ читателей видѣлъ, насколько это возможно изъ несокращенныхъ посылокъ моихъ, какую невѣроятную и бессмысленную кашу представляетъ ваше сочиненіе.

Но при всемъ томъ, я не могу слѣдовать моему методу и списать всю вашу книгу безъ сокращеній. Читатели мои уснули бы отъ скуки, да и самъ я умеръ бы отъ тоски. Наконецъ, если бы я такимъ же образомъ продолжалъ далѣе и выписывалъ бы изъ вашей книги предложеніе за предложеніемъ, поясняя каждое, то моя собственная книга приняла бы такой объемъ, вслѣдствіе котораго она необходимо утратила бы свое дѣйствіе и сдѣлалась бы недоступной для тѣхъ читателей, для которыхъ она предназначалась.

Итакъ продолжая далѣе, я буду стараться, хотя это почти невозможная задача при такой кашѣ и такой бессмыслицѣ, какую представляетъ ваша рѣчь, соединить ее въ одно цѣлое и приводить слово въ слово только такія мѣста, которыя представляютъ самый цвѣтъ безсмыслія.

Что же касается до нихъ, то въ отношеніи времени и мѣста я буду очень щедръ и освобожу васъ отъ большей части ихъ.

Подъ заголовкомъ «вспомогательныя средства работы» вы разбираете то простое положеніе, что работа лежитъ въ самомъ основаніи человѣческой природы—на своемъ непонятномъ языкѣ вы называете это «вспоможеніемъ», которое работа оказываетъ человѣческой природѣ, и это Вы распространяете не менѣе какъ на трехъ страницахъ. Здѣсь между прочимъ вырывается у васъ признаніе (стр. 10): «Прежде чѣмъ начать какое-нибудь дѣло, какую-нибудь работу, имѣющую цѣлю—барышъ, надо прежде позаботиться о доставленіи себѣ сырыхъ матеріаловъ, которые хотимъ обработывать, потомъ необходимыхъ орудій труда и, наконецъ, средствъ для существованія во время работы себѣ и своимъ сотрудникамъ.

Такъ, г. Шульце? Такъ вы знаете это? Вы сознаетесь, что прежде чѣмъ начинать работу, надо позаботиться о приобрѣтеніи сырыхъ матеріаловъ, орудій труда и средствъ къ существованію, т. е. надо имѣть запасъ, капиталъ?

Но если такъ, то что станетъ съ «свободой» и «самостоятельностью» неимущаго работника? Вы сами сознаетесь, что при всей свободѣ труда работникъ, лишенный капитала, останется ни при чемъ, не можетъ даже «предпринять» работы; стало быть, онъ совершенно «не воленъ въ своемъ трудѣ», подверженъ нищетѣ и эксплуатаціи, пока кто-нибудь предварительно не позаботится о доставленіи ему сырыхъ матеріаловъ, орудій труда и средствъ къ существованію, которыхъ онъ не имѣетъ. Все это логически слѣдуетъ изъ вашихъ собственныхъ словъ! Видите, великій мыслитель, вы сами доказали, что для работника, рожденнаго безъ средствъ, но нуждающагося въ нихъ, чтобы «имѣть возможность предпринять работу съ цѣлью приобрѣтенія», «свобода промысловъ» оказывается просто свободой выбрать себѣ какую угодно отрасль труда, чтобы не работать въ ней или работать голодая; «свобода переходовъ» оказывается свободой выбрать себѣ мѣсто, гдѣ голодать! И все это строго логически слѣдуетъ изъ вашихъ собственныхъ словъ, послѣдовательный мыслитель!

Вслѣдъ затѣмъ вы, съ свойственною вамъ неопѣненной логикой, принимаетесь доказывать, что «деньги»—не капиталъ, хотя еще ни слова не сказали о понятіи капитала, которое пытаетесь развить только во II главѣ; съ разсужденія о томъ, что деньги—не капиталъ, вы переходите къ третьему отдѣлу:

«с) *Форма труда въ человѣческомъ обществѣ*». Здѣсь опять приходится конвоировать васъ слово за словомъ и безъ сокращеній. Вы начинаете съ положеній, совершенно справедливыхъ сами по себѣ, но не имѣющихъ у васъ ни малѣйшаго смысла, потому что всѣ ваши усилія направлены именно къ тому, чтобы лишить ихъ смысла и послѣдствій.

Вы говорите, что «надо принять въ соображеніе еще одинъ элементъ, существенно опредѣляющій форму и способъ труда а именно человѣческое общество».

Правда, г. Шульце! Только ясное пониманіе этого положенія можетъ дать правильное воззрѣніе на всѣ экономическіе вопросы, и если вы когда-нибудь обдумали его со всѣми его послѣдствіями, если бы у васъ оно было нѣчто больше чѣмъ пустая, ходячая, общая фраза, если бы вы не брали

его бессмысленно на прокатъ за одно съ совершенно противоположными, то вы пришли бы къ совершенно инымъ выводамъ, которые, какъ мы увидимъ, прямо противорѣчатъ вашимъ.

Вы продолжаете: «трудящійся человѣкъ живетъ не на пустынномъ островѣ; подлѣ и вокругъ него живетъ множество другихъ людей съ одинаковыми потребностями и побужденіями, предоставленныхъ въ удовлетвореніи ихъ также каждый собственной дѣятельности».

Строго говоря, «уже въ этихъ словахъ обнаруживается вполнѣ, какъ пошло вы понимаете это положеніе и почему вы неспособны сдѣлать изъ него правильные выводы.

Человѣческое общество и социальный трудъ, г. Шульце, состоятъ не въ томъ, что люди живутъ рядомъ и только обмѣниваются продуктами своихъ индивидуальныхъ работъ, какъ вы себѣ представляете и безпрестанно повторяете, а въ томъ, что здѣсь производство общее. Современный социальный трудъ состоитъ не въ томъ, что множество самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга работъ производится рядомъ, а въ томъ, что множество работъ тѣсно соединяется, сливается въ одинъ общій процессъ для произведенія одного общаго продукта. Вы можете наглядно убѣдиться въ этомъ, г. Шульце, въ любой фабричной мастерской.

Точно то же и во всѣхъ другихъ производствахъ, хотя, можетъ быть, не такъ очевидно.

Въ томъ-то и состоитъ коренное противорѣчіе современнаго общества, что его крупное производство уже теперь общее, сотрудничество, тогда какъ распредѣленіе производимаго продукта—не общее, а индивидуальное, т. е. продуктъ не только какъ предметъ, но и какъ цѣнность переходитъ въ индивидуальную собственность предпринимателя.

Предприниматель продаетъ продуктъ въ свою исключительную выгоду, а всѣ работники, сотрудничавшіе для произведенія его, остаются ни при чемъ, какъ люди, которые, по вашимъ словамъ, «не могутъ предпринять никакого занятія и никакой работы, если предварительно не позаботились о доставленіи себѣ сырыхъ матеріаловъ для обработки, необ-

ходимыхъ орудій труда и наконецъ средствъ для существованія во время работы».

Слѣдовательно, они подвергаются эксплуатаціи по закону рабочей платы, какой можетъ существовать при подобныхъ обстоятельствахъ для людей, «не могущихъ предпринять никакого занятія, никакой работы съ цѣлью пріобрѣтенія». Эта уже существующая солидарность въ производствѣ и этотъ крайній индивидуализмъ въ распредѣленіи—вотъ глубокое противорѣчіе, «существенно опредѣляющее форму и способъ труда» въ современномъ человѣческомъ обществѣ. Ниже мы подробнѣе изслѣдуемъ это противорѣчіе и прослѣдимъ его въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ для социальнаго труда.

Если бы вы сколько-нибудь подумали надъ вашимъ собственнымъ положеніемъ, что человѣческое общество есть элементъ «существенно опредѣляющій форму и способъ труда», если бы вы взглянули на опредѣленную форму современнаго производства, вы не могли бы не догадаться о существованіи этого противорѣчія. Но у васъ все, и дѣльное и ложное,—пустая, тертая-перетертая фраза! Вмѣсто того, чтобы задать себѣ вопросъ, какіе же «форму и способъ» предписываетъ производству современное общество, и поразмыслить надъ этимъ, вы продолжаете пускать мыльные пузыри фразъ; «но это не стѣсняетъ личность въ добываніи себѣ средствъ къ существованію, не препятствуетъ цѣлямъ ея труда; напротивъ того, это служить ей пособіемъ, и прирожденное всѣмъ стремленіе къ общественности побуждаетъ всѣхъ къ болѣе дѣятельнымъ сношеніямъ, къ болѣе тѣсному сближенію другъ съ другомъ». (Вмѣсто того, чтобы разсуждать объ экономическихъ явленіяхъ, вы принимаетесь сентиментальничать!). «Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ созданъ природою для общественнаго сожителства съ подобными себѣ, потому что всѣ его побужденія и способности непреодолимо влекутъ его искать общественности и поддерживать ее. Онъ не можетъ, хотя бы и хотѣлъ, жить, какъ дикарь въ лѣсу или какъ звѣрь въ пустынѣ. Онъ искажился бы въ одиноствѣ, не могъ бы достигнуть своего назначенія, конечно естественнаго, потому что о богословскомъ мы не говоримъ. А естественное назначеніе человѣка, какъ всѣхъ существъ, состоитъ въ развитіи всѣхъ заключенныхъ

въ немъ задатковъ и зародышей». (Воображаю, какъ удобно работникамъ на фабрикѣ вашего друга, комерціи совѣтника и фабриканта Леонора Рейхенгейма, «развивать всѣ заключенныя въ нихъ задатки и зародыши!»). «Но вполнѣ замкнувшись въ самомъ себѣ, человѣкъ не можетъ достигнуть такого развитія. Для этого ему необходимо сожителство съ другими людьми, которое даетъ ему возможность обмѣниваться съ ними взаимными услугами». (Опять и въ этой умилительной размазѣ главную роль играетъ «обмѣнъ»! Я выясню вамъ ниже, до чего вы злоупотребляете этой категоріей, лишая ее всякой опредѣленности. Про «обмѣнъ» могутъ толковать тѣ, кто обмѣнивается готовыми продуктами. Но, по вашему, комерціи совѣтникъ Рейхенгеймъ обмѣнивается съ своими работниками «взаимными услугами»! Очень мило! Очень трогательно!). «Безъ этого, въ большинствѣ случаевъ, личность едва могла бы вести самое убогое, животное существованіе и всѣ ея силы, время совершенно поглощались бы самыми тяжкими и грубыми занятіями для доставленія себѣ самага безусловно необходимаго. Для развитія высшихъ умственныхъ и душевныхъ задатковъ ей не было бы ни времени, ни случая. Никогда не надо забывать, что самая бѣднѣйшая и низшая участь, какая только можетъ выпасть кому-нибудь изъ насъ, все-таки лучше жизни виѣ человѣческаго общества, отрѣзанной отъ соприкосновенія съ другими людьми. Самый бѣдный поденщикъ все-таки спитъ на соломѣ, имѣетъ кровъ и одежду, хотя бы самые плохіе, имѣетъ кусокъ хлѣба для удовлетворенія голода и какую-нибудь утварь и инструменты для хозяйства и работы. То ли было бы, если бы онъ стоялъ одинокъ, нагъ и безоруженъ въ пустыни? Имѣлъ ли бы онъ надежду добыть себѣ эти предметы?» Вѣдь это общее правило; вѣдь не будь человѣческаго общества, то и г. Леоноръ Рейхенгеймъ находился бы въ подобномъ положеніи. Отчего же, г. Шульце, вамъ никогда не придетъ въ голову подумать, почему человѣческое общество приноситъ однимъ такъ много пользы, а другимъ такъ мало?

Вѣдь причина тутъ не просто въ индивидуальномъ трудѣ, потому что вы сами говорите, что безъ человѣческаго общества тѣ же личности, которыя составляютъ его, оставаясь просто индивидуумами, всѣ вмѣстѣ не имѣли бы ничего, несмотря на всѣ свои индивидуальныя рабочія

силы. Слѣдовательно, вы должны признать, что причина заключается въ данной неизмѣнной организаціи человѣческаго общества! Вы признали уже это, признавъ человѣческое общество элементомъ, существенно опредѣляющимъ форму и способъ труда», потому что если общество опредѣляетъ форму и способъ труда, то опредѣляетъ и его продуктивность.

Слѣдовательно, въ этой данной формѣ производства, которую нынѣшнее человѣческое общество сообщаетъ «формѣ и способу труда», надо бы измѣнить именно то, вслѣдствіе чего «человѣческое общество», человѣческая общественность, приносить одному такъ много пользы, а другому такъ мало.

Такимъ образомъ, даже въ вашей дрянной книжкѣ, даже въ вашей бессмысленной болтовнѣ можно было бы найти положенія, совершенно допускающія и признающія необходимость измѣнить форму производства, «форму и способъ труда», сообщаемую социальному труду современнымъ обществомъ.

Но вы тщательно избѣгаете взглянуть въ глаза своему собственному положенію, что человѣческое общество есть элементъ, опредѣляющій форму и способъ труда. Вы открываете этимъ положеніемъ этотъ отдѣлъ своей книги, предназначаемый весь для его поясненія. Но мы уже видѣли, какъ вы разводите его въ пустѣйшихъ фразахъ, вмѣсто того чтобы сколько нибудь серьезно заняться имъ. Посмотримъ, какъ то вы развиваете его далѣе. На той же страницѣ (стр. 12) вы продолжаете:

«Разсмотримъ же, какъ относятся эти условія къ тому круговороту, который, какъ мы видѣли, наполняетъ всю жизнь отдѣльной личности, и какъ согласуются требованія индивидуальной жизни съ условіями общественныхъ отношеній.

«Потребность, усиліе, удовлетвореніе—таковы были три стороны, подъ которыми намъ представился этотъ круговоротъ. Если мы взглянемъ на нихъ порознь, то при внимательномъ разглядываніи замѣтимъ въ нихъ существенное различіе. Въ потребности и удовлетвореніи—началѣ и концѣ этого круговорота, которыя безпрепятственно разрѣшаются другъ въ другъ, чтобы тотчасъ снова вытечь одно изъ другого, мы видимъ нѣчто въ высшей

степени личное, въ томъ смыслѣ, что они всегда происходятъ другъ изъ друга въ одной и той же опредѣленной личности, безъ участія другой. Нѣтъ потребности, которая могла бы удовлетворяться въ другомъ лицѣ, а не въ томъ, кто ее ощущаетъ, и наоборотъ. Я не могу передать сытому и отдохнувшему моего голода, моей жажды или моей усталости, и точно такъ же я не насыщусь и не подкрѣплюсь тѣмъ, что за меня другой наѣстся и выпится. Тутъ уже ничего не подѣлаешь; надо самому ѣсть, пить, спать, дышать и т. д., если чувствуешь эти потребности; иначе имъ не поможешь; другой этого за меня не сдѣлаетъ. Затвердимъ же себѣ въ памяти разъ навсегда, что своихъ потребностей нельзя переносить на другихъ и что удовлетвореніе потребности не можетъ происходить ни въ комъ, кромѣ той самой личности, которая ощущаетъ потребность. Оба процесса необходимо, непосредственно совпадаютъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ.

«Другое дѣло средній членъ цѣпи—усиліе, служащее для приведенія потребности къ удовлетворенію. Его можетъ выполнять кто угодно другой; чувствующій потребность можетъ поручить усиліе другому и все-таки достигъ удовлетворенія. «Продукты человѣческаго труда могутъ передаваться»—таковъ экономическій законъ, повелѣвающий здѣсь. Мы не можемъ наслаждаться одинъ за другого, но мы можемъ другъ для друга трудиться, мы можемъ оказывать другъ другу взаимныя услуги и снабжать другъ друга всѣмъ, что каждому нужно въ жизни—таковъ мудрый и великій законъ природы, благодаря которому возможно общество, возможны общественныя отношенія людей».

Слыхано ли! Да развѣ работники—негры, г. Шульце? Больше печатной страницы вы посвящаете на убѣжденіе людей, что если они голодны, то должны сами пить и ѣсть, что «тутъ ничего не подѣлаешь» и тому подобное! Безъ васъ работники этого не знали, г. Шульце? И этотъ ребяческій лепетъ вы называете популярными лекціями для работниковъ!

Слишкомъ печатную страницу вы посвятили на объясненіе работникамъ, что они не могутъ поручать другимъ ѣсть и пить за себя—и все это для того, какъ замѣтилъ одинъ острякъ, чтобы доказать работникамъ, что они обязаны поручить буржуазамъ ѣсть и пить за нихъ!

Откуда взять мнѣ терпѣнія, г. Шульце, прорыться въ вашей саламатѣ и отчего не могу я поручить это дѣло кому нибудь другому?

Послушаемъ дальнѣйшее просвѣщенное объясненіе основного положенія, что человѣческое общество есть элементъ, «существенно опредѣляющій форму и способъ труда». «Мало того: эта естественная организація труда, основанная на организаціи самого человѣка, дѣлаетъ общество не только возможнымъ, но даже прямо необходимымъ». «Эта организація труда»! Какая организація труда, г. Шульце? Вы еще не говорили ни о какой организаціи труда, вы еще ни единственнымъ словомъ не показали, не объяснили, не описали современную организацію труда. Все это у васъ постоянное злоупотребленіе словами, громкими фразами!

До сихъ поръ вы сказали только пошлость: «что можно поручать работать за себя, но нельзя поручать ѣсть за себя». Правда, вы не удовольствовались тѣмъ, что сказали пошлость, а еще размазали ее почти на двѣ печатныя страницы. Но въдь это дѣла не прибавило. Тѣмъ не менѣе вы имѣете наглость, ссылаясь на эту пошлость, называть ее «этою естественною организаціею труда», какъ будто дѣйствительно описавъ и объяснивъ тамъ современное положеніе труда!

Ахъ, вы неистощимый фразоплетъ!

Вы продолжаете или, вѣрнѣе, повторяете: «Мы не только можемъ работать другъ для друга, предоставлять другъ другу въ распоряженіе продукты нашего труда,—нѣтъ, мы должны дѣлать это, если хотимъ достигъ полного удовлетворенія всѣхъ потребностей посредствомъ нашего труда».

Бимъ! бамъ! бамъ! бимъ!

«Ибо — продолжаете вы — вышепоставленному нами положенію:

что внѣ общества потребности одинокаго человѣка превосходятъ его силы и ему неизбежно предстоить исказиться,

соотвѣтствуетъ другое, столь же неопровержимое:

что въ обществѣ, при обмѣнѣ взаимныхъ продуктовъ труда и услугъ, силы человѣка далеко превосходятъ его потребности».

Хорошо, г. Шульце, только вотъ что: первое изъ этихъ положеній, о которыхъ вы такъ безконечно разглагольствуете,

а именно то, что внѣ общества потребности отдѣльныхъ личностей превосходятъ ихъ силы и что здѣсь человѣкъ неизбежно искажается, что—это положеніе совершенно истинно, неоспоримо вѣрно и никто не думалъ опаривать его. Оно равно справедливо для всѣхъ, относится одинаково ко всякому человѣку, даже къ Леонору Рейхенгейму, какъ я уже замѣтилъ вамъ выше и какъ вы сами согласились, говоря въ немъ о «человѣкѣ», т. е. не о той или другой лично, а о человѣкѣ вообще.

Но также ли для всѣхъ равно справедливо ваше второе положеніе, которое вы такъ же размазываете, какъ и первое, а именно, «что въ общемъ силы человѣка далеко превосходятъ его потребности»? Относительно Леонора Рейхенгейма и многихъ другихъ, находящихся въ такомъ же и даже менѣе блаженномъ положеніи, оно справедливо, во высшей степени справедливо, хотя въ разныхъ градусахъ. Но справедливо ли оно относительно «человѣка»? Справедливо ли оно относительно всѣхъ живущихъ нынѣ людей? Или большинства ихъ? Или половины? Или трети? Или четверти?

Указывать ли мнѣ вамъ на статистическія описанія положенія пролетаріата въ Англии, странѣ, гдѣ «свобода промысловъ и переходовъ» господствуетъ безграницно и которую вы (см. стр. 70 вашего «Катехизиса»), въ своемъ колоссальномъ невѣжествѣ относительно всего на свѣтѣ, восхваляете именно въ отношеніи положенія ея рабочаго сословія? Или во Фландріи, которая также наслаждается всѣми выгодами свободы промысловъ и переходовъ и гдѣ вслѣдствіе этой благодати еще въ 1847 г. на полтора милліона населенія было 225,894 однихъ бродягъ моложе 18 лѣтъ? Или въ восточной Фландріи, гдѣ изъ каждой сотни жителей 36 человѣкъ живутъ подаяніемъ*)?

Но чего намъ далеко забираться! Посмотримъ, что дѣлается у насъ!

Прочтите мою статью «Косвенные налоги и положеніе рабочаго класса», гдѣ я привожу о положеніи сельскаго рабочаго населенія факты, заимствованные изъ официальныхъ изслѣдованій королевской сельско-хозяйственной коллегіи и

*) Ducrestiaux, Sur le pauperisme dans les Flandres, Bruxelles.

изъ сочиненія, изданнаго въ 1849 г. профессоромъ Ленгерке по порученію правительства. Хотя въ официальныхъ изданіяхъ, конечно, стараются представить дѣло въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, однако тамъ вы найдете на каждой страницѣ официальные признанія и спеціальныя доказательства, что эти люди «даже при дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ почти постоянно терпятъ недостатокъ въ пищѣ»; что этотъ классъ людей большею частью не достигаетъ старости, чему причиной, разумѣется, дурной образъ жизни, чрезмѣрный трудъ и недостатокъ пищи»; «физическія силы ихъ ослабѣваютъ», вслѣдствіе питанія преимущественно картофелемъ и вообще отъ дурной недостаточной пищи».

А то не угодно ли вамъ статистическихъ свѣдѣній о положеніи промышленнаго рабочаго сословія?

Въ такомъ случаѣ почитайте мою франкфуртскую «Книгу для чтенія работникамъ», гдѣ собраны лучшія и неоспоримѣйшія статистическія сообщенія о средней продолжительности жизни промышленнаго рабочаго сословія. Обратите напр. тамъ вниманіе на фактъ, заимствованный мною изъ изслѣдованій тайнаго совѣтника Энгеля, директора здѣшняго правительственнаго статистическаго бюро, что въ Берлинѣ капиталисты живутъ среднимъ числомъ 62 съ половиною года, работники, дѣлающіе машины—только 37 съ половиною лѣтъ, переплетчики только 35 лѣтъ, и наконецъ работники на табачныхъ фабрикахъ—только 31 годъ; т. е. другими словами, работники вслѣдствіе своего дурнаго положенія не доживаютъ и до половины естественнаго срока жизни.

Не полюбобытствуете ли еще узнать, какъ относится число лицъ, «силы и средства которыхъ въ обществѣ далеко превосходятъ ихъ потребности», къ числу тѣхъ, у которыхъ они, напротивъ, далеко не хватаютъ до потребностей?

Если такъ, то опять загляните въ мою статью «Косвенные налоги и положеніе рабочаго сословія», особенно въ помѣщенную тамъ таблицу, гдѣ я точнѣйшими официальными сообщеніями доказалъ, что совершенно низшіи классъ общества, платящій отъ половины до 1, 2 и 3 талеровъ въ годъ классной подати, составляетъ ни болѣе ни менѣе, какъ 89,06 процентовъ всего податнаго населенія

государства. Въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ» я долженъ былъ удовлетворяться на этотъ счетъ довольно общими данными; но здѣсь я доказалъ это такъ подробно, на основаніи такихъ точныхъ новѣйшихъ официальныхъ сообщеній, что по выходѣ моихъ «Косвенныхъ налоговъ» и моего «Прибавленія» къ «Книгѣ для чтенія работникамъ» ни одинъ Шульце и ни одинъ Вакернагель не могъ пикнуть ни слова, и весь гвалтъ, поднятый въ этомъ отношеніи противъ моего «Гласнаго Отвѣта», жалостно замолкъ.

Вотъ вамъ, стало быть, числовое отношеніе между тѣми, чьи силы и средства въ обществѣ, какъ вы говорите, «далеко превышаютъ потребности», и тѣми, у которыхъ они далеко не хватаютъ до нихъ! Впрочемъ къ чему заниматься мнѣ съ вами статистикой, г. Шульце? Лучше сходите въ любой изъ вашихъ собственныхъ здѣшнихъ рабочихъ союзовъ.

Кто изъ этихъ работниковъ, даже изъ тѣхъ, которые рукоплещутъ вамъ, согласится съ вами, если вы скажете ему просто и прямо, что силы и средства «его далеко превышаютъ его потребности»? Кто изъ нихъ не придетъ въ негодованіе, если вы напрямикъ, безъ оглушающихъ фразъ, выразите подобное предложеніе? Развѣ вы не видите, г. Шульце, что люди эти рукоплещутъ вамъ только потому, что совершенно одурачены и оглушены вѣчнымъ безмысленнымъ бимъ-бамомъ вашихъ размазанныхъ фразъ, одурачены до того, что кричатъ «ура» фразамъ, которыхъ рѣшительно не понимаютъ!

Слѣдовательно, на ваше утвержденіе, что въ обществѣ силы и средства «человѣка далеко превосходятъ его потребности», остается сказать только одно: подобно тому, какъ для васъ, какъ я сказалъ вамъ уже выше, акціонеръ кельнъ - минденской желѣзной дороги есть «работникъ», точно такъ же и совершенно послѣдовательно, г. Леоноръ Рейхенгеймъ есть для васъ «человѣкъ», нормальный человѣкъ, представитель всего рода «человѣкъ»!

Или можетъ быть, въ этомъ положеніи, что въ обществѣ «силы человѣка» далеко превосходятъ его потребности, вы берете неопредѣленное, двусмысленное выраженіе «силы человѣка» не въ томъ смыслѣ, въ какомъ я точнѣе опредѣлилъ и объяснилъ его такъ: «силы и средства человѣка»? Можетъ быть, вы хотите только сказать, что «въ обществѣ

производительныя силы человѣка далеко превосходятъ его потребности», но что это еще не значитъ, чтобы и средства его были такъ же велики, такъ что онъ дѣйствительно производитъ «гораздо больше, чѣмъ нужно по его потребностямъ», но продуктъ этого производства не достается ему въ пользу, чтобы служить ему средствомъ?

Но если такъ, то куда же дѣвается то, что человѣкъ производитъ въ обществѣ сверхъ своихъ потребностей и что не достается ему въ пользу и потому не служитъ средствомъ? Очевидно, стало быть, что этотъ излишекъ попадаетъ въ чужой карманъ.

Слѣдовательно, вы признаете все, что я утверждаю и противъ чего вы спорите!

Вѣдь я только утверждаю, что человѣкъ уже теперь, въ современномъ обществѣ, производитъ и можетъ производить столько, сколько ему нужно, но что современная организациа производства не позволяетъ ему обращать свои производительныя силы и усилія въ свои собственные средства. Но вы, конечно, не согласны признать это.

Стало быть, говоря, что «въ обществѣ силы человѣка далеко превосходятъ его потребности», вы очевидно берете слово «силы» въ смыслѣ «силъ и средствъ», какъ я вамъ объяснилъ выше. Ясно, стало быть, что для васъ «человѣкъ», представитель рода «человѣкъ» есть г. Леоноръ Рейхенгеймъ!

А что же остальные люди, положеніе которыхъ не таково? Ихъ забавляютъ громкими фразами, ихъ пичкаютъ словесной кашей, пока у нихъ не законопатятся все извилины въ мозгу до того, что они режутъ и вопятъ противъ собственныхъ интересовъ!

Но преодолѣемъ скуку, и послушаемъ дальнѣйшій бимбамъ, которымъ вы объясняете тему, постановленную вами въ этомъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: «Форма труда въ человѣческомъ обществѣ», а именно, что «человѣческое общество существенно опредѣляетъ форму и способъ труда». Правда, вы еще не сказали ни слова въ объясненіе этой темы! Мы цитировали слово въ слово все, что вы говорили въ этомъ отдѣлѣ безъ малѣйшихъ пропусковъ, и все ваши слова оказались безсмысленнѣйшими общими мѣстами, размазанными въ какую-то тошнотворную мистуру. Но вѣдь доберетесь же

вы наконецъ до своего предмета. Послушаемъ дальше; можетъ быть, еще что-нибудь будетъ.

Вслѣдъ за вышеприведенными словами вы продолжаете такъ: «Люди порознь не въ состояніи удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Одна изъ главныхъ причинъ этого заключается въ чрезвычайно разнообразномъ распредѣленіи между ними силъ и способностей, въ разнообразіи дарованій, такъ что каждый способенъ только къ той или другой работѣ, но нѣтъ никого способнаго на всѣ безчисленныя и разнообразнѣйшія работы, необходимыя для удовлетворенія всѣхъ потребностей человѣка. Такимъ образомъ побуждаемые собственной природой люди необходимо должны были напасть на единственный возможный выходъ изъ этого затрудненія, состоящій въ распредѣленіи работъ между собой. вмѣсто того, чтобы предпринимать всѣ работы, необходимыя для существованія, каждый посвящаетъ себя исключительно какой-нибудь одной. Правда, его непосредственная дѣятельность удовлетворяетъ при этомъ условіи только какой-нибудь одной изъ его потребностей. Но, посвящая извѣстному производству или извѣстнымъ занятіямъ все свое время и всѣ свои силы, онъ, конечно, можетъ произвести въ этой спеціальности гораздо больше, чѣмъ сколько ему нужно для собственнаго употребленія, и у него остается болѣе или менѣе значительный излишекъ, который онъ можетъ предоставлять въ пользованіи другимъ. Но и всѣ другіе дѣлаютъ точно то же, каждый изъ нихъ тоже выбираетъ себѣ какую-нибудь особенную отрасль труда. При безконечномъ разнообразіи человѣческихъ склонностей и способностей не можетъ быть сомнѣнія, что всевозможныя отрасли труда найдутъ себѣ исполнителей и что общій продуктъ всѣхъ будетъ соответствовать всевозможнымъ потребностямъ. Слѣдовательно, каждый можетъ быть увѣренъ, что въ обмѣнъ за то, что произведетъ въ своей спеціальной отрасли труда сверхъ своихъ потребностей, получить отъ другихъ все нужное ему въ жизни, только съ условіемъ, чтобы продуктъ его труда, его произведеніе, удовлетворялъ бы какой-нибудь потребности другихъ людей. Одинъ дѣлаетъ сукно, другой платье, третій—башмаки, этотъ мебель, другіе строятъ дома, шагуютъ землю, занимаются горными промыслами и каждый даетъ свои продукты, которыхъ самъ не потребляетъ, въ обмѣнъ за продукты другихъ».

Это превосходить все прежнее!

Вы говорите работникамъ, г. Шульце? Вы пишете рабочій катехизисъ!

И вы описываете имъ «форму труда въ современномъ обществѣ» такъ: «одинъ дѣлаетъ сукно, другой платье, третій башмаки, этотъ мебель, другіе строить дома, пахутъ землю, занимаются горными промыслами и каждый даетъ свои продукты, которыхъ самъ не потребляетъ, въ обмѣнъ за продукты другихъ». Другими словами: вы описываете работникамъ ихъ собственное сословіе классомъ все-предпринимателей.

Въ вашемъ розовомъ воображеніи всѣ фабричныя работники, эти винты и колеса въ великой машинѣ общаго производства, превращаются все въ мелкихъ самостоятельныхъ предпринимателей, которые владѣютъ готовыми полученными продуктами и продаютъ ихъ въ свою пользу! Такъ вотъ какова по вашему «форма труда въ (современномъ) человѣческомъ обществѣ, которую вы собираетесь развить; такъ вотъ какъ опредѣляются «форма и способъ труда» человѣческимъ обществомъ! Видана ли такая грубая ошибка, и можно ли сохранить тутъ вѣру въ вашу добросовѣтность? Положимъ, что вы ничего не смыслите въ экономическихъ вопросахъ; положимъ, что въ экономической области вы до сихъ поръ остались мировымъ судьей, какъ были; но вѣдь настолько и всякій ребенокъ знаетъ наше современное положеніе, чтобы расхотѣться надъ подобнымъ изображеніемъ современнаго процесса труда!

Вы гораздо быстрѣе и рѣшительнѣе моего рѣшаете социальный вопросъ на бумагѣ! Вы учитываете работниковъ и превращаете ихъ въ предпринимателей на бумагѣ!

А работники до того одурманены искусственнымъ приглушеніемъ, которому вы ихъ подвергаете, чадомъ фразъ, который вы на нихъ испускаете, что лишились не только способности понимать, но даже слышать, видѣть и чувствовать и въ восторгѣ вопять «ура», слушая, какъ вы расписываете имъ современный общественный трудъ ихъ соловія, гдѣ «каждый обмѣниваетъ свой продуктъ», гдѣ каждый—самостоятельный предприниматель!

Это уже прямое надувательство, уничтожающее всякую мысль о вашей добросовѣтности, и остается только удивляться вашей храбрости, что вы осмѣливаетесь говорить подобныя вещи въ собраніи работниковъ. За то въ той же фразѣ

обнаруживается такое грандіозное и наивное непониманіе современнаго общественнаго труда, «формы и способъ» которому придаетъ современное общество, что тутъ невозможно не расхохотаться!

Каждый даетъ свои продукты, которыхъ самъ не «потребляетъ, въ обмѣнъ за продукты другихъ»!

Г. Шульце! Мировой судья! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не имѣете ни малѣйшаго понятія о настоящемъ положеніи общественнаго труда? Развѣ вы никогда не выѣзжали изъ Биттерфельда и Делича? Въ которомъ же столѣтіи среднихъ вѣковъ пребываете вы съ вашими воззрѣніями!

Въ этихъ наивныхъ словахъ вы представляете современный процессъ общественнаго труда такъ, что будто каждый сперва производитъ своимъ трудомъ продукты, которые н у ж н ы ему самому, а потомъ обмѣниваетъ излишекъ этихъ продуктовъ, который ему самому не нуженъ *). Т. е. другими словами: вы представляете себѣ современный общественный трудъ совершенно такимъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ въ отдаленныя столѣтія среднихъ вѣковъ, какъ натуральное хозяйство; гдѣ каждый производитъ то, что ему самому нужно, а ненужный излишекъ этихъ продуктовъ обмѣниваетъ!

*) Это изображеніе современнаго процесса производства нельзя приписать у васъ обмолвѣ или неточности выраженія. Будь такъ, я не сказалъ бы ни слова. Нѣтъ, вы именно такъ представляете себѣ нынѣшній трудъ. Еще на стр. 14 вы объясняете гораздо обстоятельнѣе: «Слѣдовательно, каждый можетъ быть увѣренъ, что въ обмѣнъ за то, что произведетъ въ своей специальной отрасли труда сверхъ своихъ потребностей, получить отъ другихъ все, что ему нужно въ жизни» и т. д. И отъ васъ это неудивительно, слышать, потому что хотя Бастиа и говоритъ въ одномъ мѣстѣ («Nati. econ.» р. 120, изд. въ Брюсселѣ): «Нѣкоторые говорятъ, что обмѣнъ есть мѣна лишняго на нужное. Не говоря уже о томъ, что это противорѣчитъ фактамъ, происходящимъ у насъ на глазахъ (*outré que cela est contraire aux faits qui se passent sous nos yeux*), потому что рѣшится ли кто сказать, что крестьянинъ, продающій пшеницу, которую воздѣлалъ, но которую никогда самъ не будетъ ѣсть, отдаетъ лишнее» и т. д., тѣмъ не менѣе, въ другомъ мѣстѣ, которое я теперь не могу приискать, но очень хорошо помню, и Бастиа объясняетъ современный трудъ именно такъ, будто каждый производитель обмѣниваетъ *l'excès de la production* (излишекъ своего производства) на излишекъ производства другихъ. Это противорѣчіе не покажется удивительнымъ, если знать туность этого господина, который постоянно самъ себѣ противорѣчитъ.

Неужели вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о томъ, что современный общественный трудъ тѣмъ именно и характеризуется, что каждый производитъ вещи, которыхъ самъ не можетъ потреблять? Неужели вы не знаете, что со времени развитія крупной промышленности иначе и быть не можетъ, что въ этомъ именно состоитъ форма и сущность современного труда и что безъ строжайшаго вниманія къ этому обстоятельству нельзя понять ни одной стороны нашихъ современныхъ экономическихъ явленій, ни одного изъ нашихъ нынѣшнихъ экономическихъ явленій?

По вашему, стало быть, г. Леоноръ Рейхенгеймъ производитъ на Вюсте-Гирсдорфѣ хлопчато-бумажныя нитки для собственнаго употребленія, а что остается, чего дочка его не успѣютъ извести на чулки и ночные колпаки, то онъ обмѣниваетъ.

Г. Борзигъ производитъ машины для своей семейной потребности. Излишнія затѣмъ машины онъ продаетъ.

Гробовщики работаютъ, имѣя въ виду смертные случаи въ своихъ собственныхъ семьяхъ. Но такъ какъ, по рѣдкости ихъ, много гробовъ остается, то они обмѣниваютъ ихъ.

Г. Вольфъ, собственникъ здѣшняго телеграфнаго бюро, выписываетъ депеши для собственнаго назиданія и забавы. Удовлетворивъ своему любопытству, онъ предоставляетъ остальные биржевымъ волкамъ и журнальнымъ редакціямъ, которые въ обмѣнъ угощаютъ его своими акціями и корреспонденціями!

Мой отецъ былъ оптовый торговецъ, г. Шульце! Когда мнѣ было 10 лѣтъ, я никакъ не могъ понять, зачѣмъ моя мать и сестры ходятъ покупать шелковыя платья въ магазины, гдѣ торгуютъ въ розницу и гдѣ онѣ покупаютъ матеріи, лежащія въ лавкѣ отца огромными массами, платя, конечно, гораздо дороже. Но на 12 году я наконецъ постигъ причину этого тревожившаго меня явленія. Отецъ продавалъ матеріи оптомъ и ему было гораздо убыточнѣе отрѣзать въ угоду семейству платье отъ куска шелковой матеріи, чѣмъ заплатить какой угодно барышъ розничному торговцу. При томъ, покупая у послѣдняго, мать и сестры имѣли ту выгоду, что хотя и въ меньшей массѣ, но находили больше разнообразія въ экземплярахъ и потому могли основательнѣе рѣшать, что лучше ланки и глазки или просто ланки безъ глазокъ.

Даже въ ремеслахъ сдѣлалось истиной, что каждый про-

изводитъ именно то, что ему не нужно. Moses et Son, ведущіе огромную торговлю платьемъ въ лондонскомъ Сити, сами покупаютъ себѣ сюртуки, вѣроятно, у какого-нибудь фешенебельнаго портнаго на Вестъ-Эндѣ, тогда какъ этотъ портной поступилъ бы очень расчетливо, покупая себѣ сюртукъ у Moses et Son, потому что за его рабочее время, имя и факсонъ платится гораздо дороже.

Ниже мы вкратцѣ докажемъ, что даже въ полево́мъ хозяйствѣ натуральное хозяйство, производство предметовъ собственной потребности, играетъ теперь самую ничтожную роль, совершенно уничтожается, вслѣдствіе, во-первыхъ, денежной формы, черезъ которую всѣ продукты вынуждены проходить въ современномъ производствѣ, а во-вторыхъ, вслѣдствіе крупнаго производства; эти два условія, денежная форма и крупное производство, составляютъ главныя средства, которыми современная производительность налагаетъ свой преобладающій характеръ и на сельское производство.

Итакъ, отличительный, строго опредѣленный характеръ труда въ прежнихъ общественныхъ періодахъ состоялъ именно въ томъ, что тогда производили прежде всего для собственной потребности, а излишекъ продавали, т. е. вели преимущественно натуральное хозяйство.

Но отличительный характеръ, специфическая опредѣленность труда въ современномъ обществѣ состоитъ въ томъ, что каждый производитъ только то, что ему не нужно, т. е. каждый производитъ только мѣновья цѣнности, тогда какъ прежде производили преимущественно пользовья цѣнности.

И неужели вы не понимаете, г. Шульце, что это необходимая и все болѣе развивающаяся «форма труда» въ обществѣ, въ которомъ раздѣленіе труда дошло до такой степени, какъ въ нашемъ?

Если вы не понимаете этого, вы, мелкій мировой судья, если вы все еще представляете себѣ неорганический трудъ въ образѣ биттерфельдскаго или деличкаго мясника, который колетъ самую жирную свинью для себя и отпускаетъ покупателямъ только лишній ему кусокъ, то вѣдь вы не въ состояніи понять ни единаго изъ всѣхъ фактовъ и явленій,

управляющихъ нашимъ современнымъ экономическимъ положеніемъ! Потому что всѣ они развиваются и вытекають именно изъ того, что трудъ современнаго общества производитъ исключительно мѣновыя цѣнности, исключительно то, что самимъ не нужно! Ихъ можно понять только тогда, если строжайшимъ образомъ утвердиться въ пониманіи этой отличительной опредѣленности современнаго труда!

Стало быть, вы не понимаете и того, что этотъ трудъ, исключительно обращенный на мѣновыя цѣнности, на производство вещей, самимъ ненужныхъ, есть источникъ великаго богатства и вмѣстѣ съ тѣмъ великой нищеты нашего современнаго общества.

Вы не понимаете, что онъ создалъ всемірный рынокъ и что только при немъ возможно производство для всемірнаго рынка.

Вы не понимаете что онъ — причина переполненія рынка, кризисовъ, торговыхъ и рабочихъ застоевъ.

Вы не понимаете, что отъ него зависитъ въ высшей степени печальное и шаткое положеніе рабочаго сословія, что онъ подвергаетъ работниковъ такимъ ужаснымъ страданіямъ. Положеніе ткача было, конечно, гораздо обезпеченнѣе въ то время—какъ въ Англіи было до самаго конца прошлаго вѣка,—когда онъ кромѣ фабричной работы имѣлъ кусокъ земли, держалъ корову и такимъ образомъ производилъ для собственныхъ надобностей. Кто самъ производитъ главные предметы собственнаго потребленія, тотъ, разумѣется, не можетъ такъ быстро и глубоко впасть въ нищету, какъ тотъ, кто, подобно нашимъ работникамъ, ежедневно выставляется весь, какъ есть, безпомощный на всемірный рынокъ и зависитъ отъ каждаго колебанія его. Стало быть, вы вообще не имѣете никакого понятія о причинахъ, создавшихъ намъ пролетаріатъ!

Вы и того даже не понимаете—впрочемъ это-то вы меньше всего понимаете, но дальнѣйшими объясненіями я еще заставлю васъ понять это,—что только при этомъ производствѣ, исключительно обращенномъ на мѣновыя цѣнности, т. е. стало быть, когда трудъ принялъ «такіе форму и способъ», что каждый производитъ вещи, лично ему не нужны,—что

только тогда существует капиталъ въ собственномъ смыслѣ!

Стало быть, во всѣхъ нашихъ экономическихъ явленіяхъ вы не понимаете ничего, совершенно ничего, такъ-таки рѣшительно ничего!

И въ виду этого вашего дѣтскаго лепета мнѣ приходится учить васъ экономикѣ!

Но позднѣйшія времена, ради которыхъ я хлопочу и тружусь, вмѣнять мнѣ въ главную заслугу именно то, что я подвергъ себя такому само униженію, чтобы критиковать вашу ребяческую болтовню.

Предоставляя желающимъ самимъ прочесть, какъ вы еще на цѣлой страницѣ (стр. 15) рассказываете сказанное вами выше, все сызнова пережевывая и не прибавляя ни слова новаго. Этимъ и оканчивается отдѣлъ съ торжественнымъ заглавіемъ: «Форма труда въ человѣческомъ обществѣ».

Затѣмъ слѣдуетъ краткій отдѣлъ (стр. 16): «Раздѣленіе труда въ разныхъ отрасляхъ работы въ частности».

Но вмѣсто того, чтобы объяснять «раздѣленіе труда въ разныхъ отрасляхъ работы въ частности», вмѣсто того, чтобы изслѣдовать и доказывать, какъ вліяетъ раздѣленіе процесса труда на положеніе разныхъ факторовъ труда въ частности, вы опять повторяете избитыя старыя фразы, наполняющія всѣ учебники, даже всѣ дѣтскія книжки. Опять общія мѣста о томъ, что раздѣленіе труда усиливаетъ его производительную способность, что оно предохраняетъ капиталъ отъ растраты при трудѣ и даетъ возможность пользоваться естественными силами и сокровищами (?) разныхъ поясовъ. Другими словами, обѣщавъ разобрать «раздѣленіе труда въ различныхъ отрасляхъ работы въ частности», вы толкуете о раздѣленіи труда вообще! Вы наконецъ не понимаете даже смысла собственныхъ заглавій. Заглавіе относится къ содержанію, какъ кулакъ къ физиономіи!

Я сказалъ, что и тутъ вы отдѣливаетесь только общими, избитыми мѣстами; но этого мало, слѣдуетъ прибавить, что вы еще разжижаете и обезсмысливаете эти общія мѣста.

Сто лѣтъ тому назадъ Адамъ Смитъ, слѣдую Фергюсону *), подробно разобралъ и доказалъ, какія выгоды вытекають изъ раздѣленія труда для его производительной способности. Въ примѣръ онъ взялъ иголку **) и такимъ образомъ конкретно представилъ специфическую опредѣленность труда въ его современной формѣ. Такой наглядный способъ доказательства вполне достоинъ этого остроумнаго писателя. Онъ показываетъ, что въ одной и той же мастерской производство такой маленькой вещицы, какъ иголка, разлагается на 18 различныхъ работъ, изъ которыхъ каждая обыкновенно исполняется особыми работниками, такъ что каждый изготовляетъ лишь 18-ую долю иголки. И тутъ онъ показываетъ, какъ именно этотъ общій продуктъ соединенной дѣятельности выходитъ неизмѣримо больше продукта того же числа работниковъ, изготовляющихъ каждый цѣлую иголку. Слѣдовательно, въ этомъ примѣрѣ современный трудъ является у него въ той специфической отличительной опредѣленности, которою онъ теперь дѣйствительно отличается. Онъ является здѣсь не обмѣномъ отдѣльных, особенныхъ продуктовъ, создаваемыхъ отдѣльными, другъ отъ друга независимыми предпринимателями работы, а общимъ продуктомъ многихъ работниковъ, соединенныхъ съ цѣлью произвести одинъ общій продуктъ, такъ что каждый изъ нихъ исполняетъ лишь совершенно не самостоя-

*) Adam Ferguson, «An essay on the history of civil society», ed. Basel. Part. IV, sect. I. «Of the separation of Arts and Professions». Фергюсонъ объективно Адама Смита, потому что, наряду съ выгодами указываетъ и на невыгодныя слѣдствія раздѣленія труда для умственныхъ способностей, впрочемъ эти послѣдствія были не безызвѣстны и Смигу. Теперь они достаточно извѣстны послѣ того, что доказали на этотъ счетъ Лемонте и др. и что признано даже Ж. Б. Сэ и нѣмецкими учебниками; дознано, что только сокращеніе рабочаго времени и преобразование воспитанія могутъ въ будущемъ оказать дѣйствительное противодѣйствіе разрушительному вліянію раздѣленія труда на умственное развитіе. Замѣчательно, что вопреки этому общепризанному факту г. Шульце приписываетъ прогрессу въ промышленности, произведенному раздѣленіемъ труда, благотвельное вліяніе, что благодаря ему «ручная работа все болѣе обращается въ головную!» («Катехизисъ» стр. 38). Работникъ проводитъ теперь всю свою жизнь въ изготовленіи 18-й доли иголки, какъ въ примѣрѣ А. Смита, тогда какъ прежде дѣлалъ цѣлую иголку, а г. Шульце видитъ въ этомъ отупляющемъ занятіи переходъ отъ ручной къ головной работѣ!

**) Adam Smith, lib. I, c. 1, p. 13, ed. Garnier.

тельную, отвлеченную часть рабочего процесса и потому никоимъ образомъ не можетъ имѣть въ рукахъ готоваго «продукта» для «обмѣна».

Примѣръ Смита былъ такъ удаченъ, что сдѣлался стереотипенъ и перешелъ во всѣ учебники, гдѣ его иногда только замѣняетъ другой, столь же удачный примѣръ карточнаго производства.

Но вамъ, г. Шульце, неудобно показывать современный трудъ въ его специфической опредѣленности! Вамъ неудобно показать такими примѣрами работникамъ то, что они обращены въ бездушныя, несамостоятельныя колеса великаго общаго производства. Вамъ надо по возможности скрыть это. Вамъ необходимо по возможности убѣдить работниковъ, что «каждый обмѣниваетъ полученные продукты» (см. выше стр. 54).

Въ виду этихъ потребностей вы рѣшаетесь отступить отъ мудрости учебниковъ и замѣняете ихъ стереотипный примѣръ другимъ, заимствованнымъ изъ области свободной торговли! Чтобы доказать, что раздѣленіе труда усиливаетъ его производительную способность, вы обращаетесь къ международному обмѣну! Въ примѣръ «чудеснаго вліянія этого раздѣленія труда» (стр. 18) вы берете сюртукъ! Шерсть, изъ которой онъ сотканъ, говорите вы, провзведена въ Австраліи или Южной Россіи, передѣлана въ пряжу въ Англии, выткана въ Германіи; шелкъ для шитья полученъ изъ Южной Франціи, ножницы изъ какой-нибудь другой страны и т. д.—и такимъ образомъ вамъ благополучно удастся представить раздѣленіе труда рядомъ самостоятельныхъ операций самостоятельныхъ предпринимателей и ихъ обмѣномъ, счастливо избѣжавъ всего, что напоминаетъ современную специфическую опредѣленность труда, которая вамъ очевидно не по нутру, избѣжавъ всего, что могло бы дать работнику сознаніе этой опредѣленности!

Но позвольте, г. Шульце! Вы хотите объяснить этимъ примѣромъ работникамъ «чудесныя вліянія раздѣленія труда» въ современномъ смыслѣ? Но въ подобное «раздѣленіе труда», обмѣнъ, существовало всегда, какъ свѣтъ стоитъ! Подобное раздѣленіе труда было и у финикійцевъ, когда они возили пурпуръ изъ Тира въ Грецію и янтарь съ береговъ Балтійскаго моря? И

это должно служить объясненіемъ работникамъ современнаго раздѣленія труда и его «чудесныхъ вліяній»!

Не знаю, не то не понимаете вы высшаго и болѣе опредѣленнаго смысла, въ которомъ экономисты разумѣютъ раздѣленіе труда, не то хотите скрыть этотъ смыслъ по причинамъ, которыя я указалъ выше,—какъ бы то ни было, но вмѣсто вліяній раздѣленія труда, вы объясняете имъ просто-на-просто вліянія обмѣна!

Обмѣнъ, обмѣнъ и обмѣнъ—вотъ все, что вы знаете! Этимъ двухсложнымъ словомъ исчерпывается все содержаніе вашихъ экономическихъ познаній. О высшихъ и болѣе опредѣленныхъ экономическихъ нормахъ вы рѣшительно не имѣете ни малѣйшаго понятія! Все, что вы не приметесь объяснять людямъ, всё высшія и гораздо болѣе опредѣленныя экономическія явленія превращаются, какъ я докажу вамъ, въ вашихъ рукахъ, бессознательно для васъ самихъ, въ одинъ непремѣнный «обмѣнъ»!

Эхъ вы, мировой судья!

Вся эта каша фразъ заканчивается слѣдующими трогательными словами: «Искусство и наука уже платятъ ему (труду) давно просроченные проценты, а работники, которые сумѣютъ ясно понять этотъ необходимый процессъ развитія, которые сумѣютъ воспользоваться имъ, не замедлятъ получить полную долю въ великомъ наслѣдіи человѣчества».

Небо въ своей благости да сохранитъ насъ отъ «процентовъ», которые наука въ нашемъ смыслѣ заплатитъ человѣчеству!

ГЛАВА II.

„II. Капиталъ“.

Впослѣдствіи я разовью истинное понятіе капитала, а здѣсь и въ слѣдующей главѣ покажу сперва какъ кривы и даже противорѣчивы всѣ ваши опредѣленія «капитала»; впрочемъ въ этой критикѣ я вмѣстѣ съ тѣмъ заложу истинныя основанія для нижеслѣдующаго развитія этого понятія.

Впрочемъ надо отдать вамъ справедливость: не вы одни съ Бастіа, а вся нынѣшняя политическая экономія до сихъ поръ нигдѣ не сумѣла дать истиннаго, объективнаго понятія капитала. Вся чепуха, все ложное и нелѣпое, что вы несете съ Бастіа о капиталѣ, происходитъ отъ общаго кореннаго заблужденія всей либеральной экономіи. Поэтому я долженъ, въ этой и слѣдующихъ главахъ, разобрать понятіе капитала общее всей либеральной экономіи и привести его къ истинному. Впрочемъ вы и вашъ двойникъ, съ котораго вы—копія, превзошли, въ этомъ отношеніи, все, что было видано до сихъ поръ, и представили зрѣлище, исполненное произвольнаго, но неисчерпаемаго комизма.

Вы начинаете эту главу отдѣломъ:

«а) *Понятіе и употребленіе капитала, производительное потребленіе*». Вы начинаете устанавливать это понятіе такъ: «Чтобы имѣть возможность предпринять и продолжать какую-нибудь промышленную дѣятельность, необходимо нужно имѣть три рода вещей: а) сырые матеріалы для обработки, б) орудія для работы, с) средства для продовольствованія во время работы, или, что все равно для лица, дающаго работу другимъ работникамъ,—фондъ для выплачиванія рабочихъ платъ. Эти предметы, составляющіе необхо-

димое предварительное условіе всякой рабочей дѣятельности, взятые всѣ вмѣстѣ, называются капиталомъ».

Но вѣдь сырые матеріалы, орудія труда и средства продовольствія обнимаютъ всѣ роды продуктовъ, и я не понимаю, отчего вы просто не разразились восхитительнымъ опредѣленіемъ «капиталь—продукты»?

Вы, пожалуй, возразите, что изъ дальнѣйшихъ словъ вашихъ будетъ видно, что дѣло «въ цѣли, въ назначеніи, которымъ эти продукты служатъ».

Если такъ, то почему вы не скажете просто: «капиталь—продукты, потребляемые производительнымъ образомъ для дальнѣйшаго производства»?

Мой объективный анализъ капитала убѣдитъ васъ, что и это опредѣленіе еще очень прихрамывало бы, было бы еще отвлеченно и потому всетаки очень ложно. Въ немъ понятіе капитала вовсе не выяснилось бы. Но это было бы по крайней мѣрѣ ясное, краткое, образованное опредѣленіе.

Но вы не можете возвыситься и до этого опредѣленія, потому ли, что неспособны къ такому образованному способу мысли и выраженія, или потому, что съ самаго начала хотите незамѣтно внушить работнику представленіе, что капиталъ долженъ непременно быть частнымъ капиталомъ; этого представленія въ такомъ краткомъ и выразительномъ опредѣленіи не содержится, и потому вы предпочитаете замѣнить его размазней, удобнѣе скрывающей при томъ ваши безпрестанныя противорѣчія.

Написавъ вышеприведенныя слова и замѣтивъ еще, что денежная сумма никогда въ сущности не можетъ быть капиталомъ, вы продолжаете: «Итакъ, капиталъ представляетъ ту часть имущества человѣка, которую онъ не тратитъ немедленно....»

Прошу прощенія, г. Шульце, но дѣлать нечего—приходится прервать васъ на этихъ же словахъ! Не можете ли вы объяснить мнѣ, составляютъ ли слова «имущество человѣка» слѣдствіе простой неспособности выражаться языкомъ образованныхъ людей, слѣдствіе пошлости ума, неспособной уловить общее, или плодъ умышленнаго расчета незамѣтно внушить работникамъ, что капиталъ непременно долженъ находиться въ частномъ владѣніи? Вѣдь вы знаете и, какъ

членъ палаты, обязаны знать, что есть и общественные капиталы, не составляющіе «части имущества человѣка», а принадлежащіе всей націи вмѣстѣ. Отчего же вы не скажете просто, что капиталъ есть «та часть имущества», не прибавляя «человѣка», который можетъ быть оставленъ въ покоѣ, потому что въ этомъ опредѣленіи ему мѣста нѣтъ?

Однако послушаемъ ваше опредѣленіе дальше: «Итакъ, капиталъ составляетъ ту часть имущества человѣка, которая не тратится немедленно, не расходуется на удовлетвореніе текущихъ личныхъ потребностей, а или накапливается и сберегается для продолжительнаго пользованія и употребленія въ будущемъ, или употребляется на будущій трудъ, на предпріятія или дальнѣйшее веденіе какого-нибудь дѣла, все равно—своего или чужого. Стало быть, дѣло въ цѣли, въ назначеніи, которыя даются человѣкомъ различнымъ частямъ своего имущества, своего дохода; этимъ и опредѣляется, что въ его имуществѣ надо считать капиталомъ, и только уцѣлвующее отъ текущихъ потребностей имѣетъ право на это названіе».

Вы болтаете такъ складно, что и образованный человѣкъ можетъ пробѣжать эти строки, не замѣтивъ всей ихъ бессмыслицы. Ваша размазня дѣйствуетъ моментально усыпительно и притупляющимъ образомъ на мысль читателя—и въ этомъ-то состоитъ одно изъ пагубнѣйшихъ послѣдствій ея, потому что этимъ она по-истинѣ отравляетъ народный духъ. Но чья мысль настолько сильна и самостоятельна, чтобы не раскиснуть даже и отъ вашей размазни, тотъ долженъ, право, удивляться вашему умѣнью сосредоточить въ такомъ небольшомъ числѣ строкъ столько логическихъ бессмыслицъ.

Я объясню вамъ ихъ въ тройномъ отношеніи:

1) Итакъ по вашему капиталъ—«та часть имущества, которая не тратится немедленно, которая не расходуется на удовлетвореніе текущихъ личныхъ потребностей». «Дѣло въ цѣли, въ назначеніи, которыя даются различнымъ частямъ имущества, дохода; это опредѣляетъ, какую часть ихъ надо считать капиталомъ, и только уцѣлвующее отъ текущихъ потребностей имѣетъ право на названіе капитала».

То есть, вы объясняете капиталъ доходомъ какъ часть дохода, но вѣдь, напротивъ того, капиталъ даетъ доходъ, стало быть, доходъ вытекаетъ изъ капитала (и логически и исторически). Слѣдовательно, надо сперва дать понятіе капи-

тала и потомъ уже изъ него выводить доходъ. А вы, наоборотъ, объясняете капиталъ доходомъ!

— Однако ниже, въ отдѣлѣ: «d) Кредитъ и рента капитала»—вы сами пытаетесь объяснить процентъ и ренту, т. е. доходъ продуктивной силой капитала!

Пустяки! Что тутъ толковать! На какой страницѣ «Катехизиса» говорится то, что въ этомъ мѣстѣ нужно сказать! Тутъ доходъ выводится изъ капитала, тамъ капиталъ изъ дохода! Такъ какъ капиталъ даетъ доходъ, то доходъ значить доходъ съ капитала. Слѣдовательно, если разобрать ваше опредѣленіе, то окажется, что по-вашему капиталъ есть извѣстная часть дохода съ капитала!

Великій Шульце!

Не надо большого остроумія, чтобы разгадать, какъ произошло это хаотическое столпотвореніе въ вашей судейской головѣ! Вы вѣрно видали когда-нибудь въ Деличѣ, что человѣкъ, имѣя 1000 талеровъ дохода, приберегалъ изъ нихъ 500 тал. и обращалъ въ капиталъ. Вотъ вы и воображали, какъ впослѣдствіи окажется, что именно этимъ процессомъ произошло историческое возникновеніе капиталовъ! Но будь это даже столько справедливо, сколько на самомъ дѣлѣ это ложно, глупо и смѣшно,—неужели вы не видите, великій Шульце, что этотъ процессъ образованія капитала не имѣетъ ничего общаго съ занимающимъ васъ здѣсь вопросомъ? Потому что:

2) вы хотите и должны дать намъ здѣсь понятіе капитала, вы хотите и должны сказать намъ, что такое капиталъ,—а вмѣсто того вы пускаетесь объяснить, какъ возникаетъ капиталъ!

Развѣ вы съ вашей «образованностью» не имѣете понятія, до чего вопросы эти совершенно отличны другъ отъ друга? Если я васъ спрошу: что такое человѣкъ?—а вы приметесь мнѣ описывать процессъ, которымъ возникаетъ человѣкъ,—будетъ ли это отвѣтъ на мой вопросъ?

Вѣдь вы сами вовсе еще и не собираетесь здѣсь разсуждать о возникновеніи капитала. Гораздо ниже, въ концѣ 24 стр., вы начинаете особый отдѣлъ, который озаглавливаете: «b) Возникновеніе капитала». Стало быть, рѣчь о возникновеніи должна идти и пойдетъ только тамъ. А здѣсь, по смыслу вашего заглавія, мы должны еще узнать отъ

вась «понятіе» капитала, и вы даете это понятіе, говоря, что капиталъ есть та «часть» имущества, «дохода», которая «не тратится немедленно», «не расходуется на удовлетвореніе текущихъ личныхъ потребностей», «откладывается на будущее употребленіе, на болѣе продолжительное пользованіе», т. е. вы даете понятіе капитала, объясняя возникновеніе капитала?

Гдѣ же стыдъ, г. Шульце? Неужели вы не чувствуете, безтолковый вы человѣкъ, что кто желаетъ выступить народнымъ учителемъ передъ народомъ, передъ работниками, долженъ усвоить себѣ хотя какіе-нибудь скудные начатки логики? Говорю скудные, потому что у васъ нѣтъ никакихъ. А въ сущности такому человѣку надо обладать высшей логикой, совершеннѣйшей ясностью мысли, полнымъ господствомъ надъ своимъ предметомъ, чтобы придавать ему чистѣйшую прозрачность, чтобы онъ казался слушателю и читателю рядомъ очевидныхъ истинъ, развивающихся безъ всякаго усилія одна изъ другой.

Удивляйтесь, сколько хотите, но я все-таки скажу вамъ, что для чтенія лекцій работникамъ нужно обладать высшею степенью «образованія», чѣмъ для преподаванія въ студенческой аудиторіи.

И вмѣсто того, что же? Полнѣйшее незнаніе предмета, неслыханное шарлатанское безмысліе, цѣлый колтунъ противорѣчій въ головѣ, противорѣчій съ самимъ собой и съ дѣйствительностью, безпримѣрное неумѣнье даже ставить вопросы, кисельное расплываніе всѣхъ понятій, такъ что при чтеніи слова утекаютъ сквозь пальцы и нельзя уловить въ нихъ ничего опредѣленнаго, такъ что даже мыслящій и свѣдущій читатель долженъ прибѣгать къ страшнымъ трудамъ и усиліямъ, чтобы что-нибудь удержать! Все это мы уже видѣли и увидимъ ниже въ еще гораздо большей степени. Все это можетъ вести только и къ совершенному помраченію, и извращенію здраваго смысла народа.

Развѣ вы не видите, что:

3) сверхъ всего этого ваше опредѣленіе, что капиталъ есть «часть дохода, не тотчасъ потребляемая на удовлетвореніе личныхъ потребностей», а «откладываемая для будущаго потребленія и продолжительнаго пользованія», — въ высшей степени ложно?

Это вы можете видѣть изъ различія, принимаемаго всеми экономистами между *capital fixe* и *capital circulant*, основнымъ и оборотнымъ капиталомъ. Оборотный капиталъ состоитъ большею частью изъ вещей, «потребляемыхъ немедленно», «удовлетворяющихъ минутнымъ личнымъ потребностямъ», какъ, на примѣръ, продовольствіе, рабочая плата и пр.

Это и вы знаете и потому не замедляете тотчасъ влѣпиться въ надлежащее противорѣчіе съ самимъ собою. На той же самой страницѣ вы пишете: «Далѣе, товары мелочной лавки. Для купца они капиталъ, потому что изъ оборота ихъ онъ извлекаетъ средства для дальнѣйшаго веденія своего дѣла. Но въ рукахъ покупателей, берущихъ у него нѣсколько лотовъ кофе или пряностей, фунтъ рису или сахару для немедленнаго потребленія, эти вещи слѣдуетъ разсматривать лишь какъ предметы потребленія.»

Что же такое эти вещи? Капиталъ или нѣтъ? Если они не капиталъ, то, значить, вы наврали, сказавъ выше, что «средства жизни» и «фондъ для выплачиванія рабочей платы» составляютъ капиталъ; значить, и все, что вы еще будете болтать объ этомъ дальше, будетъ враки. Но если эти вещи—капиталъ, то не правда, что капиталъ есть лишь часть «имущества, не расходуемая на удовлетвореніе минутныхъ потребностей». Стало быть, спрашивается оиять, капиталъ онѣ или нѣтъ? Прошу отвѣтить мнѣ начисто. Но изъ вашей книги этого во-вѣки не узнаешь!

Если бы васъ стали пытаться, чтобы добиться отъ васъ отвѣта на этотъ вопросъ, вы и тутъ могли бы только твердить коснѣющимъ языкомъ: «для одного капиталъ... для другого нѣтъ!»

Я еще не могу читателю отвѣтить на этотъ вопросъ. Чтобы выбраться изъ чащи противорѣчія, въ которую вы затесались, надо взять другой путь. Но въ этой главѣ еще рано показывать настоящую дорогу и объяснять противорѣчія, которыя помыкаютъ вами. Однако, чтобы бросить вамъ лучъ свѣта, я спрошу васъ, что вы пишете?—«Курсъ политической экономіи», какъ вы утверждаете въ предисловіи къ своему «Катехизису», или частной экономіи? Чѣмъ вы занимаетесь? Національной экономіей, народнымъ хозяйствомъ или частной экономіей, частнымъ хозяйствомъ?

И какъ относятся между собою эти двѣ области?

Каждая строка вашего «Катехизиса» ясно показывает, что вы, подобно многим другим экономистам, никогда даже не задавали себя этих вопросов, никогда не убеждались ни в различии, ни в тождестве этих двух областей, даже не подозреваете существования разницы между ними; поэтому толкуете о народной экономии, имея в виду частное хозяйство, а о частном хозяйстве, имея в виду народную экономию.

Забавны противоречія, вырастающія под каждым вашим шагом, как розы феи, показывают, до чего вы сами сомнѣваетесь въ смыслѣ своего лепета, что «для одного капиталъ... для другого нѣтъ», что «дѣло въ цѣли... въ назначеніи», и тому подобныхъ отвѣтовъ.

На стр. 35 вы даете уже новое опредѣленіе капитала: «Въ сущности всякій капиталъ по своей конечной цѣли— нечто иное, какъ наемный фондъ, и всякій капиталъ, полагаемый въ основаніе предпріятія, неизбежно расходуется въ концѣ концовъ на выплачиваніе рабочей платы».

Чтобы объяснить это, вы доказываете, что всякій основной капиталъ, даже состоящій въ орудіяхъ труда и сырыхъ матеріалахъ, сводится на уплату рабочей платы людямъ, произведшимъ эти предметы, и продолжаете такъ (стр. 36):

«Даже въ послѣднемъ изъ возможныхъ случаевъ, въ томъ случаѣ, если человѣкъ не употребляетъ своего состоянія на основаніе какого-нибудь производительнаго предпріятія, а просто проживаетъ его, тратитъ, быть можетъ, на изученіе какой-нибудь науки или ремесла или наконецъ проматываетъ его на роскошь, даже въ этомъ случаѣ конечный результатъ не измѣняется, даже въ этомъ случаѣ онъ выплачивается въ концѣ концовъ нечто иное, какъ рабочія платы.

«Говорарь учителямъ, цѣны книгъ расходы на квартиру, одежду, пищу—все это нечто иное, какъ платы работникамъ, какъ бы то ни было участвовавшимъ въ производствѣ всего этого. Пусть я строю себѣ роскошную виллу, покупаю самые дорогіе деликатесы, тонкія вина, драгоценныя статуи и утварь; расходуюсь мною деньги все-таки достанутся не кому иному, какъ тѣмъ работникамъ, которые прямо или косвенно участвовали въ производствѣ всѣхъ этихъ предметовъ. Словомъ, какъ мы уже указали:

«Всякое расходованіе имущества, какое только можно

придумать, какъ производительное употребленіе капитала, такъ и непроизводительное потребленіе, простая растрата, всегда имѣетъ цѣлью доставить себѣ произведеніе человѣческаго труда и человѣческія услуги, слѣдовательно, въ конечномъ результатѣ, сводится «на выплачиваніе рабочихъ платъ».

Если все это правда, если даже «непроизводительное потребленіе сводится на выплачиваніе рабочихъ платъ» и если сущность капитала состоитъ въ томъ, чтобы служить «наемнымъ фондомъ», который имѣетъ конечною цѣлью «выплачивать рабочія платы», то, значить, вздоръ, будто «дѣло въ цѣли, въ назначеніи», значить, нѣтъ разницы между производительнымъ и непроизводительнымъ потребленіемъ, между «немедленною тратой» и «копленіемъ на будущее»,—значить, все сводится на «выплачиваніе рабочихъ платъ», стало быть, на образованіе капитала.

Великій Шульце! Постороннему зрителю, стоящему на твердомъ основаніи точныхъ экономическихъ знаній, дикой представляется пляска св. Витта, которую васъ заставляютъ отплясывать ваши противорѣчія. Но ужасно было бы положеніе несчастнаго, который вздумалъ бы пытаться добратся въ вашей книгѣ до понятія окапиталь!

Нутка, еще парочку потиворѣчій:

Итакъ, капиталъ есть «та часть имущества человѣка, которую онъ не тратитъ немедленно... а откладываетъ на будущее для продолжительнаго пользованія», или, какъ вы еще разъ повторяете на стр. 25,—«часть имущества, отложенная для обезпеченія нашего будущаго существованія».

Знаете ли, г. Шульце, что «мы откладываемъ для обезпеченія нашего будущаго существованія»? Деньги. Однако, вы уже дважды сказали намъ, что деньгъ, «собственно, говоря, никогда не могутъ быть капиталомъ», что за деньги можно только получить, вымѣнять капиталъ. Странная штука этотъ капиталъ!

Капиталъ есть всегда лишь «отложенная часть имущества» «не расходуемая тотчасъ», «а пополняемая»; но съ другой стороны, капиталомъ никогда не бываетъ то, что дѣйствительно накопляется, а всегда только то, что мы обмѣниваемъ за деньги и немедленно тратимъ, потребляемъ,—всегда только то, что не откладывается, не копится (продо-

вольствіе, рабочая плата и т. д.). Но тѣмъ не менѣе надо твердо помнить, что капиталомъ всегда бываетъ лишь то, что копится и откладывается!

Пресвятой Непомукъ! Что за прелестный букетъ противорѣчій! Какой таинственной, непостижимой штукой долженъ представляться этотъ капиталъ вамъ, г. Шульце, и вашему Бастіа, которому вы и здѣсь слѣдуете слѣпо, однако не умѣя такъ искусно перепрыгивать черезъ безмыслицы и противорѣчія. Я понимаю ваше благоговѣніе передъ капиталомъ! Человѣкъ во всѣ времена склонялся передъ непонятными ему вещами!

Положимъ, что я совсѣмъ не трачу денегъ, которыя ежегодно откладываю, припрятываю ихъ въ кубышку, какъ недавно было обычай у нашихъ крестьянъ. Спрашиваю васъ, будетъ ли это капиталъ или нѣтъ?

Если это капиталъ, то вы соврали, сказавъ, что «капиталъ не можетъ состоять изъ денежной суммы»; если же это не капиталъ, то вы соврали, сказавъ, что «капиталъ есть часть имущества человѣка, отложенная для обезпеченія нашего будущаго существованія».

Дарю вамъ дюжину другихъ противорѣчій и буду продолжать разсматривать ваше понятіе о капиталѣ: «Съ этой всепроницающей точки зрѣнія (т. е. съ той точки зрѣнія, что капиталъ есть лишь «отложенное и употребляемое для продолжительнаго пользованія въ будущемъ»!) капиталомъ оказываются не одни матеріальные вещественные предметы, реальное, осязаемое имущество. Капиталу принадлежать даже познанія, опытность и искусство, сила воли и духъ предпримчивости и другія духовныя и тѣлесныя преимущества и способности, прибрѣтенныя или выработанныя продолжительными стараніями и упражненіями и служащія для продолжительнаго пользованія ими въ жизни и въ профессіи; они уже потому принадлежать капиталу, что не тратятся на минутную нужду, а существенно содѣйствуютъ удовлетворенію будущихъ потребностей. Равнымъ образомъ великое открытіе или изобрѣтеніе, результатъ долгихъ трудолюбивыхъ изслѣдованій и опытовъ, есть также капиталъ, потому что простираетъ свое содѣйствіе на будущность и, если имъ хорошо воспользоваться, доставляетъ своему владѣтелю доходъ»!

Удивленія достойна ваша по-истинѣ царская щедрость,

съ какою вы разом одарили міръ массой новыхъ капиталовъ *), доселѣ совершенно неизвѣстныхъ экономической наукѣ! Въ сравненіи съ этимъ, благодарственное приношеніе 45.000 талеровъ, поднесенныхъ вамъ фабрикантами и купцами,—просто нищенская подачка!

Вы знаете, съ какимъ уваженіемъ относится нѣмецкій работникъ къ уму и знаніямъ. Поэтому давай поскорѣй причислять «познанія и опытъ», «духовныя преимущества и способности» къ капиталамъ! По вашему, профессоръ, извлекающій изъ своихъ свѣдѣній приличное содержаніе или какой-нибудь другой доходъ,—не умственный работникъ, пользующійся такимъ или сякимъ доходомъ съ труда, нѣтъ, упаси Богъ,—это капиталистъ! Жаль только, что Шиллеръ, Лессингъ и многіе другіе, при всѣхъ своихъ познаніяхъ, духовныхъ преимуществахъ, при всѣхъ этихъ «капиталахъ», весь вѣкъ голодали! Чтожъ такое! Все-таки были капиталисты! Вѣроятно, были скряги или чудачки, не хотѣли ничего «обмѣнивать» на свои капиталы!

Такимъ образомъ благополучно найденъ мостъ, по которому всѣ люди, рѣшительно всѣ, переводятся въ число капиталистовъ, и остается только пустячная разница меньшихъ и большихъ капиталовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если «опытъ и искусство», «духовныя и тѣлесныя преимущества и способности, приобретенныя или выработанныя продолжительными стараніями и упражненіями», «которыя человекъ не тратитъ на минутную нужду» и «изъ которыхъ онъ извлекаетъ постоянный доходъ», дѣйствительно извлекаетъ въ видѣ рабочей платы,—если все это—капиталь,—стало быть, «слейтесь миллионы!» Наконецъ-то насъ связалъ великій братскій союзъ. Оказывается, что всѣ мы капиталисты—одинъ больше, другой меньше! Прибыль капитала и плата труда—одно и то же! Рабочая плата такой же доходъ съ капитала, какъ дивиденды кельнъ-минденской желѣзной дороги! Какъ въ потьмахъ всѣ кошки сѣры, такъ въ потьмахъ вашего тупоумія исчезаютъ всѣ экономическія различія и опредѣленности, интересы примираются, социальный

*) Впрочемъ не совѣмъ новыхъ. Ихъ уже неоднократно пытались ввести въ науку, но она всякій разъ выбрасывала ихъ. Ср. напр. Германа «Политико-экономическія изслѣдованія», Мюнхенъ, 1832, Г. 50—59, «Quarterly Review», Г. 44, стр. 1—52. Pay, «Grundsætze», гл. I. § 130 и др.

вопросъ рѣшенъ, и остается затянуть «Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ»! И все сдѣлано вами, о великій спаситель общества!

Но положимъ, станете вы выворачиваться, положимъ, что чисто умственные познанія и преимущества не капиталы, за то «великія открытія и изобрѣтенія» въ матеріальной области, напр. въ техникѣ, остаются капиталами. И то нѣтъ, г. Шульце!

Капиталистъ можетъ очень выгодно эксплуатировать «великое открытіе или изобрѣтеніе», но само по себѣ оно точно такъ же не капиталъ, какъ философская идея Гегеля или поэтической гений Гете! Вспомните участь Фультона, великаго изобрѣтателя пароходства, который разорился на свое изобрѣтеніе, участь Гаргривса, изобрѣтателя Spinning-Jenny (прядильной машины), умершаго въ страшной нищетѣ, участь множества другихъ изобрѣтателей, которыхъ я могъ бы считать вамъ.

Если для васъ все капиталъ, что простираетъ свое дѣйствіе далеко въ будущность и при искусномъ пользованіи доставляетъ своему владѣльцу доходъ, то этакъ вы должны причислить къ капиталамъ и тѣлесныя прелести женщины, потому что и онѣ «простираютъ свое дѣйствіе далеко въ будущность и при искусномъ пользованіи доставляютъ своей владѣлицѣ доходъ», часто даже преблистательный! Да вы и въ самомъ дѣлѣ причисляете «тѣлесныя преимущества» къ капиталамъ!

Короче, великій мировой судья, вы понимаете «капиталъ» совершенно въ той же научной, экономической строгости и опредѣленности, въ какой разумѣлъ бы это выраженіе человѣкъ, который сказалъ бы вамъ въ видѣ дружескаго привѣта: «Ну, братъ, капиталъная ты шельма!»

«b) *Возникновеніе капитала*». «Взглянемъ теперь—такъ начинаете вы этотъ отдѣлъ—на возникновеніе капитала. Мы уже говорили о сбереженіи и накопленіи, и такимъ образомъ указали уже путь, которымъ идетъ образованіе капитала. Капиталъ во всѣхъ случаяхъ есть непосредственный результатъ сбереженія (трудно сказать, г. Шульце, чему больше удивляться—вашей изумительной смѣлости, или вашей невѣроятной наивности)! Капиталъ можетъ возникнуть только благодаря тому, что человѣкъ не расходуетъ всего продукта своего труда, всего своего дохода непроизводительнымъ обра-

зомъ, на удовлетвореніе своихъ минутныхъ потребностей, но известную часть откладываетъ. Иначе капиталы вообще не могутъ возникнуть».

Чтобы разоблачить всѣ ошибки и нелѣпости, которыя вамъ удалось столкнуть въ такомъ небольшомъ числѣ строкъ, надо бы написать почти цѣлую книгу. Во-первыхъ, вы говорите, что капиталъ образуется благодаря тому, что «человѣкъ не расходуетъ непроеводительнымъ образомъ всего продукта своего труда, всего своего дохода». Но вопросъ-то въдѣ въ чемъ? Въ томъ, тождественъ ли «продуктъ труда» человѣка съ его «доходомъ», тождественны ли они были до сихъ поръ и тождественны ли теперь, подъ владычествомъ капитала? Есть ли «продуктъ» труда человѣка то же самое, что «доходъ»? Составляетъ ли «доходъ» человѣка дѣйствительно «продуктъ труда» его или, быть можетъ, продуктъ чужого труда? Вотъ что составляетъ спорную точку во всѣхъ современныхъ преніяхъ о капиталѣ.

Вы съ безпримѣрною ловкостью, шутя, прекращаете весь споръ самымъ простѣйшимъ образомъ, наивно сопоставляя, какъ синонимы, слова «продуктъ труда» и «весь доходъ»! Что же! Ловкость не колдовство! Дѣло просто: то, что слѣдовало доказать, предполагается доказаннымъ, и признаніемъ за доказанное того, что предстояло доказать, доказывается то, что слѣдовало доказать, — и спору конецъ! Вы понимаете, г. Шульце, что главный интересъ сосредоточивается именно на этомъ вопросѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ оба мы народились на свѣтъ, я постоянно «бралъ на себя трудъ и воздержаніе», какъ вы выражаетесь на стр. 29, «сберегать» продуктъ вашего труда, «не потреблять его», «копить его». Что же вы скажете, если я пошлю къ вамъ, «требованіе отдать мнѣ этотъ продуктъ вашего труда или проценты съ него, ссылаясь на это «сбереженіе»?

Вы понимаете также, г. Шульце, до какой степени важно это обстоятельство для вашего объясненія «возникновенія капитала». Каково было бы, если бы вамъ пришлось сказать работникамъ: капиталъ возникаетъ, «благодаря тому, что человѣкъ сберегаетъ продуктъ чужого труда, не тратитъ его на свои минутныя потребности»? Ого! Чего добраго, послушавшись вашего опредѣленія, эти люди взяли бы притязаніе на всѣ капиталы въ мірѣ, потому что въ самомъ дѣлѣ

очевидно, что они не потребляли их и, стало быть, «сберегли» гораздо больше, чѣмъ мы съ вами!

Но я докажу вамъ частью въ этой главѣ, частью ниже, въ объективномъ анализѣ капитала, что, подѣ владычествомъ капитала, капиталисты «сберегаютъ» продуктъ чужого труда.

Теперь второй вопросъ: всѣ экономисты называютъ капиталъ накопленнымъ трудомъ (*Travail accumulé, accumulated labour*). Это опредѣленіе не полно, не даетъ понятія о капиталѣ, но по крайней мѣрѣ благообразно и поверхностно вѣрно. Дѣйствительно, всякій капиталъ есть непремѣнно накопленный трудъ. Зачѣмъ же вмѣсто этого общепотребительнаго опредѣленія вы гордите свою чепуху, что капиталъ есть результатъ сбереженія, что онъ возникаетъ, благодаря тому, что человѣкъ не тратитъ непродуцируемымъ образомъ всего продукта своего труда, всего своего дохода *)? Правда, съ перваго взгляда можетъ показаться, что это невинная описка, просто безвредная перефразировка. Если капиталъ есть накопленный трудъ, разсуждаете вы, то вѣдь, чтобы быть «накопленнымъ», трудъ этотъ долженъ быть «потребленъ»; стало быть онъ есть продуктъ сбереженія, откладыванія изъ дохода. Однако этой перефразировкой, повидимому не измѣняющей смысла, вы благополучно успѣли совершенно оглушить и исковеркать это опредѣленіе, притомъ не безъ цѣли!

Я вамъ докажу это, г. Шульце, берегитесь!

1) Опредѣленіе—«капиталъ есть накопленный трудъ»—совершенно объективно и потому по внѣшности вѣрно. Оно ни единымъ словомъ не намекаетъ, чтобы «накопленный трудъ» былъ именно трудъ того, кому принадлежитъ накопленіе **). Напримѣръ, накопленіе можетъ быть продуктомъ

*) Все это смѣлое подражаніе Бастіа, который («*Harmon. économ.*» р. 216), утверждаетъ, что капиталисты образуютъ капиталы *par leurs privations*.—«своими лишеніями». Впрочемъ зародышъ этой негѣности свойственъ и необходимъ всей либеральной экономіи, такъ что встрѣчается и у Адама Смита и у его преемниковъ. Только у Бастіа и г. Шульце негѣность эта рѣзче выражена и потому имѣетъ особенно уродливый видъ.

**) Правда, у Адама Смита и у всѣхъ либеральныхъ экономистовъ это наивно подразумѣвается, и это наивное подразумѣваніе составляетъ именно характерную черту либеральной школы. Но все-таки это только подразумѣваніе, наивное, задушевное, безхитрое. Смигу и Рикардо еще не прихо-

труда рабовъ, такъ что накопленный трудъ, хотя принадлежитъ капиталисту, но только въ силу положительнаго законодательства, а самый трудъ произведенъ рабами. Итакъ, это опредѣленіе оставляетъ нерѣшеннымъ, совпадаетъ ли трудъ и накопленіе въ одномъ лицѣ или принадлежитъ двумъ разнымъ лицамъ.

Вы же, вашей перефразировкой, называя капиталъ «результатомъ сбереженія» и результатомъ того, что человекъ не потребляетъ всего продукта своего труда, «всего своего дохода», разомъ выигрываете самое существенное, — то, что для васъ всего важнѣе, а именно, незамѣтно, посредствомъ самаго опредѣленія вашего вносите въ умы работниковъ предвзятое убѣжденіе, что капиталисты накапливаютъ продукты собственного труда, что «скопидомъ» откладываетъ только свое, часть «продукта своего труда, своего дохода», что ему принадлежитъ не только самый капиталъ, но особенно и все, что изъ него слѣдуетъ, принадлежитъ притомъ не только по положительному праву, въ силу существующихъ законовъ, но и экономически, по логикѣ и наукѣ.

О вы, архифокусникъ! Но дѣло въ томъ, что глупую фигуру приходится изображать фокуснику, когда продѣлку его углядятъ. Незавидно положеніе уличнаго шулера!

2) При этомъ вы по неизбѣжной необходимости попадаетесь въ логическій просакъ, въ который я уже достаточно пыткалъ васъ носомъ выше (стр. 68). Объясняя капиталъ сбереженіемъ части дохода, который, наоборотъ, самъ возникаетъ изъ капитала, вы выводите его изъ того, что само изъ него вытекаетъ, т. е. называете капиталъ «частью дохода съ капитала», другими словами, объясняете, что капиталъ есть часть самого себя! Въ обыкновенномъ экономическомъ опредѣленіи, что «капиталъ есть накопленный трудъ», нѣтъ и слѣда этой глупости, если судить только по прямому смыслу словъ, хотя правда, что глупость неизбѣжно коренится въ глубинѣ

дилось бояться социализма. Но у гг. Бастія и Шульце это тайное предположеніе заявляется уже открыто въ полемической формѣ! Великіе основатели буржуазной экономіи оставили этотъ вопросъ неизслѣдованнымъ, предположивъ его безспорнымъ на основаніи вѣшняго вида. У экономовъ же, по общему для всѣхъ наукъ закону, эта ошибка сдѣлалась главнымъ основаніемъ, и на нее-то особенно наираютъ! Это примѣчаніе содержитъ въ себѣ вратцѣ сущность исторіи либеральной экономіи со временъ Рикардо.

души всякаго либеральнаго экономиста. Въ опредѣленіи же нѣтъ и помина о «доходѣ»; оно справедливо выражаетъ, что источникомъ образованія капитала служить единственно процессъ производства. Но что для васъ значитъ сказать одной глупостью больше или меньше?

3) Далѣе, вотъ еще какой казусъ приключается тутъ съ вами: вы внезапно открываете совершенно новый факторъ вещей, которымъ ставите себя въ рѣшительное противорѣчіе съ самимъ собою. Со времени Адама Смита весь міръ знаетъ, что источникъ всѣхъ цѣнностей—трудъ. Это и вы часто повторяете въ своей книгѣ, но только на словахъ; на дѣлѣ же вы никакъ не можете запомнить этого. Въмѣсто того, чтобы признать факторомъ образованія капитала положительный трудъ, производство, какъ признаютъ экономисты своимъ опредѣленіемъ «капиталъ есть накопленный трудъ», вы внезапно измышляете источникомъ капитала новый, чисто отрицательный факторъ, «сбереженіе», т. е. просто непотребленіе вещи! Это противорѣчіе такъ крѣпко, что даже вамъ самимъ ударило въ носъ и въ мучительномъ сознаніи его вы начинаете разглагольствовать такъ: «Однако одно сбереженіе, непотребленіе вещи, само по себѣ недостаточно для созданія капитала. Ему должна предшествовать дѣятельность, доставляющая плату (это что такое?!), производительный трудъ; это само собою понятно, потому что иначе не будетъ предметовъ для сбереженія. Надо сперва создать цѣнности и имущества, которыя можно бы копить, отъ которыхъ можно бы что-нибудь сберегать; надо сперва заслужить доходъ, отъ котораго можно бы что-нибудь откладывать. На это есть только одно средство—трудъ. Одинъ трудъ предоставляетъ въ распоряженіе человѣка всѣ полезныя и необходимыя вещи въ мірѣ; онъ одинъ создаетъ всѣ цѣнности, и такимъ образомъ мы снова возвращаемся къ труду, первобытному источнику всякаго имущества, какъ средства наслажденія, предметовъ, предназначенныхъ на немедленное потребленіе, такъ и той части, которая предназначается на болѣе отдаленныя цѣли производства, на обезпеченіе нашего будущаго существованія, и которую мы называемъ капиталомъ».

Какая насмѣшка, г. Шульце, какая дерзкая насмѣшка надъ бѣдными работниками! Неужели въ васъ совѣсти нѣтъ?

Что это за плутовской, надувательской наборъ словъ: «дѣятельность, доставляющая плату, должна предшествовать, надо сперва заслужить доходъ, чтобы можно было откладывать изъ него. Но на это есть только одно средство—трудъ и т. д.»! Что же вы хотите увѣрить работниковъ, что европейскіе капиталы произошли изъ сбереженія прежними наемными работниками отложенныхъ рабочихъ платъ?!

Но не объ этомъ тутъ рѣчь, а о вопіющемъ противорѣчii—полагать источникомъ образованія капитала то положительный трудъ, то отрицательное непотребленіе вещи. Неужели вы думаете, что противорѣчіе это можно устранить дерзостью, начавъ вслѣдъ за нимъ безстыдно говорить противъ собственныхъ словъ, только что сказанныхъ? Ошибаетесь! Приведенныя мною дальнѣйшія разглагольствованія представляютъ лишь дальнѣйшій вой и визгъ противорѣчii, какъ будто сотнѣ кошекъ отравили хвосты. Сперва единственнымъ источникомъ образованія капитала было «сбереженіе», простое непотребленіе вещи. Потомъ вездѣ оказалось, что одного «сбереженія, непотребленія вещи недостаточно для созданія капитала». Выходитъ какъ будто, что мы получили два фактора образованія капитала—сбереженіе и трудъ. Но не тутъ-то было: «Трудъ одинъ представляетъ въ распоряженіе человѣка всѣ вещи въ мірѣ, онъ одинъ создаетъ всѣ цѣнности», и опять кажется, будто факторомъ образованія капитала долженъ быть одинъ трудъ. Но и то нѣтъ: далѣе говорится, что «капиталомъ мы называемъ часть, отложенную для сбереженія нашего будущаго существованія». Стало быть, въ концѣ концовъ опять сводится на то, что откладываніе, сбереженіе, есть единственный источникъ образованія капитала. Въ основаніи всей эта болтовни лежитъ, вѣроятно, слѣдующее темное представленіе: хотя только трудъ создаетъ вещи, но капиталомъ онъ становятся только чрезъ накопленіе, стало быть непотребленіе, и выходитъ, что непотребленіе, сбереженіе есть единственный источникъ образованія капитала. Плодомъ всего этого является, на стр. 29, понятіе о капиталистѣ, какъ о человѣкѣ, принявшемъ на себя воздержаніе и трудъ, которыхъ безъ сомнѣнія стоитъ накопленія капитала». Развѣ вы не понимаете, что, не говоря уже объ исторіи, бессмысленно полагать факторомъ экономическаго образованія

капитала обстоятельство чисто отрицательное, какъ непотребленіе, сбереженіе вещи; что также безсмысленно полагать его единственнымъ факторомъ этого, какъ и дѣйствующимъ совокупно съ трудомъ? Если не понимаете, то я растолкую вамъ слѣдующимъ простымъ образомъ. Посмотрите вокругъ себя, г. Шульце! Какіе продукты могутъ быть употребляемы и, стало быть, не могутъ сберегаться? Хлѣбъ, мясо, вино и тому подобные предметы не только могутъ потребляться, но и должны въ болѣе или менѣе короткій срокъ потребляться человѣческимъ обществомъ, потому что большею частью не выдерживаютъ долгаго сохраненія, т. е. «сбереженія», бесполезно уничтожаются, если ихъ долго не потребляютъ. Теперь взгляните на другой рядъ продуктовъ, въ которыхъ состоитъ главный капиталъ современнаго общества, т. е. на паровыя машины, на улучшеніе почвы, на постройки или на сырые матеріалы всякаго рода, добытые трудомъ, каковы: желѣзо въ полосахъ, мѣдъ въ слиткахъ, кирпичи, каменные плиты и т. д. Какъ вы думаете, можно «потреблять» и, стало быть, не «сберегать» всё эти продукты, разъ они произведены? Надѣюсь, вы сообразите, что непотребленіе предписывается въ этомъ случаѣ самою сущностью предметовъ. Вы ставите капиталистамъ въ заслугу, что они не съѣли этихъ паровыхъ машинъ, улучшеній почвы, кирпичей, слитковъ мѣди, полосъ желѣза, каменныхъ плитъ; вы прославляете ихъ за это воздержаніе; но мнѣ кажется, что заслуга ихъ въ этомъ случаѣ не особенная. Вы возразите, что владѣтели могли продать всё эти вещи и прокутить выручку. Положимъ такъ, г. Шульце, но что изъ этого? Какое вліяніе имѣло бы это на общественное образованіе капитала? Эти капиталы, эти паровыя машины и улучшенія почвы, эти кирпичи и слитки мѣди стали бы принадлежать Петру вмѣсто Ивана,—что для общества, для націи для существованія общественнаго капитала было бы рѣшительно все равно. Опять спрашиваю васъ: что вы пишете, г. Шульце? Национально-экономическія лекціи, «Курсъ политической экономіи», какъ вы утверждаете, или курсъ частнаго хозяйства, спекуляцію подъ заглавіе «искусство разбогатѣть»? *) Не стоитъ напоминать вамъ, что выше вы

*) Наиболѣе смѣтливые изъ буржуазныхъ экономистовъ давно поняли эту разницу, хотя никогда не могли твердо запомнить ее. Malthus, «Princ.

сами говорили, что хотя бы владѣтели прокутили выручку изъ продажи машинъ и прочаго, то въ результатѣ никакой разницы не выйдетъ, потому что для своего кутежа они закажутъ новые продукты, вызовутъ производство ихъ, будутъ выплачивать рабочія платы, вообще дѣлать то, на что сводится «всякое основаніе капитала».

Впослѣдствіи я вамъ объясню вкратцѣ возникновеніе капитала по отношенію къ его частно-правовому распредѣленію. Здѣсь я хотѣлъ только растолковать вамъ, что «сбереженіе» не имѣетъ ничего общаго съ «возникновеніемъ» народно-экономическихъ капиталовъ. Убѣдитесь же, что производство есть единственный источникъ образованія капитала, и потому для процесса этого образованія большое значеніе имѣетъ на правленіе, принятое производствомъ общества. Принято, что для экономического положенія общества очень важно, на что обратится его трудъ—на производство ли съѣстныхъ припасовъ (земледѣліе), или египетскихъ пирамидъ, или кораблей, паровыхъ машинъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д.

Вскорѣ я объясню вамъ это подробнѣе. Но заблаговременно скажу, что этотъ подробный разборъ различныхъ направленій производства не будетъ имѣть ничего общаго съ «сбереженіемъ», насчетъ котораго я желалъ убѣдить васъ здѣсь, что оно не можетъ быть факторомъ общественнаго образованія капитала. Разъ продукты имѣются, а чтобы «сберегать», надо же сперва имѣть,—одни изъ нихъ (предметы потребленія) не могутъ по природѣ своей сберегаться, а другіе, дѣйствительно составляющіе основаніе нашего общественнаго богатства, капитала, по природѣ своей не могутъ потребляться, потому что нѣтъ такого прожорливаго капиталиста, брюхо котораго могло бы переварить ихъ.

Здѣсь я хотѣлъ только показать вамъ, какъ гнусно безобразите вы, какъ бызмысленно коверкаете общепотребительное опредѣленіе буржуазной экономіи—«капиталь есть накопленный трудъ», воображая въ своемъ непроходимомъ не-

d'écon. pol». (Большого французскаго собранія экономистовъ, Г. VIII, стр. 358) опредѣляетъ народное богатство такъ: оно состоитъ изъ всего, что производится и потребляется, а не излишка производства надъ потребленіемъ—«la somme de la richesse nationale se compose de ce qui est produit et consommé, et non de l'excédant des produits par delà les consommations».

вѣжество и тупоуміи, что просто только перефразируете его. И этой нелѣпости нѣтъ въ буржуазно-экономическомъ опредѣленіи, по крайней мѣрѣ нѣтъ на словахъ. Буржуазные экономисты не говорятъ безсмыслицы, что чисто отрицательное обстоятельство, «сбереженіе», можетъ служить источникомъ капитала. «Накопленіе» не «сбереженіе», сударь, хотя по вашему это одно и то же. Напротивъ, сбереженіе есть накопленіе такихъ вещей, которыя могли бы быть потреблены, если бы ихъ не сберегали.

Видите, г. Шульце, вы лишены не только экономическихъ знаній, но даже элементарныхъ свѣдѣній крайняго разумѣнія смысла словъ! Мнѣ надо постараться потуже вбить вамъ въ голову эту разницу между «сбереженіемъ» и «накопленіемъ», а то чего добраго, вы начнете скоро увѣрять, что «сберегли» солнце, луну и звѣзды. Конечно, ихъ нельзя и «накоплять», но по другимъ причинамъ,—потому что «накопленіе» требуетъ положительной дѣятельности. Стало быть, опредѣленіе буржуазныхъ экономистовъ,, по крайней мѣрѣ на словахъ, чуждо и третьей безсмыслицы, и вы вашей перефразировкой невѣроятно обезобразили, изуродовали, исказили его.

Отъ васъ не требуютъ, по крайней мѣрѣ я, чтобы вы дали что-нибудь свое, произвели что-нибудь новое, хотя бы самое незначительное. Такова уже доблестная роль людей вашего сорта; носиться съ тѣмъ, что ужъ болѣе ста лѣтъ истаскано на подошвахъ науки. Но можно по крайней мѣрѣ требовать, чтобы не коверкали такъ жалостно того, что уже болѣе ста лѣтъ перепечатывается во всѣхъ учебникахъ,—вѣдь вотъ уже почти сто лѣтъ, какъ Адамъ Смитъ назвалъ капиталъ «накопленнымъ трудомъ».

Вотъ за это я донесу на васъ вашему принципалу, буржуазіи, что вы, какъ я доказалъ,—совершенно негодный комми-вояжеръ, неспособный защищать интересы своего принципала. Вѣдь можно найти въ защиту ихъ доводы, положимъ невѣрные и неуважительные, но все-таки болѣе почтенные и приличные. Но вы и понятія не имѣете о томъ, что сдѣлано до сихъ поръ буржуазной экономіей. Вы, «царь въ соціальной области», какъ титуловали васъ въ публичныхъ рѣчахъ въ Кельнѣ г. Георгъ Юнгъ, Генрихъ Бюргерсъ и Гельвиць, вы не знаете даже ходовъ того арсенала, изъ котораго должны брать свое оружіе.

Больше всего вы вредите интересам своего принципала, больше всего выдаете вы тайны его дѣль именно тѣми глупо-хитростными изворотами, которыми думаете услужить ему, но которые такъ неловки, что только раскрываютъ мотивы, а съ ними и самую сущность вашего дѣла, внушая къ нему величайшее омерзѣніе всякому, кто на него взглянетъ.

Такъ, я уже обличилъ выше мотивъ, побудившій васъ безсмысленно превратить капиталъ изъ накопленнаго труда въ «сбереженную часть дохода». Но, кромѣ этого побужденія, вы имѣли при этомъ въ виду еще два обстоятельства. Вы боялись, во-первыхъ, что если вы назовете капиталъ «накопленнымъ трудомъ», работникамъ придетъ въ голову вопросъ: почему они, столько «трудясь», никогда «не накапливаютъ»? Если же вы скажете имъ, что капиталъ есть сбереженная, отложенная часть доходовъ, то они очень ясно поймутъ, почему имъ никогда не удастся сберечь и откладывать и—разсудили вы—найдутъ весьма резоннымъ не имѣть капиталовъ.

Въ-третьихъ, къ безсмысленному искаженію васъ побудило вотъ еще что:

У насъ, въ Германіи, требуется во всемъ соблюдать «нравственность»! Нѣмецкому буржуа мало владѣть капиталомъ по праву; ему мало даже экономическаго утвержденія неприкосновенности его капитала; ему хочется еще, чтобы обладаніе капиталомъ было вмѣнено ему въ нравственную заслугу!

Стало быть, требуется доказать эту нравственную заслугу, присудить буржуа монтіоновскую премію за добродѣтель,— и вотъ на сей конецъ измышлена теорія «сбереженія». «Капиталъ во всякомъ случаѣ есть непосредственный результатъ сбереженія»; «иначе капиталы вообще не могутъ образоваться»,—говорите вы на стр. 25 и потомъ (стр. 29) съ чувствомъ изъясняете многострадальный подвигъ капиталиста, «принявшаго на себя трудъ и лишенія, которыхъ безспорно стоитъ образованіе капитала». Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на нашихъ европейскихъ капиталистовъ: что за постыныя, заморенныя фізіономіи! Грустно и молчаливо поникли они взорами долу, мысленно взирая на свое многострадальное, полное лишеній жизненное поприще и при этомъ скромно краснѣя при видѣ, что великія заслуги ихъ, которыя они

желали бы скрыть отъ глазъ свѣта, разблаговѣщены съ такимъ трезвономъ передъ лицомъ міра.

Г. Шульце.... Но нѣтъ! Лучше еще разъ предоставимъ вамъ говорить самому; послушаемъ хвалебный гимнь, который вы затягиваете на стр. 55 въ слѣдъ за разобраннѣмъ мною опредѣленіемъ: «капиталь есть часть, отложенная для обезпеченія нашего будущаго существованія».

«Самъ по себѣ продуктъ труда^{*)}), капиталъ, какъ мы видимъ, опять расходится на спослѣшествованіе рабочимъ цѣлямъ, притекаетъ обратно въ лоно труда, оплодотворяя его и вѣчно возобновляясь въ постоянномъ круговоротѣ, въ видѣ новыхъ продуктовъ труда. Дивное взаимоотношеніе, неразрывно связующее тѣснѣе всевозможныхъ узъ интересы капитала съ интересами труда! Въ немъ принимаютъ участіе всѣ высшія свойства человѣческой природы, или возбуждаются и упражняются лучшія силы человѣка! Трудолюбіе, искусство, бережливость,—все это коренится въ духовныхъ и нравственныхъ качествахъ нашей природы. Какой умъ, сколько знанія, сколько опытности надо имѣть, чтобы хорошо и успѣшно работать въ какой бы то ни было отрасли труда, чтобы производить нѣчто доброе! И далѣе, чтобы хорошо жить на доходъ своего труда, надо имѣть въ виду будущность, надо принимать во вниманіе удовлетвореніе будущихъ потребностей въ дѣлахъ и хозяйствѣ, посредствомъ капитала, который слѣдуетъ сберегать, надо брать все это въ расчетъ, чтобы рѣшиться жертвовать настоящимъ будущему. Надо владѣть собою и своими склонностями, отрекаться отъ мгновенныхъ наслажденій въ настоящемъ ради болѣе важныхъ и прочныхъ выгодъ въ будущемъ, противостоять всякимъ соблазнамъ, упражняться въ умѣренности и въ воздержаніи. Тутъ огромное значеніе имѣютъ священнѣйшія семейныя узы и обязанности, потому что надо быть проникнутымъ самоотверженною любовью къ роднымъ, чтобы не убояться трудовъ и лишеній, плодами которыхъ нерѣдко пользуются лишь

^{*)} Правда, г. Шульце, капиталъ есть такъ же продуктъ труда, какъ и многое другое, что не капиталъ; поэтому-то обстоятельство это, что онъ—продуктъ труда, и не составляетъ его отличительнаго понятія. Отличительное понятіе его заключается единственно въ томъ, что онъ—форма труда; пока вамъ это непонятно, но ниже вы уразумѣете.

дѣти и внуки. Словомъ, съ какой стороны ни взглянуть на дѣло, всюду видимъ, что въ хозяйственныхъ стремленіяхъ къ образованію капитала принимаютъ участіе благороднѣйшія свойства человѣческой природы».

Нѣтъ, самому Давиду на лирѣ не удавалось пѣть лучше.

«Хвалите Господа, Всемогущаго Царя Славы!»!

Неужели въ самомъ дѣлѣ надо доказывать вамъ, серьезно доказывать, что и частное распредѣленіе европейскихъ капиталовъ не есть вовсе результатъ «бережливости», нравственные заслуги которой вы прославляете въ этомъ длинномъ козлоглагольствованіи?

Неужели въ самомъ дѣлѣ вы такъ-таки не имѣете ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ возникли капиталы и какъ они теперь возникаютъ?

Ну такъ слушайте же, сударь. Въ началѣ цивилизаціи, до христіанства господствовалъ рабскій трудъ. Сами работники со всѣмъ, что производятъ, составляютъ тутъ собственность господина. При рабскомъ трудѣ возможно «накопленіе», но не можетъ быть и помина о «сбереженіи». Человѣкъ, имѣющій сто рабовъ, можетъ проматывать продуктъ труда 60 людей, что, конечно, нельзя назвать, «сбереженіемъ» и все-таки у него остается накопленный продуктъ труда 40 остальныхъ. Кромѣ того, это накопленіе вовсе не «сбереженіе» въ нашемъ смыслѣ этого слова, потому что тутъ сберегается продуктъ не своего труда. Сберегать же продуктъ чужого труда — называется грабить или, по крайней мѣрѣ, эксплуатировать. Если вы скажете, что это неправда, то я опять напомню вамъ, что всю мою жизнь съ безпримѣрнымъ воздержаніемъ сберегалъ продуктъ вашего труда, благодарный вы человѣкъ, и труда вашего друга, Рейхенгейма; слѣдовательно, я завтра же потребую у васъ выдачи мнѣ его, особенно хочется мнѣ добраться до Рейхенгейма!

Порядокъ этотъ, какъ извѣстно, не измѣнился съ христіанствомъ. Только рабство замѣнилось крѣпостничествомъ, стало быть, трудъ все-таки производился людьми, составлявшими юридическую собственность своихъ господъ, стало быть, накаплился все-таки продуктъ чужого труда. Такъ было не только въ сельскомъ хозяйствѣ. Узнайте, г. Шульце, извѣстное почти всякому ребенку, что въ средніе вѣка въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій промышленный трудъ

въ городахъ также производился крѣпостными городскихъ, дворянскихъ и патриціанскихъ фамилій *).

Въ селахъ крѣпостное право продолжалось до французской революціи, а въ городахъ, гдѣ оно прекратилось раньше, его замѣнили цехи, противъ которыхъ вы такъ ожесточенно ратуете, потому что вашъ «прогрессъ» именно въ томъ и состоитъ, чтобы сызнава опровергать теоретическія вещи, уничтоженныя 75 лѣтъ тому назадъ. Какъ заклятый противникъ цеховъ, вы должны знать, что они состояли въ положительныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, которыя въ безчисленныхъ формахъ юридическимъ насиліемъ принуждали бѣдный народъ работать на городскихъ наслѣдственныхъ мастеровъ и сдавать въ ихъ карманы продуктъ своего труда.

Наконецъ грянулъ громъ французской революціи 1789 года.

Крѣпостничество и цехи исчезли, какъ сожженные молніей. Наступило свободное соперничество!

Трудъ былъ признанъ свободнымъ и народы возликовали!

Но дѣйствительно ли измѣнился тотъ древній фактъ, что работники должны сдавать продукты своего труда въ карманы привилегированныхъ имущихъ классовъ? Дѣйствительно ли прекратилось древнее состояніе эксплуатаціи общества, гдѣ привилегированные, имущіе классы накопляютъ продуктъ чужого труда, продуктъ труда работниковъ, какъ свою собственность?

Юридически трудъ сдѣлался свободенъ, и, стало быть, ничто не мѣшало каждому получать, накапливать и «сберегать» свой собственный продуктъ труда. Но оказалась маленькая загвоздка!

«Прежде чѣмъ начать какое-нибудь занятіе, какую-нибудь работу въ видахъ производства—говорите вы на стр. 10—надо позаботиться о приобрѣтеніи сырыхъ матеріаловъ для обработки, потребныхъ орудій труда и наконецъ средствъ для существованія себѣ и своимъ сотрудникамъ въ теченіе работы.

«Таковы необходимыя предварительныя условія всякой работы, имѣющей цѣлью производство вещественныхъ благъ. Эти условія всѣ безъ исключенія могутъ быть доставлены

*) Кромѣ прежнихъ сочиненій (напр. Бартольда, «Исторія германскихъ городовъ» 1850), см. превосходныя новѣйшія изслѣдованія Арнольда, «Исторія собственности въ нѣмецкихъ городахъ», Базель, 1861.

только прежними предшествующими предпринимаемой работѣ трудами разнаго рода; мы называемъ ихъ капиталомъ». Видите, г. Шульце, вы сами знаете, что прежде чѣмъ даже начать какую бы то ни было работу, надо обладать продуктами прежняго труда, капиталомъ.

Крѣпостные, подмастерья и ученики цеховъ, внезапно объявленные юридически свободными, сами и предки ихъ въ теченіе долгихъ вѣковъ сдавали эти продукты разнымъ привилегированнымъ лицамъ и очутились юридически свободными, но фактически безпомощными противъ этихъ капиталовъ, накопленныхъ въ рукахъ имущихъ классовъ.

Не имѣя того, что необходимо имѣть, «прежде чѣмъ начать какой бы то ни было трудъ», они, при всей своей юридической свободѣ, при полной свободѣ соперничества, должны были принять условіе, въ которомъ пребываютъ до сихъ поръ.— продавать свою жизнь за необходимыя средства жизни.

Другими словами, если работники не хотятъ голодать и наконецъ умирать съ голоду, то должны искать работы у предпринимателей, вооруженныхъ капиталами, созданными тысячеклѣтнимъ трудомъ самихъ работниковъ, вооруженныхъ результатами собственнаго прежняго труда работниковъ; они должны искать у нихъ работы за наемную плату, которая лишь чрезвычайно рѣдко, исключительно, всегда очень ненадолго, превышаетъ размѣръ необходимаго, по народнымъ привычкамъ, содержанія. Вслѣдствіе этого непремѣннаго ограниченія рабочей платы размѣромъ необходимаго по народнымъ привычкамъ содержанія, работникъ поставленъ, съ одной стороны, въ невозможность «сберегать», а съ другой стороны, весь излишекъ продукта его труда надъ издержками его существованія, какъ бы великъ ни былъ, какова бы ни была производительность труда вообще и въ данной работѣ въ особенности, сдается съ непредотвратимой необходимостью въ карманъ предпринимателя, который въ свою очередь сдаетъ часть его капиталисту, какъ таковому.

Въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ» я развилъ этотъ законъ рабочей платы со всѣми колебаніями вверхъ и внизъ, какія онъ допускаетъ *).

*) См. № 2 «Всеобщ. Библ.», «Гласный Отвѣтъ».

Правда, вы и «газетная братія», спорили противъ этого но въ этой бѣдѣ меня утѣшили слова Родбертуса работникамъ *): «Лассаль такъ удовлетворительно объяснилъ вамъ этотъ законъ и немногія колебанія, которыя онъ допускаетъ, что больше и говорить и объ этомъ не стоитъ».

Еще подробнѣе доказалъ я это въ «Книгѣ для чтенія рабочимъ», гдѣ и привелъ существенныя основанія этого закона и признанія его буржуазными экономистами.

Ниже (въ IV гл.) я представлю вамъ въ систематической связи еще болѣе убѣдительно систематическое доказательство, а въ V главѣ, въ «Заключеніи», докажу вамъ, что вы и сами знаете непреложность этого закона.

Итакъ, «свободное соперничество» не измѣнило того древняго факта, что работникъ получаетъ лишь необходимое для жизни содержаніе, которое получали и рабы и крѣпостные, и цеховые подмастерья и ученики, а весь остальной продуктъ своего труда долженъ отдавать капиталу, какъ прежде отдавалъ господину.

Разумѣется, будь трудъ до сихъ поръ въ своемъ первобытномъ, естественномъ положеніи, въ какомъ находится у индѣйцевъ американскихъ лѣсовъ, гдѣ дневной трудъ, охота, доставляетъ дневное пропитаніе,—тогда дѣло другое! Тогда не было бы сомнѣнія, что провозглашенная въ 1789 г. юридическая свобода работниковъ обратила бы ихъ въ людей фактически свободныхъ. Каждый охотился бы на свой счетъ и страхъ и требовалъ бы лишь собственного продукта, лишь своей собственной личной охотничьей добычи, ни больше, ни меньше.

Но успѣхи раздѣленія труда—коренной причины европейской цивилизаціи—придали труду совершенно новую форму. Теперь каждый работаетъ лишь отвлеченную часть продукта, вмѣсто того, чтобы производить готовые предметы пользованія, которыми могъ бы существовать. Этотъ продуктъ продается по истеченіи цѣлыхъ недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ; и чтобы существовать въ теченіе этого времени, необходима ссуда. Далѣе, долевымъ трудъ предполагаетъ и впереди долевымъ трудъ другихъ, стало быть и предварительную ссуду для полученія

*) Родбертусъ, «Гласный отвѣтъ Комитету Союза Германскихъ Работниковъ». 1863, стр. 4.

результатовъ этого предварительнаго труда, для полученія сырыхъ матеріаловъ, орудій труда, произведеній промышленности. Наконецъ долевоу трудъ возможенъ только при соединеніи многихъ работниковъ для общаго результата труда и, слѣдовательно, опять предполагаетъ ссуду для ихъ содержанія и т. д.

Такимъ образомъ въ этомъ концертѣ производства каждая нота немилосердно вопіеть: ссуда, ссуда, ссуда!

Стало быть, работники, хотя объявленные въ 1789 г. свободными, не могли отправиться на охоту въ наши парки, подобно гордымъ сынамъ лѣсовъ. Парки эти имъ не принадлежали, и процессу общественнаго пропитанія пришлось принять другую, болѣе искусственную форму.

Та ссуда, тотъ ссужаемый прежній трудъ, которые сдѣлались необходимымъ условіемъ пропитанія, скопились въ рукахъ имущихъ классовъ, бывшихъ до сихъ поръ и юридически привилегированными. Работники были принуждены фактически сдать своему же собственному прежнему труду, не только не смотря на свободное соперничество, но именно вслѣдствіе его. Они принуждены сдавать излишекъ своего производства надъ своимъ содержаніемъ фактическимъ «господамъ», какъ прежде сдавали его за к о н н ы м ъ господамъ.

Въ обществѣ, производящемъ на основаніи раздѣленія труда и подѣ господствомъ закона «свободнаго соперничества» и «самопомощи», ссужаемый прежній трудъ, капиталъ, даетъ живой трудъ. Работника душатъ собственные продукты его труда, противъ его возстаютъ его вчерашняя работа, она валитъ его съ ногъ и грабятъ у него продуктъ его сегоднешняго труда!

Слѣдовательно, съ 1789 г. водворились такія условія труда, что чѣмъ болѣе производитъ работникъ, чѣмъ болѣе онъ, служа буржуазіи, накопляетъ въ ея собственность ссужаемаго труда, капиталовъ, чѣмъ болѣе помогаетъ онъ этимъ дальнѣйшимъ успѣхамъ раздѣленія труда, тѣмъ болѣе усиливаетъ онъ тяжесть гнетащаго его бремени, тѣмъ печальнѣе участь его сословія *)).

*) Это знаютъ и буржуазные экономисты, даже иногда сознаются въ этомъ; см. напр. проф. Рошера, «Воззрѣніе на народное хозяйство и т. д.» 1861, стр. 217: «Почти каждое усовершенствованіе въ фабричной системѣ увеличиваетъ зависимость работника отъ его господина.

Вотъ почему въ Англии положеніе этого сословія тяжелѣе, чѣмъ въ Бельгіи и Франціи, а въ Бельгіи и во Франціи тяжелѣе, чѣмъ въ Германіи.

Итакъ, вотъ я уже и показалъ вамъ, г. Шульце, что «возникновеніе капитала», даже въ отношеніи его частнаго распредѣленія, не имѣетъ ничего общаго съ «сбереженіемъ», — не имѣло до 1789 г. и не имѣетъ послѣ того, подъ господствомъ свободнаго соперничества до нынѣшняго дня. Я доказалъ вамъ, что и до 1789 г. и послѣ того работники не могли накоплять, а кто могъ, тѣ накопляли продукты не своего, а чужого труда, слѣдовательно не «сберегали»!

Но я допускаю, что вы были неспособны своимъ умомъ дойти до такого историческаго пониманія развитія европейскихъ условій труда. Все-таки непонятно, какъ у васъ не хватило смысла понять, что возникновеніе капитала посредствомъ частной бережливости продуктовъ собственнаго труда есть совершенная нелѣпость и невозможность само по себѣ, а priori.

Какъ представляете вы себѣ возникновеніе первыхъ капиталовъ?

Вспомните снова про первобытную форму труда, про вольнаго дикаря индѣйца, который охотится на своихъ охотничьихъ пространствахъ. Можетъ ли онъ «откладывать» изъ своего дохода? Даетъ ли трудъ его излишекъ надъ его содержаніемъ? На это отвѣчаетъ вамъ исторія, свидѣтельствуя, что множество индѣйскихъ племенъ перемерло съ голоду. Другими словами, только при раздѣленіи трудъ даетъ излишекъ надъ содержаніемъ.

Но вы, чего добраго, спросите: чего же смотрѣлъ этотъ дурачина индѣецъ?

Чтобы ему взяться за роль капиталиста—нанять нѣсколько человекъ индѣйцевъ и заставить ихъ общими силами охотиться въ его пользу?

Но вы понимаете, г. Шульце, что эти свободные люди ни за что не согласились бы на это, тѣмъ болѣе, что, охотясь для другого, они получили бы не больше, чѣмъ получаютъ на волѣ, никому не служа, т. е. пропитаніе.

И во-вторыхъ, откуда бы онъ взялъ содержаніе для своихъ наемниковъ на то время, пока они будутъ охотиться въ его пользу? Сберегать ему развѣ предварительно для этой

цѣли свою охотничью добычу, лишая себя пищи? Нѣтъ, онъ успѣлъ бы десять разъ превратиться въ скелетъ отъ истощенія, прежде чѣмъ скопилъ бы содержаніе хотя для нѣсколькихъ наемныхъ охотниковъ.

Но вы скажете, это тоже зависѣло отъ самого дурачины. Стоило бы ему только велѣть своимъ наемнымъ охотникамъ заняться лучше земледѣліемъ и промышленностью, которыя даютъ больше средствъ къ жизни.

Но вѣдь тутъ опять та же помѣха, только еще во сто разъ сильнѣе.

Могъ ли бы онъ накопить изъ своей личной охотничьей добычи столько продовольствія, чтобы содержать этихъ земледѣльческихъ или промышленныхъ работниковъ въ теченіе года или нѣсколько мѣсяцевъ, которые необходимы, чтобы дожидаться продуктовъ земледѣлія и промышленности?

Изъ этого вы должны усмотрѣть, г. Шульце, двѣ вещи:

1) Производство на основаніи раздѣленія труда, которое одно дастъ излишекъ надъ хлѣбомъ насущнымъ, предполагаетъ, — чтобы быть возможнымъ, — предварительное накопленіе капиталовъ и, стало быть, уже происшедшее предварительно раздѣленіе труда, которое одно можетъ доставить этотъ излишекъ надъ хлѣбомъ насущнымъ, недостижимый индивидуальнымъ трудомъ.

2) Поэтому народы, исходящіе изъ полной индивидуальной свободы, какъ индѣйскія охотничьи племена, никогда не могутъ образовать капиталовъ и потому никогда не достигали никакого прогресса въ развитіи.

Вотъ почему ирокезы, делавары, чирокезы, чинасы и прочіе находились при появленіи бѣлыхъ изъ-за великаго Соленого Озера на той же самой степени развитія, какъ нѣсколько тысячъ лѣтъ до этого, и точно таково же и теперь развитіе остатковъ этихъ племенъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не покинули и прежняго образа жизни и не усвоили себѣ европейскихъ обычаевъ.

Итакъ, индивидуальный трудъ не можетъ сберечь.

Теперь бросимъ взглядъ на рабство, которое застаемъ при младенчествѣ цивилизованныхъ націй.

Тутъ мы видимъ совсѣмъ иное!

Господинъ владѣетъ, напримѣръ, 100 рабами. Онъ можетъ

употребить 30 из них на производство предметов личного пользования разного рода, какие хочет потреблять. Сознаться, что пожирание продуктов труда 30 человек нельзя назвать сбережением. Далее он употребляет 60 рабов на земледелие, чтобы они добывали пропитание себе, первым 30 и остальным 10 рабам. Последние 10 рабов изготовляют инструменты, нужные для работы 30 первых, работающих на господина, и 60 рабов, работающих для всей сотни.

Такого действительно и было некогда устройство общества в главных чертах.

Однако, скажете вы, этот человек все-таки «сберегает», по крайней мере, продукт тех 10 рабов, которые производят инструменты. Хотя правда, что накапливать продукт чужого труда не значит сберегать, но ведь господин мог бы по существующим правам своим над рабами пожирать продукт и этих 10 работающих; стало быть, с его стороны все-таки «воздержанье», что он не пожирает его, а оставляет его накапливаться в виде разных инструментов.

Но и тут вы ошибаетесь, г. Шульце!

Заставляя 10 рабов производить инструменты для 60 работников, производящих продовольствие, и для 30 рабов, производящих предметы личного потребления господина, последний приобретает этим разделением труда гораздо обильнейшее содержание, гораздо больше предметов личного потребления, чем приобрел бы, заставив этих 10 работников или хотя бы всю сотню производить средства к жизни, работая непосредственно пальцами и когтями. Работа этих 10 человек, доставляющих инструменты остальным 30 и 60, скоро приводит господина к тому, что вследствие усовершенствования земледельческих орудий оказывается достаточным употребить на земледелие 50 рабов, чтобы получать продовольствие для всей сотни. Стало быть, 10 рабочих из 60, занимающихся земледелием, остаются в его распоряжении, и он присоединяет их к отряду, производящему инструменты, который будет теперь состоять из 20 рабов. Двадцать рабов будут производить еще более усовершенствованные и искусные инструменты, так что с ними производство как 30 работников, производящих предметы личного потребления господина, так и 50 рабов, произво-

дищихъ жизненныя средства, сдѣлается гораздо прибыльнѣе. Господинъ набиваетъ биткомъ свои сундуки и мѣшки, погреба и амбары; его роскошь и наслажденіе дѣлаются все болѣе утонченными; онъ облачается въ пурпуръ и виссонъ и благоуханныя ткани; наконецъ оказывается, что при усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудіяхъ и методахъ достаточно употреблять 40 рабовъ, чтобы получать продовольствіе для всей сотни.

Снова получается лишнихъ 10 рабовъ, изъ которыхъ господинъ можетъ отрядить 5 къ 30, производящимъ предметы его личнаго потребленія, напр. превратить ихъ въ музыкантовъ или танцовщицъ, а прочихъ пять пошлетъ на усиленіе рабочихъ орудій и машинъ, которымъ будетъ теперь заниматься уже 25 рабовъ. Отнынѣ онъ утопаетъ въ изобиліи предметовъ роскоши, производимыхъ рабами, работающими лично на него при помощи еще болѣе усовершенствованныхъ и производительныхъ инструментовъ, и онъ видитъ, что можетъ еще умножить и возвысить свои наслажденія, если отдѣлитъ 10 человекъ отъ 35 производителей роскоши и присоединитъ ихъ къ производителямъ инструментовъ, чтобы они тѣмъ успѣшнѣе производили для него предметы его роскоши этимъ косвеннымъ способомъ. Такимъ образомъ производителей теперь уже 35 вмѣсто 10. Господинъ велитъ безостановочно сверлить, ковать, катать, строить машины; трудъ становится все прибыльнѣе; господинъ получаетъ все больше и больше самыхъ изысканныхъ наслажденій и необходимыхъ средствъ къ жизни, не говоря уже о томъ, что умноженіе послѣднихъ даетъ ему возможность позволять рабамъ значительно возрастать въ числѣ размноженіемъ и раздѣлять это умножившееся число рабовъ на прежніе три отдѣла.

Но, не выходя за предѣлы прежняго числа, мы видимъ, что эти 100 рабовъ, раздѣлявшіеся прежде на 30 производителей роскоши, на 60 производителей довольствія и на 10 производителей инструментовъ, дѣлятся теперь на 25 непосредственныхъ производителей роскоши, на 40 непосредственныхъ производителей продовольствія и на 35 производителей инструментовъ.

Вы видите, стало быть, г. Шульце, что господинъ занимался не «сбереженіемъ», а безпрестанными переменами на правленія производства, безпрестаннымъ введеніемъ

дальнѣйшаго раздѣленія труда, постояннымъ отнятіемъ силъ у непосредственнаго производства роскоши и продовольствія и усиленіемъ на его счетъ посредственнаго производства ихъ, производства инструментовъ, машинъ, короче, capital fix, основного капитала всякаго рода; и чѣмъ больше занимался онъ этимъ дѣломъ, которое вамъ представляется просто «сбереженіемъ», тѣмъ больше получалъ средствъ для наслажденія.

Этотъ человѣкъ могъ сказать, какъ Юлія о своей любви къ Ромео: «Чѣмъ больше даю, тѣмъ больше имѣю». Чѣмъ больше придавалъ онъ рабовъ къ третьему отряду, предназначенному на производство основного капитала, тѣмъ больше получалъ средствъ наслажденія, тѣмъ больше потреблялъ и могъ потреблять!

Этотъ господинъ, г. Шульце, представляетъ вамъ истинный образъ возникновенія европейскаго общества и его капиталовъ.

Вы видите, стало быть, наконецъ, что тутъ не можетъ быть толка про «воздержаніе» и «сбереженіе» даже чужого продукта.

Вы видите также,—а это многіе упускаютъ изъ виду— что «раздѣленіе труда» значитъ «трудъ общій, соединенный». Вы видите, что этотъ общій, соединенный трудъ и обусловленные имъ цивилизація и образованіе капиталовъ были сначала и долго возможны только въ формѣ рабства, въ формѣ насильственнаго подчиненія и соединенія, посредствомъ накопленія чужого продукта.

Итакъ, счастье, стало быть, что всѣ цивилизованныя націи начали рабствомъ.

Но, какъ вы полагаете, г. Шульце,—не пора ли положить конецъ рабству въ его различныхъ формахъ и ступеняхъ, все еще существующему въ главныхъ чертахъ, не пора ли положить конецъ присвоенію чужого продукта.

Я сказалъ: положить конецъ? О нѣтъ! Путь еще далекъ, и дѣло можетъ сдѣлаться лишь постепенно? Но тѣмъ болѣе пора, кажется, приняться хотя за начало конца?

Какъ бы то ни было, но вы видѣли, что капиталы возникли и умножились вовсе не «сбереженіемъ».

Теперь не хотите ли узнать, какъ образуются капиталы въ такомъ развитомъ обществѣ, какъ нынѣшнее?

Возьмемъ конкретные примѣры.

Я покупаю землю за 100.000 тал. Положимъ, что я получаю съ нея 5 проц. и ежегодно трачу ихъ дочиста. Стало бытъ, я ничего не «сберегаю». Положимъ даже больше: положимъ, что я трачу въ годъ 2.000 тал. лишнихъ, стало бытъ, мотаю, вхожу въ долги. Но черезъ 10 лѣтъ я продаю имѣніе, а между тѣмъ населеніе стало гуще, цѣна на хлѣбъ и на постройки поднялась, такъ что я получаю за землю уже 200.000 тал. Уплачиваю 20.000 тал. долгу, который сдѣлалъ въ теченіе десятилѣтняго мотовства, и получаю новый капиталъ въ 80.000 тал. Откуда онъ взялся? Онъ образовался—чѣмъ? Общественными условіями! Онъ образовался вслѣдствіе того, что на томъ же пространствѣ возникло болѣе густое, многочисленное населеніе. Онъ образовался тѣмъ, что теперь приходится разрабатывать менѣе плодородныя земли, обработка которыхъ стоитъ дороже, но умноженіе народонаселенія требуетъ ея, чтобы населеніе получало нужное ему количество продовольствія; теперь рыночная цѣна хлѣба на этихъ новыхъ разрабатываемыхъ земляхъ повысилась, и я, благодаря этому, могу продавать и мой хлѣбъ по этой усиленной цѣнѣ.

Онъ образовался, можетъ бытъ, также потому, что разбогатѣла какая-нибудь другая нація и получила возможность успѣшной конкуренціей поднять цѣну хлѣба, а можетъ бытъ и потому, что въ какой-нибудь другой странѣ отмѣнены пошлины, и черезъ это послѣдовалъ тотъ же результатъ.

Словомъ, онъ могъ образоваться чѣмъ угодно—только не моимъ трудомъ и не моимъ «сбереженіемъ».

Или положимъ, что при заложеніи кельнъ-минденской желѣзной дороги я взялъ на 100.000 тал. акцій *à la pari*. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я и не помышлялъ объ этой дорогѣ, получилъ сперва по 5, потомъ по 8, по 10, по 12, проц. съ внесеннаго капитала, слѣдовательно, дивидендъ громадный, и тратилъ его безъ милосердія до послѣдняго гроша. Теперь я продаю мои акціи, по курсу онѣ стоятъ 175, и вотъ уже, откуда ни возьмись, новый капиталъ 75,000 тал., хотя я никогда не «отложилъ и не сберегалъ» ни единого гроша «изъ моего дохода».

Какъ образовался этотъ новый капиталъ? Общественными условіями, г. Шульце!

Усилились личныя сношенія, усилился обмѣнъ товаровъ,

уменьшились расходы эксплуатаціи, быть можетъ, вслѣдствіе открытія какого-нибудь англійскаго инженера—словомъ, Богъ-вѣсть какія общественныя условія дѣйствительно возвысили цѣнность крупнаго основнаго капитала, именуемаго кельнъ-минденской желѣзной дорогой, а слѣдовательно, и каждой части его (акціи); одно можно сказать смѣло, что въ этомъ возвышеніи не участвовали ни мой трудъ, ни моя бережливость.

И замѣтите, г. Шульце, что на этотъ разъ вы не можете отговориться незнаніемъ. Вы должны знать, что посредствомъ акцій кельнъ-минденской желѣзной дороги приобрѣтаются подобнымъ образомъ новые капиталы! Весь кружокъ вашихъ знакомыхъ разбогатѣлъ на нихъ, на кельнъ-минденскихъ, на верхне-силезскихъ *Littera A*, на верхне-силезскихъ *Littera B*, на магдебургъ-гальберштадтскихъ и на разныхъ другихъ. Положимъ, что въ народной экономіи вы смыслите меньше новорожденнаго младенца; но объ этомъ-то вы должны знать, потому что въ вашей компаніи только и толку что про это.

Стало быть, говоря: «Капитальъ есть во всякомъ случаѣ непосредственный результатъ сбереженія. Онъ возникаетъ только благодаря тому, что человѣкъ не расходуетъ весь свой доходъ на удовлетвореніе минутныхъ потребностей, а часть его откладываетъ»;—«иначе капиталы не могутъ возникать»,—говоря все это, вы сами отрѣзываете себѣ всякую возможность спастись отъ улики въ недобросовѣстности. Разумѣется, не всякій можетъ выяснитъ себѣ разницу между капиталомъ въ народно-экономическомъ значеніи и капиталомъ въ смыслѣ частнаго хозяйства; тѣмъ болѣе не всякій можетъ твердо удержать въ умѣ пониманіе этой разницы при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ и во всякомъ частномъ случаѣ.

Разумѣется, не всякій способенъ объяснить себѣ еще болѣе запутанный вопросъ, почему, если деличскій лабазникъ станетъ откладывать изъ 1,000 тал. своего ежегоднаго барыша 500 тал.,—это будетъ накопленіе чужого продукта; не всякій способенъ уразумѣть, что на томъ-то именно и основана нынѣ производительность капитала, что при всякомъ производительномъ предпріятіи предприниматель накапливаетъ продуктъ работника; наконецъ, не всякому дано постичь и то, что если капиталъ вообще производителенъ, то онъ долженъ быть производителенъ и въ частности во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ на капиталѣ, дол-

женъ сохранить всюду ту производительность, какую обладаетъ въ настоящихъ производительныхъ предприятияхъ, долженъ всюду давать такую же прибыль, потому что иначе для другихъ учреждений и не найдется капиталовъ.

Въ отношеніи всего этого и многаго множества другихъ вопросовъ народной экономіи вы можете отговориться незнаеміемъ.

Но на счетъ кельнъ-минденской—нѣтъ, уже извините! Это по вашей части!

Нѣтъ, г. Шульце, вы знаете, какіе миллиарды приобрѣтены этимъ способомъ въ Европѣ въ послѣднія 10—20 лѣтъ.

Если бы даже вамъ и представлялось въ вашей неразумной головѣ, что капиталы могутъ также возникать «сбереженіемъ», то все-таки вы знали, что они возникаютъ иначе. Но вы хотите внушить работникамъ достождное благоговѣніе къ тихому мученичеству капиталистовъ, проникнуть ихъ религіозной вѣрой въ законность современнаго экономического положенія и избѣжать непріятной необходимости отвѣтить рабочимъ, какъ чаще образуются капиталы—тѣмъ или другимъ путемъ. Съ этою цѣлью вы и стали утверждать, что капиталы образуются «во всякомъ случаѣ» «только» тѣмъ, что человекъ «не расходуетъ всего своего дохода на удовлетвореніе минутныхъ потребностей», но «часть его откладываетъ», и присовокупили въ довершеніи, что «иначе капиталы вообще не могутъ возникнуть». Какъ хотите, г. Шульце, а дѣлать нечего, надо сказать вамъ, потому что правда прежде всего: говоря все это, вы сознательно лгали.

Но подумайте, кому вы лгали! Вы лгали работникамъ,—публикѣ, всѣ жизненные интересы которой зависятъ отъ этого вопроса, но которая не столько «образована», чтобы раскусить и опровергнуть ваши софизмы!

Этимъ вы сами влѣпили себѣ прозваніе сознательнаго л —

Не хочу выписывать этого слова цѣликомъ, г. Шульце, но только потому не хочу, что желаю для своего полного удовлетворенія, чтобы общественное сознаніе само дополнило его, само признало, какого прозвища вы заслуживаете!

Подъ заглавіемъ; «с). Перемѣстимость капитала» (стр. 26—27), вы разсуждаете о «перемѣщеніяхъ капитала», которыхъ, замѣтите, нѣтъ ни въ одномъ изъ двухъ

случаевъ, приведенныхъ мною вамъ въ примѣръ, въ случаѣ земельнаго и кельнъ-минденскихъ акцій, столь хорошо извѣстныхъ вамъ. Въ этомъ отдѣлѣ вы, чтобы лучше одурочить работниковъ, разсуждаете такъ: правда, мы нерѣдко видимъ большіе капиталы въ рукахъ людей, никогда не работавшихъ и не сберегавшихъ. Вы увѣряете, что это однако не противорѣчитъ вашему объясненію капитала, потому что въ этихъ случаяхъ капиталы «перемѣщены» въ эти руки изъ другихъ. Тутъ вы перечисляете способы такого перемѣщенія, какъ-то: наслѣдство, дареніе, игра, обманъ, грабежъ, воровство—и вслѣдъ затѣмъ вы говорите: «однако послѣ всего вышесказаннаго всякій конечно пойметъ, что всѣ эти дозволенные и недозволенные способы только перемѣщаютъ изъ однѣхъ рукъ въ другія уже существующій капиталъ, а вовсе не создаютъ новыхъ капиталовъ или вообще имуществъ, которыя можно создать только трудомъ и сбереженіемъ». Сказавъ эту торжествующую фразу, вы пребываете въ увѣренности, что благополучно законопатили въ головы вашихъ работниковъ послѣднюю скважину, сквозь которую въ нихъ могло еще проникнуть свѣжее дуновеніе здраваго смысла. Но подумайте, г. Шульце, о кельнъ-минденскихъ акціяхъ, на которыхъ я приобрѣлъ новый капиталъ въ 75,000 тал., не работая и не сберегая. При этомъ я вѣдь и не надувалъ, не грабилъ и не кралъ, т. е., я не дѣлалъ всего этого въ смыслѣ прокурора, передъ которымъ я невиненъ, какъ младенецъ. Однако этотъ капиталъ и не подаренъ мнѣ и не оставленъ въ наслѣдство. Я и не выигралъ его, и вообще эта цѣнность до меня никому юридически не принадлежала. Вы вникните, г. Шульце, въ дѣло. Говоря о приобретеніи этого новаго капитала, я не предполагалъ въ этомъ примѣрѣ акціоната и биржевой игры. Я говорилъ о приобретеніи дѣйствительно, реальною новой цѣнности. Усиленіе сношеній, уменьшеніе расходовъ эксплуатаціи и т. д. все это дѣйствительно увеличило цѣнности всей кельнъ-минденской дороги, а слѣдовательно и каждой доли въ ней. До меня никто не владѣлъ юридически этой новою цѣнностью; стало быть, некому было и «перемѣстить» ее въ мои руки; однако я и не работалъ, и не сберегалъ. Откуда же взялся новый капиталъ? Неправда ли, чудное дѣло! Капиталъ точно съ неба упалъ!

Но тутъ вы, можетъ быть, разсвирѣбите, г. Шульце, и

съ яростью закричите на меня: «Дурачина ты этакій! Развѣ ты не видишь, что этотъ капиталъ созданъ работниками не кельнъ-минденской желѣзной дороги, а всѣми прочими группами работниковъ, содѣйствовавшими ихъ работѣ, и потомъ перемѣщенъ отъ нихъ къ тебѣ, акціонеру желѣзной дороги?» Это-то я вижу, г. Шульце! Изъ-за того-то я и бьюсь съ вами цѣлую книгу, чтобы доказать вамъ это! Но если вы сами это знаете, тогда вы трижды уличены!

Если такъ, то, значить, вы сами знали все, что я вамъ доказывалъ! Если такъ, то вы знали, что это «перемѣщеніе» — недобровольно, потому что работники вовсе не желали перемѣщать свой продуктъ въ мои руки; значить, вы знали, что это вовсе не юридическое «перемѣщеніе», потому что до меня никто юридически не владѣлъ этимъ капиталомъ, какъ владѣли капиталами, приобретенными посредствомъ грабежа, кражи и игры; значить, вы знали, что это «перемѣщеніе» не что иное, какъ экономическое перемѣщеніе, свойственное нынѣшнему процессу производства, который въ томъ именно и состоитъ, что продуктъ труда работниковъ препровождается капиталисту!

Если такъ, то, значить, вы знали все, все, о чемъ мы спорили! Значить, вы знали какъ разъ противоположное всему, всему, что толковали работникамъ!

Я вамъ доказалъ, сударь, доказалъ дважды и трижды. продуктъ какого «сбереженія» и какого «воздержанія» со стороны самихъ капиталистовъ составляютъ европейскіе капиталы.

Не могу разстаться съ этимъ отдѣломъ, не полюбовавшись классическимъ изреченіемъ, которымъ одинъ вашъ талантливый ученикъ охарактеризовалъ вашу теорію капитала. Мы уже имѣли случай восхищаться вами въ роли псалмопѣвца и солиста; насладимся теперь краткимъ дуэтомъ, который вы поете съ этимъ талантливымъ ученикомъ; я съ своей стороны готовъ акомпанировать вамъ, чтобы у насъ вышло энергическое трио.

Дуэтъ происходилъ въ засѣданіи вашего берлинскаго рабочаго союза 4 декабря 1863 г.

Въ этомъ засѣданіи нѣсколько работниковъ выразили мысль, что для «образованія» уже достаточно сдѣлано шульцевскимъ катехизисомъ, и что рабочему союзу пора перейти

отъ толковъ объ этомъ «образованіи» къ изысканію средствъ улучшить матеріальное положеніе работниковъ и, слѣдовательно, поднять рабочую плату.

При этомъ предположеніи вскакиваетъ на трибуну вашъ ученикъ и адъютантъ, прогрессистскій депутатъ г. Фаухеръ, и заводитъ такую рѣчь (см. все буквально въ «Берлинской Реформѣ», газетѣ, душевно преданной г. Шульце, — 6 декабря 1863 г.): «На ряду съ правами рабочей платы стоятъ столь же священныя права другого фактора — процентъ капитала; этотъ процентъ есть не что иное, какъ награда за выказанное воздержаніе; человекъ собирающій капиталъ, подвергъ себя лишеніямъ, не потребляя прибрѣтенныхъ средствъ, употребляя ихъ на улучшеніе орудій труда, на собраніе запасовъ и тому подобное, служащее на благо всему обществу: онъ долженъ быть награжденъ за то, что отдаетъ свой запасъ, плоды своего воздержанія, и награда дается ему посредствомъ платежа процентовъ, потому что лишенія его значатъ столь же и часто даже больше, чѣмъ самыя труды. Слѣдовательно, невозможно возвышать рабочую плату насчетъ награды за лишенія.

Слыханное ли дѣло! Итакъ, прибыль капитала (потому что, г. Фаухеръ, работники, требуя возвышенія рабочей платы, встаютъ не противъ процента капитала только, а противъ всей прибыли капитала, предпринимательской прибыли, которой процентъ капитала составляетъ лишь скромную часть), и такъ прибыль капитала есть «награда за лишенія»!

Затѣмъ на трибуну выступаетъ самъ г. Шульце-Деличъ, собственной персоной: «Рѣчь г. Фаухера, говоритъ онъ, которую мы только-что выслушали, ясно доказываетъ необходимость строгаго соблюденія законныхъ правилъ въ рѣчахъ. Сказанное вамъ г. Фаухеромъ есть азбука всего того, что я подробно и, надѣюсь, ясно развилъ вамъ во всѣхъ моихъ лекціяхъ».

Что правда, то правда, г. Шульце! Подробное разсмотрѣніе вашихъ ученій дѣйствительно доказываетъ, что «награда за лишенія» есть не что иное, какъ бьющая въ носъ, драстическая квинтъ-эссенція всего вашего ученія въ одномъ словѣ. Но въ томъ-то и дѣло! Видано ли, слыхано ли что-нибудь подобное!

Прибыль капитала—«награда за лишенія»! Счастливое слово, неоцѣненное слово! Европейскіе миллионеры—аскеты, индійскіе факиры, столпники, стоящіе на одной ногѣ на столбѣ, выставяющіе въ народъ тарелку за сборомъ наградъ за лишенія! Среди ихъ и выше всѣхъ торчитъ главный страдалецъ и аскетъ, домъ Родшильдовъ! Вотъ истинная картина современнаго общества! Какъ могъ я до такой степени исказить ее!

И кто бы это говорилъ! Если бы еще какой-нибудь банкиръ! А то, какой же вы были кутила и мотъ всю вашу жизнь, г. Фаухеръ! Я слышалъ, что у васъ нѣтъ никакихъ капиталовъ и что порядочный банкиръ не взялъ бы всей вашей ежегодной «награды за лишенія» (доходъ съ капитала) за сумму, которую привыкъ расходовать на порядочный обѣдъ!

И что, должно быть, за кутилы и моты эти работники, не получающіе наградъ за лишенія; навѣрно у нихъ заведены у всѣхъ виллы, дачи и содержанки; навѣрно они гдѣ-нибудь втихомолку задають оргіи.

Но шутки въ сторону. Здѣсь не шутки. Самая злая шутка будетъ тутъ слишкомъ слаба и должна непременно перейти во взрывъ негодованія. Пора, пора прервать голоса этихъ хлыстовъ раскатами грубаго баса! Слыханое ли дѣло! Мы знаемъ, и ниже еще лучше узнаемъ, что такое капиталъ. Капиталь—это губка, всасывающая весь продуктъ труда, весь потъ работниковъ, оставляя имъ только средства не умирать съ голода;—а тутъ у людей хватаетъ дерзости выдавать работникамъ прибыль капитала за награду лишеній самоистязующихся капиталистовъ!

Какая дерзость всенародно бросать такую мерзкую насмѣшку, такое наглое презрѣніе въ глаза работникамъ, нищимъ работникамъ, голоднымъ работникамъ! Неужели совѣсти уже совсѣмъ нѣтъ, и въ скотовъ что ли переселился стыль?!

И вотъ какъ успѣшно занимались до сихъ поръ оглупленіемъ и оподленіемъ народа, что работники спокойно съѣли эту публичную пощечину, не разразившись бурей негодованія! Отчего же законъ не караетъ такихъ преступленій? Развѣ не преступно систематически оглуплять народный духъ?

Исторія не знаетъ другого, столь жалкаго, столь поповскаго лицемѣрія, какъ это! Средневѣковые попы, говоря о неравенствѣ богатыхъ и бѣдныхъ, утѣшали, по крайней мѣрѣ,

народъ надеждой, что на томъ свѣтѣ бѣдныя будутъ вознаграждены за лишенія въ здѣшней жизни! Они, по крайней мѣрѣ, признавали существованіе этого угнетающаго неравенства и справедливость надежды когда-нибудь получить вознагражденіе!

Но вы, несравненные лицемѣры, превзошли все, что когда-либо достигло поповское невѣжество среднихъ вѣковъ! У васъ, наоборотъ, счастье и выгоды богатыхъ оказываются справедливымъ вознагражденіемъ за лишенія и страданія въ здѣшней жизни?

Но знайте, г. Шульце, что на все свое время, что все получаетъ свое возмездіе еще въ здѣшнемъ мірѣ и что настанетъ день, когда общественное сознаніе заклеитъ васъ и ваше ханжество и вашихъ соумышленниковъ!

Каленымъ желѣзомъ напишутъ вамъ на лбу эти слова: «Награда за лишенія»!

«d) *Кредитъ и рента*». Теперь пойдѣмъ живѣе, г. Шульце! Это можно и должно. Можно потому, что мы уже достаточно измѣрили глубину вашихъ экономическихъ познаній, а далѣе вы только повторяете прежнюю болтовню и размазываете ее, топчась на ней. Должно потому, что иначе книга выйдетъ слишкомъ объемиста. Кромѣ того можно и потому, что всякій, прочитавшій со вниманіемъ и со смысломъ все предыдущее, можетъ самъ раскопать кашу словъ, подъ которой вы скрываете свое совершенное безмысліе и невѣжество, и извлечь изъ нея скрывающуюся подъ ней чепуху, если вздумаетъ для потѣхи читать вашу книгу.

Итакъ, живѣй, г. Шульце!

Вотъ вы намѣреваетесь объяснять экономически «ренту», т. е. продуктивность капитала. При этомъ вы слѣдуете Бастиа, объясняя процентъ капитала такъ: «процентъ капитала есть нечто иное, какъ покупная плата за пользованіе или употребленіе вещи въ теченіе извѣстнаго времени».

Другими словами: вы опять берете этотъ вопросъ криво и косо, представляя себѣ, что дѣло происходитъ между предпринимателемъ и предпринимателемъ, капиталистомъ и капиталистомъ, тогда какъ это не правда, — дѣло происходитъ между капиталистомъ и работникомъ. Достаточно разъ сказать это и запомнить; подробнѣе развѣивать это не стоило бы, потому что это уже сдѣлано обстоятельно и превосходно тринад-

пать лѣтъ тому назадъ (1851 г.) Родбертусомъ въ его «Третьемъ социальномъ письмѣ» противъ гг. Бастіа и Тьера *). Но вы или не читали его, или не поняли; какъ бы то ни было, вы игнорируете эту блистательную, составляющую эпоху въ наукѣ, критику и находите, что гораздо проще, а главное, очевидно безопаснѣе не упоминать о ней ни единымъ словомъ въ опроверженіе.

Справедливъ или нѣтъ процентъ, во всякомъ случаѣ, г. Шульце, его нельзя объяснять, какъ явленіе самостоятельное, первоначальное, какъ пытаетесь объяснить его вы. Это явленіе второстепенное, выводное, что, повидимому, и вы временами замѣчаете, но по свойственному вамъ безмыслию, тотчасъ опять упускаете изъ виду. Вытекаетъ процентъ изъ прибыли, которую даетъ капиталъ въ рукахъ непосредственнаго предпринимателя производства. Оттого, что капиталъ продуктивенъ въ рукахъ производителя, оттого, что каждая лишняя тысяча талеровъ приносить въ его рукахъ новую лишнюю прибыль, я и могу воспользоваться частицей этой производительности капитала въ его рукахъ, если предпочту во избѣжаніе хлопотъ производить не непосредственно самъ, а чрезъ посредство предпринимателя, которому съ этой цѣлью представлю свою тысячу талеровъ.

Эта частица и есть процентъ; стало быть, разъ капиталъ производителенъ и даетъ процентъ вообще, то будетъ производителенъ и будетъ давать процентъ при всякомъ употребленіи, на какое понадобится и въ какомъ окажется.

Это съ давнихъ поръ извѣстно и буржуазнымъ экономистамъ. Они не только признали процентъ долею, вытекающею изъ предпринимательской прибыли, но и подробно изъяснили законы управляющіе въ нашемъ обществѣ возрастаніемъ и паденіемъ процента пропорціонально возрастанію и паденію предпринимательской прибыли.

Стало быть, чтобы объяснить процентъ, вы должны предварительно разобрать и изслѣдовать производительность капитала въ рукахъ предпринимателя; но мы видѣли, что вы и не заикнулись объ этомъ.

*) Родбертусъ. «Третье социальное письмо». Берлинъ, 1851 г., стр. 101—111.

Вмѣсто того вы предпринимаете доказать справедливость процента, «разительными примѣрами». «Чтобы доказать это разительными примѣрами—говорите вы, стр. 29,—надо опять напомнить, что капиталъ должно понимать въ его истинномъ значеніи, а не только какъ сумму денегъ. Предположимъ теперь, что владѣтель поля отдаетъ его съ состоящей на немъ жатвой (свой капиталъ) въ наймы или въ аренду на годъ съ условіемъ на будущій годъ возратить его также съ готовой жатвой. Очевидно, что возвращеніе поля съ жатвой слѣдующаго года не вознаграждаетъ владѣльца вноснѣ; что онъ можетъ съ полнымъ основаніемъ требовать еще аренднаго процента, потому что теряетъ жатву аренднаго года. Эта жатва, будучи предоставлена арендатору, приноситъ ему не только сѣмена, изъ которыхъ выйдетъ внослѣдствіи возвращаемая владѣльцу жатва, и небольшую плату за земледѣльческій трудъ, но сверхъ того значительный излишекъ хлѣба, излишекъ, который арендаторъ можетъ капитализировать въ собственномъ потребленіи или продажей».

Я также нахожу этотъ примѣръ «разительнымъ» и даже «разразительнымъ», г. Шульце! Онъ бьетъ васъ по щекамъ и разражаетъ всѣ ваши софизмы, доказывая, что вы неспособны мыслить!

Что поле производитъ жатву—дѣло очевидное. Но чтобы куча денегъ или—пожалуй—куча какого угодно товара могла также что-либо производить и потому приносить процентъ—уразумѣть трудно, и это-то вамъ и слѣдовало объяснить. Но вы распорядились проще! Вы предполагаете несомнѣннымъ, что куча денегъ или товара также производительна, какъ поле, и потомъ, торжествуя, спрашиваете: не слѣдуетъ ли, чтобы и эта куча также приносила жатву, хотя она не производитъ ея?

Оставимъ поле и одной чертой освѣтимъ всѣ ваши скучные примѣры: вы предполагаете производительность капитала, которую вамъ именно и слѣдуетъ доказать, несомнѣнно въ рукахъ Петра, и съ торжествомъ вопрошаете: не ясно ли, что капиталъ долженъ быть производителемъ въ рукахъ Павла, и несправедливо ли, чтобы Павелъ далъ Петру часть этой уступленной ему производительности? Славно разсудили, г. Шульце, потому что если, съ одной стороны, претензія Петра справедлива, то съ другой—и Павлу ничего не стоитъ удовле-

творить ее! Разъ капиталъ производителенъ въ рукахъ Петра, онъ долженъ быть производителенъ и въ рукахъ Павла, а все остальное вытекаетъ изъ этого само собою.

Но дѣло въ томъ, что надо прежде объяснить, почему капиталъ вообще производителенъ, почему онъ производителенъ въ рукахъ Петра, изслѣдовать сущность этой производительной способности предмета мертвого, не одареннаго даже «естественными силами». вмѣсто того вы просто зранѣе предполагаете то, что требуется доказать несомнѣнными фактами; такимъ образомъ вы доказываете посредствомъ заблаговременнаго предположенія!

Вы слѣдуете этому блистательному методу мышленія во всей вашей книгѣ непрерывно, и каждая страница ея полна примѣровъ его. Но апогея своего этотъ геніальный методъ достигаетъ въ ниже слѣдующихъ строкахъ.

Разсматривая процентъ, вы вдругъ накидываетесь на социалистовъ, на «безразсудныхъ», желающихъ уничтожить процентъ, и восклицаете: «Да, процентъ обременителенъ! Отмѣните процентъ, и кредитъ исчезнетъ, и когда вы больше всего будете нуждаться въ немъ, его у васъ не будетъ!»

Во-первыхъ, у насъ еще никто никогда не предлагалъ «отмѣнить» процентъ, во-вторыхъ, неужели въ самомъ дѣлѣ не видите, сколько несравненныхъ безсмыслицъ удалось вамъ скопить въ такой короткой фразѣ!

Всѣ социалисты, желавшіе а la Прудонъ «отмѣнить процентъ», никогда не думали, что для этого надо, чтобы одинъ вовсе не ссужалъ другому или ссужалъ безпроцентно, единственно изъ человѣколюбія, какъ требовалъ канонической законъ или какъ предписывалъ Моисеевъ законъ евреямъ; по крайней мѣрѣ въ отношеніи другъ друга, на основаніи чувства національности. Эти социалисты думали достичь этого организаціей бесплатнаго кредита посредствомъ народныхъ или государственныхъ банковъ и т. д., словомъ, посредствомъ положительныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, т. е. устроеніемъ такого общественнаго порядка, гдѣ каждый могъ бы занимать нужные ему капиталы даромъ. Прудонъ выразилъ эту мысль самымъ названіемъ своей отмѣны процента, назвавъ ее «la gratuité du crédit» — «бесплатнаго кредита». Вы должны это знать, потому что—что другое, а книжицы г. Бастія вы

читали; между тѣмъ весь споръ Багтіа съ Прудономъ вертится на этомъ и носить это заглавіе.

Конечно, можно — притомъ съ полнымъ основаніемъ — оспаривать, чтобы цѣль эта могла быть достигнута мѣрами, предлагаемыми Прудономъ.

Можно даже пойти дальше и утверждать, что вообще невозможно какъ бы то ни было достичь ея.

Но вы не говорите ни того, ни другого, г. Шульце! Вы говорите; «Отмѣните процентъ» — и этой фразой допускаете, стало быть, хотя на мгновеніе, возможность отмѣны его. Вы хотите умышленно отмѣнить его, чтобы доказать, какія пагубныя послѣдствія будетъ имѣть эта отмѣна. И обращаясь противъ социалистовъ и противъ «отмѣны процента», въ томъ смыслѣ, какъ она понимается въ экономическихъ преніяхъ нашего вѣка, вы раздражаетесь ликующимъ возгласомъ: «Да, процентъ обременителенъ! Отмѣните процентъ, т. е. устройте такъ, чтобы кредитъ былъ бесплатенъ и каждый во всякое время получалъ нужные ему капиталы даромъ, и кредитъ исчезнетъ, и когда вы больше всего будете нуждаться въ немъ, его у васъ не будетъ!»

Понимаете ли вы теперь, какую вы безмыслицу наговорили? Я думаю, у васъ у самого волосы встали дыбомъ отъ этого собственнаго противорѣчія! Да какъ же можно, г. Шульце, писать такія фразы, гдѣ первая половина поѣдаетъ вторую, а вторая уничтожаетъ первую!

Нечего сказать, пріятный мыслитель! Къ чему это скрываніе передъ вашими работниками истиннаго смысла социалистической формулы отмѣны процента, смысла, какой она имѣетъ во всѣхъ экономическихъ преніяхъ нашего вѣка? Къ тому, чтобы грубой, жалкой плутой убѣдить работниковъ этимъ торжествующимъ оборотомъ въ пагубности отмѣны процента!

Предоставляю вамъ выбирать самому, что вамъ болѣе по вкусу: въ самомъ ли дѣлѣ вы до того глупы, что не понимаете своего противорѣчія, или плутуете, чтобы провести работниковъ!

Слѣдующая затѣмъ фраза заставляетъ предположить скорѣе второе (стр. 32).

«Это дѣлается еще несомнѣннѣе, если вообразить себя въ положеніи не столь имущаго работника, который

или кормится собственнымъ небольшимъ промысломъ, или получаетъ за свой трудъ плату отъ другихъ. Что стало бы съ нимъ на старости лѣтъ, когда ему приходится жить своими умѣренными сбереженіями, если бы они не приносили ему какого-нибудь дохода? Какія громадныя суммы приходилось бы накапливать людямъ, чтобы обезпечить себя на старости, если бы эти накопленія не давали ренты, не нарастаи съ теченіемъ времени проценты на проценты, а начисто потреблялись бы! На сколько хватило бы работнику, такъ называемому мелкому люду, его трудовыхъ сбереженій? Какъ бы онъ ни распорядился ими—внесъ ли бы онъ ихъ въ какой-нибудь ходкій промыселъ, который передалъ бы другому работнику съ тѣмъ, чтобы и самому прокармливаться остатокъ своей жизни этимъ промысломъ, или вносилъ бы ихъ постепенно въ сберегательныя и потребительныя кассы—онъ никогда не собралъ бы столько, чтобы даже приблизительно удовлетворить самыя скромныя потребности, не давай эти сбереженія ренты, вслѣдствіе которой они сами собою удваиваются и нарастаютъ съ теченіемъ времени, какъ бы велики или малы ни были. Понадобились бы тысячи, чтобы просуществовать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, хотя бы самымъ скуднымъ образомъ, и эти тысячи не могли бы дать и того, что теперь доставляютъ сотни. Въ рентѣ капитала, въ процентѣ, который такъ бранятъ многіе безразсудные люди, заключается вѣчно воспроизводящая благодать, результатами которой пользуются всѣ, а больше всѣхъ въ ней нуждается маленькій капиталъ работника, чтобы удовлетворять хотя бы самымъ скромнымъ желаніямъ».

Мило, г. Шульце! Вы вздумали доказать работникамъ ни больше, ни меньше, какъ то, что рента капитала необходима для ихъ собственныхъ интересовъ! Съ этою цѣлью вы описали имъ ихъ положеніе какъ разъ въ противоположномъ дѣйствительному видѣ! По вашему, европейскій рабочій на старости лѣтъ дѣлается маленькимъ капиталистомъ! Онъ себѣ втихомолку, изволите видѣть, акціонеръ, вкладчикъ, положимъ не у Бриста и Гелике и не въ дисконто-номадическомъ обществѣ, но все-таки въ какомъ-нибудь «ходкомъ промыслѣ»! Нѣтъ, почтеннѣйшій, тутъ ужъ не глупость; тутъ ужъ, воля ваша, глупостью не оправдаетесь! Нѣтъ, вы знаете, что это самый подлый обманъ, какой только

можно найти въ исторіи литературы! Нечего сказать! Приятное описаніе! Работникъ на старости лѣтъ поживаетъ доходцемъ! Вѣчнаго удивленія достойно, что работники, зная свое положеніе и положеніе старыхъ работниковъ по своимъ роднымъ и знакомымъ, позволяютъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, говорить себѣ въ глаза подобныя вещи! Вѣроятно, обольстительное живописаніе такого уютнаго эльдорадо заставило ихъ забыть голодъ и жажду, отняло у нихъ память и воспоминаніе.

Во-вторыхъ, спрашивается, куда дѣвался бы тотъ продуктъ европейскаго производства, который теперь достается капиталу, составляетъ прибыль капитала, въ томъ случаѣ, если бы, какъ вы предполагаете, производительность капитала, его рента, уничтожилась? Вѣдь не въ воду же онъ канулъ бы! Вѣдь не улетѣлъ же бы онъ на луну! Куда же бы онъ дѣвался? Въ карманы работниковъ.

И это вы должны были знать; слѣдовательно, не могли дѣлать изъ современнаго положенія работниковъ никакихъ выводовъ на счетъ такого состоянія, гдѣ производительность труда, весь доходъ, достаемый теперь капиталу, шелъ бы въ карманы работниковъ.

Изъ такихъ-то жалкихъ плутней состоитъ все ваше произведеніе, какъ я доказалъ до пресыщенія. Если, преодолевъ отвращеніе, запустить руку въ эту кашу, то всѣ пальцы обличнутъ глупостью и лганьемъ.

А на такихъ-то грубыхъ шулерскихъ штукакахъ, которыми вы систематически извлекаете изъ работниковъ здравый смыслъ, дурманите ихъ разсудокъ и искусственно помрачаете въ нихъ всякій свѣтлый проблескъ сознанія, на такомъ обдуманномъ и по плану веденномъ обманѣ, на такомъ умышленномъ дураченіи массъ вы основываете передъ работниками свое притязаніе на званіе учителя ихъ! Какое кощунство!

Г. Шульце! Если имя ваше не сдѣлается со временемъ, подобно имени вашего литературнаго предшественника, символомъ у работниковъ всякаго, идущаго по этой дорожкѣ—значить въ исторіи нѣтъ справедливости и въ рукѣ моей нѣтъ силы! И не только у работниковъ! Потому что во всѣхъ классахъ общества есть люди, считающіе преступленіемъ систематически дурачить народный умъ, умышленно надувать массы, чтобы сдѣлать ихъ покорнѣе интересамъ капиталистовъ!

ГЛАВА Ш.

„Ш. Обмѣнъ, цѣнность и свободное соперничество“.

Не стоитъ говорить о двухъ слѣдующихъ отдѣлахъ вашей «капитальной» чепухи: это все варіаціи во всевозможныхъ тонахъ на ту же тему; но мы уже составили себѣ понятіе о ней по всему предыдущему и довершимъ его по послѣдующему.

Бросимъ только бѣглый взглядъ на премудрость вашей третьей главы: «Обмѣнъ, цѣнность и свободное соперничество».

Уже самый порядокъ расположенія вашихъ главъ классиченъ и свидѣтельствуетъ о глубинѣ вашихъ экономическихъ познаній! Сперва вы разсматриваете «капиталъ», а потомъ «обмѣнъ, цѣнность и свободное соперничество», между тѣмъ какъ въ экономической дѣятельности, какъ и въ теоретической послѣдовательности, категорія «капиталъ» есть выводъ изъ категоріи обмѣна и цѣнности; стало быть, надо сперва разсмотрѣть ихъ, чтобы вывести и понять капиталъ.

Но для васъ все это ничего не значить, и въ этомъ равнодушіи есть своего рода правосудіе, которымъ вы сами себя караете!

Потому что въ самомъ дѣлѣ ваши разсужденія таковы, что для нихъ рѣшительно все равно, начинать ли ихъ съ начала или съ конца.

Въ нихъ ничего не выводится, не слѣдуетъ изъ предыдущаго, не продолжается; въ нихъ вездѣ одни и тѣ же тавтологическія повторенія произвольныхъ и безмысленныхъ завѣреній. Такимъ образомъ, для васъ и въ самомъ дѣлѣ

возможно разсуждать объ обмѣнѣ и цѣнности послѣ капитала, а я, обреченный проклятіемъ судьбы гоняться за вами съ бичомъ критики, принужденъ слѣдовать по вашему дурацкому пути.

Если взять настоящее содержаніе вашей книги, то до сихъ поръ только и повторяли въ ней, что одно единственное слово: обмѣнъ, обмѣнъ, обмѣнъ, и вотъ только теперь собрались наконецъ говорить объ «обмѣнѣ», т. е. въ отвратительнѣйшую пошлость сызнава повторять подъ заглавіемъ «Личные интересы» и «Обмѣнъ» на 11 страницахъ все, что говорили до сихъ поръ; такимъ-то образомъ принимаетесь вы наконецъ излагать или, вѣрнѣе, исказать экономическую категорію цѣ н н о с т и. Здѣсь я опять провожу васъ подъ ручку, потому что это снова дастъ мнѣ поводъ къ положительнымъ выводамъ.

Въ ученіи о цѣнности вы опять слѣдуете Бастіа, единственному источнику вашей премудрости и его извѣстной теоріи «услуги», доказать абсолютное внутреннее ничтожество которой есть задача моей настоящей главы. Конечно, многія изъ потѣшныхъ глупостей, которыя вы болтаете, принадлежать собственно вамъ, потому что по глупости вы далеко выше Бастіа; Бастіа былъ невѣжественный экономистъ и ограниченный мыслитель, но его можно, по крайней мѣрѣ, назвать остроумнымъ болтуномъ; впрочемъ въ разборѣ моемъ я буду обращать вниманіе только на главное, а оно у васъ общее съ Бастіа.

Вы утверждаете, что при каждомъ обмѣнѣ между мѣняющимися сторонами происходитъ расчетъ, оцѣнка «того, что отъ нихъ требуется, въ сравненіи съ тѣмъ, что за это получается, и онѣ рѣшаются на обмѣнъ, если при этомъ сравненіи находятъ обѣ, что даваемое или дѣлаемое ими стоитъ имъ меньше труда и расхода, чѣмъ приобрѣтеніе того, что имъ дается въ обмѣнъ за это». И потомъ вы начертываете опредѣленіе: «Отношеніе обмѣниваемыхъ вещей или услугъ, находимое дѣлаемымъ для этой цѣли сравненіемъ, есть цѣ н н о с т ь»^{*)}).

^{*)} Бастіа («Нарм. ёконом.» р. 143) опредѣляетъ: «Итакъ, я говорю, цѣнность есть отношеніе двухъ обмѣненныхъ услугъ». Вы же вмѣсто того говорите: «отношеніе обмѣниваемыхъ вещей или услугъ», и такимъ

Адамъ Смитъ первый высказалъ положеніе, что трудъ есть источникъ и факторъ всякихъ цѣнностей*). Самъ Смитъ высказывалъ его еще съ колебаніемъ и противорѣчіями, но Рикардо развилъ его въ послѣдовательную и строго логическую систему. Бастіа на словахъ придерживается этого положенія, но въ сущности, какъ мы увидимъ ниже, превращаетъ его какъ разъ въ противоположное. На словахъ-то и вы держитесь его и такимъ образомъ принимаете доказывать, что цѣнность предмета составляетъ не матерія его, а рядъ «услугъ», необходимыхъ для его воспроизведенія. Но тутъ съ вами приключается смѣшное несчастье. Вы предпринимаете доказать это на дюжинѣ рубашекъ. «Чтобы доставить ихъ себѣ, я могу избрать одинъ изъ двухъ путей. Я могу купить ленъ у земледѣльца и отдать его прядильщицѣ, которая изготовитъ мнѣ изъ него нитокъ. Нитки я отдамъ ткачу, изготовленное полотно бѣльщику, потомъ швеѣ и наконецъ отъ нея получу готовыя рубашки. Мнѣ надо заплатить всѣмъ этимъ лицамъ, которыя оказали мнѣ всѣ вышеупомянутыя услуги. Въ чемъ состоитъ цѣнность рубашекъ, окончательнаго продукта всѣхъ работъ? Очевидно, въ суммѣ работъ, нужныхъ для воспроизведенія и доставленія мнѣ рубашекъ, и эта сумма опредѣляетъ, сколько услугъ я

образомъ по недовости, помимо воли, ниспровергаете все опредѣленіе Бастіа! Его опредѣленіе правильно, по крайней мѣрѣ, по формѣ, именно потому, что совершенно обходитъ понятіе «вещи и ставитъ мѣриломъ цѣности услуги, нужныя для воспроизведенія вещей. Такимъ образомъ пріобрѣтается, по крайней мѣрѣ, мѣрило для искомаго (для цѣности вещи). Вы же, подсовывая въ опредѣленіе Бастіа лишнее слово «вещи», уничтожаете его, конечно вовсе этого не желая, и превращаете его въ остроумное изреченіе: цѣнность вещи есть отношеніе двухъ вещей! *Von! Впрочемъ Богъ съ вами; дарю вамъ эту прелесть съ десятью тысячами другихъ!*

*) Адамъ Смитъ, Т. I, стр. 135, изд. Бибикова: «Дѣйствительная цѣна всякой вещи, т. е. то, что на самомъ дѣлѣ стоитъ вещь тому, кто желаетъ пріобрѣсти ее—это трудъ и усилія, какія необходимо употребить для пріобрѣтенія ея. То, что мы покупаемъ за деньги или вымѣниваемъ за другіе предметы, пріобрѣтаемъ мы трудомъ, точно такъ же то, что получаемъ нашими непосредственными усиліями. Деньги и предметы мѣны избавляютъ насъ, правда, отъ этихъ усилій. Въ нихъ заключается уже цѣнность известнаго количества труда, которое мы мѣняемъ на то, въ чемъ предполагаемъ въ такомъ случаѣ цѣнность такого же количества труда. Трудъ былъ первоначальной цѣной, ходячей монетой при первоначальной покупкѣ всѣхъ вещей».

долженъ дать взаимнѣ съ своей стороны, т. е. размѣръ платы, которую я долженъ дать за нихъ, такъ что въ сущности я заплатилъ только за рабочія платы, а вовсе не за рубашки».

Приключившееся съ вами тутъ несчастіе состоитъ въ томъ, что, заставляя весь свѣтъ уплачивать въ цѣнѣ продуктовъ «только рабочія платы», вы—если рѣчь идетъ о каленкоровыхъ рубашкахъ—отнимаете у вашего друга Рейхенгейма всѣ проценты и всю прибыль съ его капитала, которые онъ между тѣмъ нажилъ на своей хлопчато-бумажной пряжѣ и которые, конечно, сумѣеть припрятать отъ васъ!

Кромѣ шутокъ, г. Шульце, откуда возьмутся проценты и прибыль съ капиталовъ, если въ цѣнѣ продуктовъ уплачиваются «только рабочія платы»?

Дѣло вотъ въ чемъ. Смутно, смутно дошелъ до васъ слухъ Богъ-вѣсть какими бастіатовскими закоулками о глубокомъ и великомъ положеніи Рикардо, основанномъ на приведенныхъ мною въ послѣднемъ примѣчаніи словахъ Адама Смита и служащемъ въ свою очередь основаніемъ всей новѣйшей экономической наукѣ; о томъ положеніи, что въ цѣнѣ продуктовъ уплачиваются только рабочія количества, количества труда, а вы, милый мальчикъ, сочли просто-за-просто, что рабочія количества все равно, что рабочія платы. Сообразивъ это, вы живо утвердились въ этомъ положеніи и давай проповѣдывать, что въ цѣнѣ продуктовъ уплачиваются только рабочія платы! *) И какъ утѣшительно было это слушать рабочимъ!

Несравненный Шульце! Въ разницѣ рабочихъ количествъ и рабочей платы, въ этой тайнѣ, черезъ которую вы такъ по-медвѣжьи перешагнули, въ ней скрывается почти-что вся политическая экономія и въ ней же скрываются проценты и прибыль съ капиталовъ.

Вамъ все равно—вы доцентъ политической экономіи!

За такія глупости, вы видите, самъ Бастіа не отвѣчаетъ.

Бастіа, какъ и Сэй и вся французская школа, считаетъ

*) Это у васъ не описка, а совершенно догматическое понятіе и убѣжденіе, къ которому вы неоднократно возвращаетесь; напр. на стр. 64 вашего катехизиса: «и всѣ расходы въ концѣ концовъ опять сводятся къ рабочимъ платамъ»; тоже на стр. 36, 60 и др.

проценты съ капитала и прибыль какъ установительные факторы въ цѣнѣ продуктовъ, которые оплачиваются потребителями *). Откуда-нибудь она должна же являться, эта прибыль съ капитала, разъ она существуетъ и существуетъ весьма реально!

Англійская школа, со времени Рикардо, наоборотъ, придерживается того, что проценты и прибыль не суть установительные факторы цѣны продуктовъ и что въ цѣнѣ продуктовъ уплачиваются главнымъ образомъ рабочія количества. Если это такъ, то отсюда вытекаетъ слѣдующее послѣдствіе, которое я вкратцѣ изложилъ въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ», что прибыль капитала образуется именно изъ разницы вознагражденія рабочихъ количествъ потребителями и рабочихъ платъ предпринимателями, другими словами, она образуется скидкой съ дохода рабочаго, и такимъ образомъ принадлежащее ему вознагражденіе за его рабочія количества, рабочая плата, уменьшается.

Весь социальный вопросъ, какъ и вся политическая экономія, разница французской и англійской школы—все это

*) Бастіа рассматриваетъ прибыль, которой вознаграждается капиталъ «за услугу», доставляемую производству, исключительно какъ особенный элементъ, который оплачивается въ цѣнѣ продукта потребителями. Напр., «*Нагн. écon.*», р. 230: «Изъ всѣхъ элементовъ, которые составляютъ мѣновую стоимость какого-нибудь продукта, тотъ, который мы съ большой охотой должны оплачивать, и есть вознагражденіе, интересъ капитала....» или тамъ же р. 233: «Есть такіе жалкіе экономисты, которые думаютъ, что мы оплачиваемъ въ цѣнѣ продуктовъ только интересы капиталистовъ». Затѣмъ онъ утверждаетъ, что она оплачивается въ цѣнѣ продуктовъ. Бастіа говоритъ, напр., на стр. 157, гдѣ онъ подтверждаетъ это примѣромъ каменнаго угля: «Это есть общая сумма того труда, которая составляетъ стоимость каменнаго угля». И здѣсь есть слово «трудъ», который у Бастіа часто принимается совершенно въ Рикардовскомъ смыслѣ количества труда, которое нужно для произведенія продукта. Но самъ Бастіа, столь прославившійся писатель, былъ бы совершенно неспособенъ вмѣсто—«это есть общая сумма труда»—сказать: это есть общая сумма рабочихъ платъ, которыя составляютъ стоимость каменнаго угля. Это слишкомъ простодушное удобленіе количества труда и платы за трудъ, сознательно искаженное, которое было бы вѣрнымъ признакомъ экономиста, принимающаго ихъ безъ сознанія, есть одна изъ несравненнѣйшихъ мистификацій, которыми когда-либо была запятнана литература. Въ рѣчахъ къ собравшимся рабочимъ она заслуживаетъ технического названія, которое произносится со всею силою языка.—Различіе труда или количества труда и платы за трудъ, выше какъ и дагѣе, было развито весьма ясно.

скрывается въ тайнѣ различія между рабочими количествами и рабочей платою.

Вамъ же, вслѣдствіе вашего невѣжества, неизвѣстно даже существованіе этого различія и потому у васъ безъ дальнѣйшаго исчезаетъ процентъ съ капитала и прибыль, принимая, что въ цѣнѣ продуктовъ уплачивается только рабочая плата.

Но это только между прочимъ!

Далѣе вы хотите доказать, что стоимость, которую вы съ правомъ принимаете въ смыслѣ мѣновой стоимости, не содержится въ полезности вещи. И чтобы доказать само по себѣ вѣрное и весьма простое и ясное до тавтологіи предложеніе, что мѣновая стоимость не содержится въ потребительной стоимости, вы берете еще разъ разительный примѣръ, именно примѣръ, который бьетъ васъ по щекамъ справа и слѣва.

Вы говорите (стр. 63): «Если взять, напр., обыкновенную булку, которая стоитъ нѣсколько копѣекъ, но во время голода въ осажденномъ городѣ цѣнится на вѣсъ золота. Ни матеріаломъ печенія, ни ея полезностью объяснить этого нельзя, такъ какъ во всемъ этомъ ничего не измѣнилось. Составъ булки, ея питательность, которая утоляетъ голодъ, въ обоихъ случаяхъ одна и та же, а между тѣмъ стоимость весьма различная».

Что за словомизверженіе, что за невѣжество!

Вмѣсто того, чтобы доказать то, что вы хотите, этотъ примѣръ доказываетъ только ваше абсолютное невѣжество въ экономическихъ познаніяхъ, такъ какъ примѣръ этотъ, по сущности вашего предположенія, принадлежитъ къ совершенно другому порядку.

Всѣ предметы, по Рикардо *), раздѣляются относительно цѣнности на два вида, на такіе, количество которыхъ можетъ быть произвольно увеличено, и на весьма ограниченное число такихъ, которые не могутъ быть произвольно увеличены.

Рыночная цѣна предметовъ перваго вида ближе всего опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, но такъ какъ предложеніе можетъ быть произвольно увели-

*) Рикардо. «Principl. of polit écon.», Т. I, р. 4.

чено, то стоимость этих предметов опредѣляется въ концѣ концовъ издержками на производство.

Предметы второго вида, которые не могутъ быть произвольно увеличиваемы, наоборотъ, имѣютъ монопольную цѣну, т. е. она зависитъ отъ существующаго числа ихъ въ отношеніи къ спросу на нихъ, который еще существуетъ при данной цѣнѣ. Напримѣръ, относительно продуктовъ генія. Картины Рафаэля суть предметы, число которыхъ не увеличиваемо ни какимъ капиталомъ и ни какою работою, ихъ цѣна можетъ быть 30,000, 50,000 тал., ихъ цѣна стоитъ вѣдѣ какого-либо отношенія къ издержкамъ на ихъ производство.

Также и цѣна рѣдкихъ винъ, которыя производятся только на извѣстномъ мѣстѣ, напр., Clos de vogue. Цѣна здѣсь именно монопольна, которая опредѣляется, какъ при всѣхъ монополіяхъ, отношеніемъ существующихъ картинъ Рафаэля къ числу покупателей, которые еще оказываются при этихъ цѣнахъ. Экономическая наука приняла съ различными измѣненіями, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, и разработала мысль этого раздѣленія или различія, установленнаго Рикардо. Но случайно въ книжонкѣ Бастіа объ этомъ ни слова не упоминается, и вы видите, г. Шульце, что и вы не имѣете никакого понятія объ этомъ различіи. Если имѣли бы, то не выбрали бы такого примѣра.

Въ осажденномъ городѣ, гдѣ по причинѣ пресѣченія подвоза господствуетъ голодъ, цѣна коровая хлѣба въ высшей степени монопольна. Она зависитъ исключительно отъ отношенія количества еще имѣющихся въ городѣ короваевъ къ числу желудковъ, требующихъ пищи.

Стало бытъ, этотъ примѣръ вовсе не доказываетъ того положенія, которое вы хотите доказать имъ, потому что выхваченъ изъ совершенно другаго порядка вещей, и именно тутъ-то трудъ, бывшій необходимымъ для произведенія короваевъ, совершенно утрачиваетъ факторъ цѣнности. Вы такъ искусно выбрали примѣръ, что какъ разъ попали на исключительный случай, что предметъ оплачивается только по своей полезности, а вы это-то и хотите опровергнуть этимъ примѣромъ!

Положимъ, что Берлинъ осажденъ, и въ немъ господствуетъ голодъ. Если въ городѣ еще остается коровай или

тысяча короаевъ, г. Рейхенгеймъ предложить, быть можетъ, 100,000 талеровъ, а другіе, которые не могутъ предложить столько денегъ, будутъ конкурировать ему кулаками, дубинами и ножами; произойдетъ рѣзня и самоубійство за овладѣніе короаемъ. Другими словами, коровай будетъ оплаченъ по своей полезности; по своему полезному свойству спасать отъ голодной смерти; въ этомъ исключительномъ случаѣ мѣновая цѣна его будетъ равна потребительной и ею опредѣлится; такъ какъ коровай обладаетъ полезностью спасать жизнь, то за него будутъ закладывать и отдавать эту самую полезность—жизнь!

Вотъ какъ вы искусно выбираете примѣры, что такъ-таки прямо и валитесь въ исключительный случай, представляющій именно то, что вы хотите опровергнуть, что вещи оплачиваются по своей полезности!

Вы продолжаете (стр. 64): «Итакъ, цѣнность заключается единственно въ трудѣ, въ усиліи человѣка, необходимомъ для того, чтобы предоставить въ наше пользованіе полезный предметъ или оказать намъ полезную услугу».

До сихъ поръ, если судить по словамъ, началомъ цѣнности все еще принимается трудъ въ его положительномъ смитъ-рикардскомъ значеніи. Однако, вѣдь надо же какъ-нибудь перейти въ совершенно противоположное, какъ я докажу, возрѣніе Бастіа, въ теорію «услугъ»!

Вотъ вы собираетесь съ духомъ и начинаете:

«Однако, это еще не рѣшаетъ вопроса. Ибо, какъ извѣстно, обмѣнъ соединяетъ два акта труда, услугу и взаимную услугу, оба исполнителя которыхъ, обмѣнивающіяся стороны, имѣютъ противоположный интересъ въ оцѣнкѣ ихъ. *A* всегда будетъ желать получить за свою вещь или услугу какъ можно больше, а *B* будетъ также всегда желать дать за нихъ какъ можно меньше. Другими словами, каждый будетъ цѣнить трудъ другого, во взаимной услугѣ, какъ можно ниже, а свой собственный, въ своей услугѣ, какъ можно выше. Кто же рѣшитъ этотъ споръ? Гдѣ окончательная точка соглашенія между ними? Послужить ли имъ общей мѣркой усиліе, расходъ силъ, которыхъ каждому изъ нихъ стоитъ даваемая услуга или вещь? Можетъ ли *A*, напр., сказать: то, что я даю тебѣ, стоитъ мнѣ трехъ дней работы; поэтому ты долженъ дать мнѣ за него также плодъ твоей трехдневной ра-

боты? Этому противорѣчить вышеуказанная нами цѣль труда и обмѣна—удовлетвореніе потребностей. Тутъ дѣло, конечно, не въ томъ, много ли, мало ли занять человѣкъ, а въ томъ, что онъ произвелъ; дѣло не въ актѣ, а въ результатѣ труда, потому что не усиліе человѣка, а продуктъ его можетъ передаваться другому лицу и удовлетворять его потребности. Напр., сколько бы ни насаждался булочникъ, но если тѣсто у него испортится прежде, чѣмъ онъ напечетъ изъ него хлѣбовъ, трудомъ его никто не насытится и никто не заплатитъ ему за его усилія. Кромѣ того, неловкій работникъ можетъ проработать 8 дней надъ тѣмъ, что искусный кончитъ въ два дня: но кто же дастъ ему за это также плодъ своей собственной 8-дневной работы?»

Послѣ этихъ ребяческихъ примѣровъ *) вы наконецъ переходите къ знаменитому бастиатовскому примѣру алмаза, на которомъ построена его теорія «услуги».

«Человѣкъ нашелъ случайно алмазъ и владѣеть большою цѣнностью: онъ требуетъ съ любителя за свой камень платы, которая равняется продукту его труда въ теченіе цѣлаго года. Можетъ ли покупатель возразить на это, что пріобрѣтеніе камня стоило нашедшему только минуты времени нагнуться и поднять его и вовсе не стоило никакого труда? Можетъ ли онъ сказать, что такъ какъ обмѣниваться должны продукты равныхъ количествъ труда, то и тысячная доля требуемой платы будетъ черезчуръ высока? Вѣдь на это нашедшій, конечно, возразилъ бы: Если вы находите требо-

*) Вы доходите даже до того, что говорите (р. 95): «Неужели же можно требовать, чтобы, напр., врачъ, государственный человѣкъ, художникъ отдавали продуктъ извѣстнаго времени своего труда за продукты такого же срока труда обыкновеннаго поденщика? А вѣдь пришлось бы требовать этого, еслибъ мѣрило цѣнности заключалось въ трудѣ того, кто оказываетъ услугу» (?). Правда, и тутъ вы повторяете слова Бастиа (р. 177). Вы и вашъ оригиналъ не вѣдаете даже общепринятаго въ экономической наукѣ различія между качественными и безкачественными, обыкновеннымъ трудомъ, *travail qualifié et non qualifié*; извѣстно, что всякій высшій качественный трудъ равняется большому количеству простаго труда, который такимъ образомъ представляетъ единицу мѣры всѣхъ сложныхъ видовъ труда. Сколько рабочихъ дней обыкновеннаго труда заключаетъ въ себѣ одинъ день качественного труда данной профессіи, опредѣляется нынѣ конкуренціей; см. «Книгу для чтенія рабочимъ», Т. I.

ваніе слишкомъ высокимъ, то ступайте ищите сами такого камня. Но въ такомъ случаѣ съ любителемъ могло бы, конечно, случиться то, что онъ употребилъ бы многіе годы на опасныя и дорогія путешествія за этими поисками и въ концѣ концовъ не достигъ бы утѣшительнаго результата. Вотъ причина, отъ которой зависитъ это явленіе. Услуга, которую нашедшій оказываетъ любителю, заключается вовсе не въ находкѣ алмаза, а въ предоставленіи его любителю, и для послѣдняго можетъ быть совершенно все равно, и не должно оказывать никакого вліянія на стоимость предоставленной услуги то, что тотъ предпринималъ для того, чтобы заполучить камень. Стоимость, которую предоставленный камень имѣетъ для любителя, можетъ быть равна тому самому труду, который сберегается этимъ любителемъ, т. е. тѣмъ самымъ расходомъ на трудъ, и издержкамъ, которыя причинены были бы собственными его поисками камня».

Такимъ образомъ мы достигли, наконецъ, самой сути знаменитой бастіатовской категоріи «услуги», на которой вы впрочемъ еще въ началѣ (стр. 93) основали ваше опредѣленіе стоимости (какъ отношеніе двухъ услугъ).

Но брюхо Ивана Фальштафа такъ не раздувалось, пу-чилось и не было такъ испорчено, какъ эта бастіатовская категорія: «услуги» и время, время, г. Шульце, проколоть, наконецъ, это вздувшееся пузо и удалить тѣ вредные соки, которыми оно отравляло политическую экономію со временъ Бастіа. Эта «услуга» вообще не составляетъ экономической категоріи, г. Шульце, и мы поэтому хотимъ съ вашего и съ позволенія г. Бастіа оказать этой «услугѣ» услугу,—выбросить ее вонъ изъ политической экономіи, въ которую она положительно не входитъ. Вы при этомъ естественно найдете, что мы такимъ поступкомъ возстаемъ противъ вашего великаго учителя Бастіа, а не противъ васъ, который съ одной стороны только повторялъ, а съ другой—портить и коверкалъ то, что изрекла эта не экономическая голова объ этомъ предметѣ. Но вамъ все-таки это даромъ не обойдется.

Я сказалъ слѣдовательно: въ этой категоріи болѣе надутый, вспученный и испорченный, чѣмъ брюхо Ивана Фальштафа, нѣтъ никакой экономической опредѣленности, такъ что она совсѣмъ не составляетъ экономической категоріи.

Какихъ услугъ не бываетъ, г. Шульце!

Если гамбургскій матросъ послѣ продолжительнаго морского путешествія снова возвращается въ гамбургскій кабачокъ, то тамошнія дѣвицы легкаго поведенія оказываютъ ему неоспоримую «услугу»! Депутатъ, который продаетъ себя министерству или изъ трусости переходитъ даромъ, принося такимъ образомъ «политику своей партіи на алтарь отечества» какъ, напр., Левъ Кальбъ, заявившій о такомъ желаніи въ двѣнадцати-милліонномъ дебатѣ, такой депутатъ оказываетъ этому министерству также «услугу». Трудъ, конечно, со всѣмъ не то, но услуги, и притомъ такія услуги, которыя, чортъ ихъ возьми, оплачиваются, оплачиваются именно такъ, какъ вы требуете, «тѣмъ самымъ трудомъ, который сбереженъ любителю!»

Паяцъ, который въ циркѣ заставляетъ меня смѣяться, оказываетъ мнѣ въ этомъ случаѣ «услугу», и если бы я хотѣлъ эту самую «услугу» принимать за «трудъ», то все-таки я ни коимъ образомъ не заплатилъ бы за нее тѣмъ же самымъ трудомъ, который сбереженъ любителю, т. е. здѣсь, слѣдовательно, тѣмъ же самымъ усиліемъ, которое я долженъ былъ бы употребить, чтобы вынудить себя къ подобному смѣху.

Я, въ то время, какъ пишу эту книгу, оказываю вамъ этимъ великую «услугу», г. Шульце! Потому что, если вы и не признаетесь при третьемъ, вы все-таки изъ нея узнаете много по экономіи,—подумайте только, какія библіотеки вы должны были прочитать и сколько строгой и самостоятельной мысли, на которую вы окончательно неспособны, вы должны были бы употребить, чтобы получить тѣ самыя свѣдѣнія, которыя вы играя почерпнули изъ этой книги и почерпнете мимоходомъ!

И однако, если бы я послалъ вамъ счетъ за эту «услугу», вы были бы чрезвычайно удивлены и неожиданно-негадано начали бы утверждать противъ вашей же экономической теоріи, что это—«услуга», которая не оплачивается.

Да, я вамъ оказалъ большую услугу, которую вы по незначительной цѣнѣ, очевидно придаваемой вами знаніямъ, должны были бы цѣнить гораздо выше, чѣмъ упомянутая прежде.

Моей агитаціей я довелъ купцовъ и фабрикантовъ, которымъ раньше—вспомните только признаніе «Южно-Нѣмецкой Газеты»—вы не могли причинить никакого вреда, до того, что они представили вамъ національный подарокъ въ 45,000 тал.;

эту «услугу» я оказалъ вамъ, не получивъ изъ этой суммы ни гроша. И однако, что для васъ смѣшно, — считалъ ли я себя обиженнымъ тѣмъ, что вся сумма труда, сбереженная вами этимъ — слѣдовательно всѣ 45,000 тал., предоставлена вамъ?

Вы видите, что есть «услуги», которыя не оплачиваются и не считаются трудомъ, и вы изъ этого могли бы вывести заключеніе, что «услуга» вовсе не составляетъ экономической категоріи.

Но шутки въ сторону, г. Бастіа-Шульце. Я приведу теперь вамъ три доказательства для того, чтобы разъ навсегда вышвырнуть это туманное открытіе г. Бастіа изъ политической экономіи.

Я покажу, во-первыхъ, изъ какихъ потребностей и какихъ очевидныхъ затрудненій могла образоваться бастіатовская теорія «услуги»; во-вторыхъ, въ какой абсолютной логической противоположности стоитъ къ этой теоріи смитъ-рикардоскій принципъ, что трудъ есть основаніе и мѣрило стоимости; въ-третьихъ, что бастіатовское мѣрило стоимости есть экономическая невозможность и чудовищность выше всякаго сравненія.

Принципъ общій Адаму Смиу и Рикардо, что трудъ составляетъ основаніе и мѣрило стоимости вещи, принятый экономической наукой съ рѣдкимъ согласіемъ, на дѣлѣ, кажется, оставилъ еще нѣкоторыя серьезныя затрудненія. Я хочу говорить не о вашихъ дѣтскихъ примѣрахъ, г. Шульце, что у булочника тѣсто не удалось или что неискусный рабочій можетъ употребить 8 дней на то, что производится въ 2 дня. Потому что индивидуальная неискусность не составляетъ экономического противорѣчія и каждый по этому принципу въ дѣлѣ можетъ требовать только платы за нормальное количество работы, которое было нужно для приготовленія продукта, и которое понятно почти для всѣхъ, кромѣ васъ и Бастіа *)! Нѣкоторыя серьезныя затрудненія могли показаться противорѣчащими этому.

*) Безъ сомнѣнія, вы и въ этомъ случаѣ полагаетесь на Бастіа, который приводитъ совсѣмъ готовую фразу (а. а. 0 р 177): «Продолжительный и тяжелый трудъ чаще переходитъ въ обманъ, въ нецѣнность». Если это такъ, то какимъ образомъ можно будетъ установить соотношеніе и необходимую пропорціональность между цѣнностью и трудомъ.

Положимъ, напр., дѣлается какое-нибудь открытіе или изобрѣтается какое-нибудь, хотя бы незначительное, усовершенствованіе въ способѣ производства, уменьшающее сумму расходовъ, а слѣдовательно и количество труда, необходимое для производства извѣстнаго продукта. Вслѣдствіе этого понижается въ той же мѣрѣ цѣна всѣхъ прежде изготовленныхъ продуктовъ этого сорта. Тщетно будутъ протестовать производители, говоря, что новая цѣна ниже стоимости ихъ производства, стало быть ниже количества труда, которое до сихъ поръ, не далѣе какъ вчера еще, было опредѣлено нормальнымъ и необходимымъ для этого продукта. Что ни говори, а приходится продавать эти продукты по нынѣшней цѣнѣ, хотя бы она была въ половину меньше опредѣленнаго количества труда.

Можно ли послѣ этого утверждать еще, что нормальное количество труда (стоимость), необходимаго для производства предмета, составляетъ мѣрило его цѣнности?

Предположимъ другой случай, а именно, что совершилась перемѣна во вкусѣ и потребности общества, какъ всегда отъ времени до времени случается.

Тотчасъ всѣ предметы, до сихъ поръ соотвѣтствовавшіе вкусу и потребности, превращаются въ ветошь и отправляются на толкучку искать тамъ жалкаго исхода своему опозоренному существованію, несмотря на количество труда, необходимо опредѣленнаго въ нихъ.

Но и безъ измѣненія вкуса и потребности можетъ случиться и постоянно случается въ современномъ производствѣ, что оказывается излишекъ въ производствѣ какого-нибудь товара. Производитель невиновать въ этомъ; онъ невиновать, что его конкуренты въ Европѣ и сосѣднихъ странахъ произвели этого товара больше, чѣмъ онъ могъ ожидать; потребность въ товарѣ въ обществѣ не уменьшилась; не уменьшилось и количество труда, необходимое для его производства: тѣмъ не менѣе всѣ продукты этого сорта падаютъ, можетъ быть, до половины своей стоимости и ихъ приходится продавать за половинное количество труда, полезно и необходимо опредѣленнаго въ нихъ. Можно ли въ виду этихъ явленій удерживать принципъ, что мѣриломъ цѣнности предмета служить опредѣленное въ немъ количество труда?

Эти соображенія могли бы навести Бастіа на мысль

поставить мѣриломъ цѣнности вмѣсто самаго «труда» «услугу», которая оказывается потребителю предоставленіемъ ему результата труда, потому что, какъ мы увидимъ, подобное объясненіе мнимымъ образомъ разрѣшаетъ эти мнимыя затрудненія. Едва промелькнула въ немъ эта мысль, какъ онъ и всѣ подобныя ему головы съ восторгомъ усмотрѣли услугу, которую эта новая категорія «услуги» должна оказать всѣмъ эксплуататорскимъ интересамъ и всѣмъ слабоумнымъ болтунамъ. Это новое обманчивое слово «услуга» еще мѣтитъ на трудъ; поверхностному человѣку можетъ показаться, что оно подразумѣваетъ усиліе, необходимое для воспроизведенія продукта труда и, стало быть, находится въ полномъ согласіи съ Адамомъ Смитомъ. Но это такое обманчивое, коварное, скользкое слово, что способно влиять на всѣ стороны и лишено всякой опредѣленности, какую представляетъ честное, рѣшительное слово «трудъ». Его нельзя назвать «услугой». Трудно утверждать, что фабрикантъ Рейхенгеймъ работаетъ для своихъ фабричныхъ работниковъ, — напротивъ того, они работаютъ для него, а онъ имъ платитъ, — что двѣ совершенно опредѣленные противоположныя стороны общественнаго процесса производства.

Но съ изобрѣтеніемъ «услуги» нѣтъ ничего легче и правдоподобнѣе, какъ изображать Рейхенгейма и его работниковъ, «оказывающими другъ другу взаимныя «услуги», и такимъ образомъ всякая противоположность между сторонами, участвующими въ общественномъ процессѣ производства, уничтожается, вмѣсто того взорамъ является трогательный обмѣнъ взаимныхъ «услугъ» и общество представляется въ нѣжномъ розовомъ цвѣтѣ совершеннѣйшаго, всесторонняго равенства! Такъ. «Словами очень удобно спорить; изъ словъ можно построить какую угодно систему» (Изъ «Фауста»).

Поэтому «услуга» была единственнымъ и характеристичнымъ «прогрессомъ», на какой была еще способна послѣ Рикардо буржуазная экономія въ предѣлахъ своего міросозерцанія. Это былъ прогрессъ — «лжи»!

Удивительное глубокое согласіе въ развитіи политическаго и экономическаго ученія буржуазіи!

Подобно тому какъ старое, честное, опредѣленное слово «демократія» было перемѣнено на косое и обманчивое

названіе «прогрессисты» — въ этомъ смыслѣ это слово употребляется, за исключеніемъ Испаніи, только въ Германіи, но выражаемое имъ понятіе—общеевропейское,—такъ честное и опредѣленное слово «трудъ» замѣнилось «услугой».

Убѣдившись, что въ предѣлахъ круга своего существованія и своихъ интересовъ ей не преодолѣть противорѣчій, противопоставляемыхъ ей дѣйствительностью въ обѣихъ сферахъ, экономической и политической, буржуазія принялась и здѣсь и тамъ сбивать ихъ лганиемъ и подмѣномъ, стараясь замаять дѣло и обмануть сознаніе!

Немудрено, что все прогрессистскія души во всей Европѣ съ такимъ восторгомъ привѣтствовали бастиатовское изобрѣтеніе «услуги».

Но въ чемъ же, если разобрать строго и точно, состоитъ опредѣленная мысль бастиатовской категоріи «услуги» и чѣмъ отличается она отъ смитъ-рикардоскаго принципа «труда»?

Все дѣло въ томъ, чтобы рѣзко обнаружить эту разницу и то, что заключается въ ней; это разомъ вскрыетъ брюхо этой раздутой категоріи!

На словахъ Бастіа всегда объясняетъ цѣнность, какъ effort, «усиліе», которое люди дѣлаютъ для удовлетворенія своихъ потребностей *).

Безмысленному человѣку можетъ показаться, что здѣсь подъ «усиліемъ» понимается все то же усиліе, которое нужно для воспроизведенія предмета. Значитъ, Бастіа замѣнилъ только слово «трудъ» другимъ худшимъ словомъ, словомъ «усиліе», а сущность осталась та же, т. е. что трудъ, какъ у Смита и Рикардо, есть мѣрило цѣнности. И дѣйствительно, г. Шульце, вы въ самомъ дѣлѣ такъ безсмысленны, что не видите разницы между принципомъ Бастіа и положеніемъ, что трудъ есть опредѣляющее мѣрило цѣнности; по крайней мѣрѣ, вы никакъ не можете выяснить себѣ эту разницу. Поэтому вы и разсуждаете, стр. 64, такъ: «Итакъ, цѣнность заключается единственно въ трудѣ, въ усиліи человѣка, которое нужно, чтобы предоставить въ наше распоряженіе полезный предметъ или оказать намъ по-

*) Напр. «Нагн. ёсоп.» р. 142: «Цѣнность должна согласоваться съ усиліями, которыя люди дѣлаютъ для удовлетворенія своихъ потребностей».

лезную услугу. Это мы можем считать доказаннымъ приведенными примѣрами, потому что если намъ указать на расходы, то вѣдь и они все сходятся къ труду. Ибо, какъ выше доказано, капиталъ, расходуемый въ работѣ, есть непременно плодъ предыдущей работы, и все расходы въ концѣ концовъ сводятся къ рабочимъ платамъ, такъ что наше положеніе оказывается справедливымъ во всемъ своемъ объемѣ».

Не говоря уже о повтореніи нелѣпости, смѣшивать рабочія количества съ рабочими платами, нелѣпости, которую я разобралъ выше (стр. 111), у васъ въ этой тирадѣ одно другого не держится: одни слова ея принадлежать къ бастіатовской теоріи «услуги», другія толкуютъ о «трудѣ», необходимомъ для воспроизведенія предмета, стало быть, относятся къ теоріи «стоимости» Рикардо. Такимъ образомъ вы стряпаете винигретъ изъ двухъ совершенно противоположныхъ теорій, трактуя ихъ за одно, какъ будто между ними нѣтъ никакой разницы.

Нѣтъ, Бастіа этого не думалъ, и хотя былъ очень глупъ, однако не въ такой степени.

Онъ говоритъ прямо: «Я намѣренъ доказать, что цѣнность точно такъ же не заключается въ трудѣ, какъ и въ полезности» (предмета *)).

Нѣсколько ниже **) онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ рѣшительную разницу между своей теоріей и принципомъ труда: «Здѣсь цѣнность далеко не имѣетъ необходимаго отношенія къ труду того, кто оказываетъ услугу; скорѣе можно сказать, что она соответствуетъ труду, отъ котораго избавленъ тотъ, кто получаетъ услугу. Таковъ законъ цѣнности, ея общій законъ, незамѣченный, сколько мнѣ извѣстно, теоретиками, хотя владычествующій въ общей практикѣ. Ниже мы объяснимъ, какимъ удивительнымъ механизмомъ цѣнность стремится, правда, согласоваться съ трудомъ, если онъ свободенъ; но тѣмъ не менѣе вѣрно, что принципъ цѣнности заключается не столько въ усилии совершающаго услугу, сколько въ томъ усилии, отъ котораго избавляется получающій услугу».

*) «Harm. écon.» p. 147.

**) Тамъ же стр. 151.

Стало быть, не въ исполненномъ трудѣ, необходимомъ для воспроизведенія предмета, заключается принципъ и мѣрило цѣнности, а въ трудѣ, отъ котораго избавляется получающій услугу, потребитель, и вотъ въ чемъ состоитъ значеніе «услуги».

Когда имѣешь дѣло съ людьми, играющими роль «комическихъ лицъ» въ драмѣ современной народной экономіи, съ паяцами, какъ вы, г. Фаухеръ, г. Виртъ, г. Михаэлисъ, и т. п. людьми, которые во всю свою жизнь никогда не думали ни одной, ни своей ни чужой, мысли, а всегда и сами издаютъ и отъ другихъ слышать только трезвонъ словъ, то, право, можно ожидать, что въ отвѣтъ на все это они скажутъ: Да не все ли равно, что исполненный трудъ, что устранимый трудъ,—все-таки трудъ! И тутъ и тамъ мѣриломъ цѣнности полагается трудъ же, только съ другимъ прилагательнымъ!

Люди, уши которыхъ способны воспринимать только пустой звукъ и мозгъ которыхъ не пропускаетъ сквозь себя ни одной искры мысли, въ самомъ дѣлѣ способны сказать это. Да вы и говорите! Это прямо вытекаетъ изъ всѣхъ вашихъ разсужденій. Сказавъ, что «трудъ» есть принципъ цѣнности, вы со словами: «Однако, это еще не рѣшаетъ вопроса», — не обинуясь, начинаете излагать бастіатовскую теорію, выдавая ее лишь за болѣе обстоятельное объясненіе и опредѣленіе принципа труда, и заключаете, что при передачѣ продукта заключается только въ томъ трудѣ, отъ котораго избавляется этимъ любитель *).

Для васъ все это очень понятно; но для человѣка со смысломъ достаточно просто привести это бастіатовское извращеніе смитъ-рикардоскаго положенія къ его логическому выраженію, что бы ясно уразумѣть рѣшительное противорѣчіе между этими двумя теоріями и громадную глупость бастіатовскаго открытія.

По Бастіа, принципъ и мѣрило цѣнности заключаются не въ исполненномъ трудѣ, необходимомъ для воспроизведенія продукта, а въ трудѣ, который устраняется для потребителя предоставленіемъ ему продукта, и въ этомъ устраненіи состоитъ услуга.

*) См. р. 64—66 «Рабочаго Катехизиса».

Трудъ, отъ котораго потребитель избавляется, который для него устраняется, есть неисполняемый трудъ, тотъ трудъ, который не дѣлается. Мѣрило цѣнности вещей заключается не въ положительномъ трудѣ производителя, какъ у Смита и Рикардо, а въ неисполняемомъ, несовершенномъ трудѣ потребителя, т. е. въ чисто отрицательномъ! Нѣчто мѣряется ничѣмъ!!!

Пожалуста, не возражайте, г. Шульце, что «устраненный» трудъ равняется вѣдь труду же, который надо употребить, чтобы произвести продуктъ. Не говорите этого, потому что въ такомъ случаѣ теорія Бастіа окажется двойной нелѣпостью. Ибо 1) было бы нелѣпостью ставить мѣриломъ то, что еще само должно быть чѣмъ-нибудь другимъ измѣрено, а не служить мѣрою и 2) все оставалось попрежнему, по принципу труда Рикардо, а Бастіа говоритъ именно, что это не такъ; выходило бы, что никакой «услуги» не существуетъ и что Бастіа ничего не изобрѣлъ, а вѣдь онъ непременно настаиваетъ, что нѣчто изобрѣлъ.

Вотъ такая «мерзость передъ Господомъ», говоря библейскимъ языкомъ, это бастіатовское открытіе, а между тѣмъ на немъ основана вся его слава! Потому что это, по крайней мѣрѣ, единственная новая мысль, высказанная этимъ остроумомъ въ его книжкѣ.

Этого простого выраженія логическаго содержанія бастіатовскаго принципа цѣнности было бы совершенно достаточно, чтобы возбудить надъ нимъ заслуженный громкій хохоть въ людяхъ, мало-мальски усвоившихъ себѣ логическое и діалектическое мышленіе.

Но, къ сожаленію, большинство нашихъ экономистовъ далеко не логики и не діалектики, и потому приходится, разъяснивъ логическую чудовищность бастіатовскаго открытія, объяснить еще его реальную экономическую невозможность и чудовищность.

Итакъ, цѣнность должна заключаться въ трудѣ или усилии, не исполненномъ производителемъ, а устраненномъ для потребителя или—какъ въ изящно выражается—«любителя».

Не буду говорить о новыхъ открытіяхъ. Желѣзныя дороги изобрѣтены недавно. Но положили, что кельнъ-минденская дорога еще не построена и что я учреждаю общество капи-

талистовъ, которое строить кельнъ-минденскую дорогу и соединяетъ желѣзной дорогой два другіе города, еще не имѣющіе такого пути сообщенія. Теперь спрашивается; будетъ ли это общество брать за билетъ съ потребителя, съ «любителя», говоря вашимъ стилемъ, г. Шульце, за оказываемую ему «услугу» «тотъ трудъ, тотъ расходъ силъ и средствъ», которые сберегаются ему оказаніемъ этой услуги, какъ утверждаете вы съ Бастіа? Будутъ ли билеты продаваться по цѣнѣ, равной тому расходу силъ, средствъ и времени, который любителю пришлось бы сдѣлать, если бы онъ хотѣлъ попасть изъ Кельна въ Минденъ попрежнему пѣшкомъ или въ экипажѣ? Ну нѣтъ, если бы кельнъ-минденская желѣзная дорога приняла подобный принципъ въ основаніе своего тарифа, дѣла бы ея пошли изъ рукъ вонъ скверно, и пассажиръ для нея былъ бы рѣдкостью! Да притомъ, неужели вы не видите, г. Бастіа-Шульце, что все культурное значеніе желѣзныхъ дорогъ обратилось бы въ нуль, если бы публика должна была платить за это средство сообщенія цѣну, равную тому расходу, отъ котораго ее избавляетъ услуга желѣзныхъ дорогъ.

Надо замѣтить еще, что примѣръ этотъ заимствованъ изъ области, не подлежащей вліянію свободнаго соперничества, потому что до сихъ поръ между двумя городами бываетъ обыкновенно только одна желѣзная дорога. Обладая фактически монополіемъ, общества желѣзныхъ дорогъ еще всего скорѣе могли бы заявить столь непомерное притязаніе, если бы оно не было абсолютно невозможно по собственной нелѣпости и по всѣмъ условіямъ нашего производства.

Теперь взглянемъ на производства, подлежащія вліянію свободнаго соперничества.

Неужели мнѣ приходится доказывать вамъ, что все наше производство, весь прогрессъ цивилизаціи, отъ самаго малаго до самаго великаго, возрастающая дешевизна продуктовъ, каждый дальнѣйшій шагъ въ раздѣленіи труда—все это основано только на томъ, что оплачивается не трудъ, отъ котораго избавляетъ услуга, а положительный трудъ, всегда безконечно менѣйшій и постоянно уменьшающійся, необходимый для производства предмета? Не будь этого теперь, не будь этого всегда, міръ стоялъ бы нынѣ еще на той самой точкѣ что 400 лѣтъ тому назадъ и даже раньше, во мракѣ времени.

Всякій прогрессъ обусловливается исключительно и непремѣнно принципомъ, прямо противоположнымъ Бастіа; обусловливается тѣмъ, что потребителю сберегается «услугой» все больше труда, а производителю для произведенія продукта приходится тратить и оплачивается ему въ цѣнѣ продуктовъ все меньше труда, такъ что разность между трудомъ, исполненнымъ производителемъ, и трудомъ, сбереженнымъ потребителю, становится все громаднѣе! Если бы міръ создавался буржуазно-прогрессистскимъ разумомъ господъ Бастіа-Шулце, они удавили бы весь прогрессъ еще въ колыбели этимъ принципомъ, какъ идеальнымъ галстукомъ!

Всего забавнѣе, что эта глубокомысленная теорія измышлена именно Бастіа, тѣмъ самымъ Бастіа, который и всюто свою книженку написалъ съ прямою цѣлью доказать, что la gratuité, «бесплатность» продуктовъ постоянно возрастаетъ и что это непрерывное улучшение положенія потребителя есть культурно-историческій ходъ экономического развитія, «истинный коммунизмъ»—такъ угодно назвать ему старую, давно всѣмъ извѣстную истину, что продукты дешевѣютъ. Такова глупость этого человѣка и ему подобныхъ, что они не замѣчаютъ глубокаго внутренняго противорѣчія двухъ положеній, которыя проповѣдуютъ одновременно, одно вслѣдъ за другимъ, не переводя духа, и размазываютъ на цѣбля книжицы *).

*) Принципъ Бастіа до того нелѣпъ, что и самъ авторъ его не можетъ удержаться на немъ и принужденъ безпрестанно внидать въ законъ Рикардо, который опровергаетъ. Такъ напр., онъ говоритъ («Нагн. ёсон.» р. 250): «Плата землевладѣльцу, мельнику и проч., я оплачиваю чело-вѣческой трудъ, который надо было употребить, чтобы изготавить орудія» и т. д. Не должно думать, чтобы это обращеніе къ принципу Рикардо за-висѣло лишь какъ неточности выраженія. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 348) Бастіа повторяетъ то же самое еще забавнѣе: «Благодаря моему солнцу—говоритъ у него житель тропиковъ европейцу—я могу производить извѣст-ное количество сахара, кофе, какао, хлопчатой бумаги съ трудомъ равное 10, между тѣмъ какъ европеецъ при дорогихъ вспомоgetельныхъ средствахъ долженъ въ своемъ холодномъ климатѣ для производства этихъ вещей упо-треблять трудъ равный 100»; поэтому житель тропиковъ и требуетъ съ него сначала за эти предметы равное 100. Потомъ послѣ трехъ страницъ разма-зыванія и пережевыванія этотъ скучный болтушъ заключаетъ наконецъ тѣмъ (стр. 350), что вслѣдствіе конкуренціи житель тропиковъ въ концѣ концовъ вынужденъ обмѣнить свой продуктъ «за европейскій трудъ равный 10» (et

Итакъ, г. Шульце, я сдержалъ всѣ три обѣщанія, которыя далъ вамъ. Я показалъ вамъ, во первыхъ, изъ какихъ мнимыхъ недоразумѣній, будто бы не разрешаемыхъ ученіемъ Рикардо о трудѣ, какъ исключительномъ мѣрилѣ цѣнности, возникла бастіатовская теорія «услуги». Впрочемъ, самъ Бастіа основываетъ свою теорію не на этихъ недоразумѣніяхъ, а единственно на ребяческомъ примѣрѣ алмаза *). Но я тѣмъ

enfin a dix). Вотъ до какой степени справедливо, по собственному доказательству Бастіа, что принципъ цѣнности—не трудъ, нужный для производства, а сберегаемый потребителю!! Но это не мѣшаетъ Бастіа разглагольствовать глубокомысленно на стр. 177 такъ: «Опредѣленіе англійскаго экономиста грѣшитъ особенно въ слѣдующемъ. Утверждать что цѣнность заключается въ трудѣ, значитъ возбуждать въ людяхъ мысль, будто результаты труда служатъ другъ другу взаимною мѣрою, что они пропорціональны другъ другу. Но это противорѣчить фактамъ». До того въ самомъ дѣлѣ противорѣчитъ, что по собственному доказательству Бастіа житель тропиковъ вынужденъ обмѣнивать 10 единицъ своего труда въ концѣ концовъ на 10 же единицъ европейскаго труда! И этотъ человѣкъ, у котораго не хватаетъ даже смысла и памяти, чтобы замѣчать свои собственные ежеминутныя безсмысленныя противорѣчія—это современный герой, выликанный буржуазіей съ 1848 г. и поставленный ей представителемъ «науки»! Наши «научные политико-экономисты», какъ они любятъ называть себя, преспокойно читали всѣ эти противорѣчія и бессмыслицы, совершенно не сознавая ихъ. Умственный упадокъ нашей буржуазіи лучше всего доказываетъ, что царствію ея приходитъ конецъ.

*) По Рикардо, этотъ ребяческій примѣръ сбивается очень просто тѣмъ, что алмазы принадлежатъ къ разряду продуктовъ, число которыхъ не можетъ по произволу увеличиваться и цѣна которыхъ опредѣляется поэтому только спросомъ и предложеніемъ; другими словами, умноженіе числа ихъ потребовало бы такихъ огромныхъ расходовъ производства, что они стояли бы въ цѣнѣ также высоко или еще выше; поэтому человѣкъ, нашедшій алмазъ по исключительнымъ обстоятельствамъ безъ всякихъ расходовъ на производство, конечно, можетъ требовать за него нормальную цѣну его, подобно тому какъ промышленный фабрикантъ, одинъ обладающій какой-нибудь тайной, сокращающей расходъ производства, можетъ продавать свой товаръ по нормальной цѣнѣ расходовъ. Еслибы когда-нибудь пошелъ алмазный градъ, они сдѣлались бы дешевле, да и въ дѣйствительности цѣнность алмазовъ понизилась значительно въ древности.

Бастіа самъ говоритъ (стр. 153): «Возьмите собраніе экономистовъ, прочтите и сравните всѣ опредѣленія (цѣнности). Если найдете хотя одно, которое подходило бы и къ воздуху, и къ алмазу, къ двумъ, повидимому, столь противоположнымъ предметамъ, то бросьте эту книгу въ огонь». Такъ какъ опредѣленіе цѣнности Рикардо одинаково подходитъ къ алмазу, и къ воздуху, который, по Рикардо, вовсе не имѣетъ никакой цѣны; потому что не есть результатъ человѣческаго труда, то давно надо бы послѣдовать этому совѣту Бастіа. Впрочемъ, въ

болѣе желалъ пособить ей, выставивъ эти, повидимому, очень серьезные затрудненія, такъ какъ бастіатовская теорія «услуги» дѣйствительно разрѣшаетъ ихъ *), вслѣдствіе чего, можетъ быть, многіе и приняли ее такъ охотно. Но, во-вторыхъ, мы видѣли, что нельзя принять эту теорію ради потребности объяснить нѣкоторые частные случаи, потому нельзя, что она представляетъ самую отчаянную логическую нелѣпость, что основана на блистательной мысли сдѣлать мѣриломъ цѣнности н е р а б о т а н і е, и что наконецъ, въ-третьихъ приводитъ къ непримѣрной экономической чудовищности.

Теперь еще, въ-четвертыхъ, я вкратцѣ объясню вамъ, какимъ образомъ эти мнимыя затрудненія устраняются по принципу цѣнности Рикардо, хотя по настоящему это объясненіе относится къ анализу свободного соперничества и господствующаго при немъ закона рыночной цѣны.

Трудъ есть дѣятельность, стало быть, движеніе. А всѣ количества движенія суть время. Это зналъ еще Платонъ **) и даже до Платона—іонійская фило-

немъ выражается справедливое сознание, что вся его книжица въ 388 страницъ есть не что иное, какъ неумолимое разглагольствованіе все объ этомъ алмазѣ.

Вся бѣда Бастіа въ томъ, что алмазъ этотъ у него находятъ въ Европѣ, гдѣ именно алмазовъ не находится. Если бы онъ предположилъ находку алмаза тамъ, гдѣ это дѣйствительно бываетъ, въ Остѣ-Индіи или Бразиліи, то увидѣлъ бы, что нашедшему и не думаютъ уплачивать «услугу», которую онъ оказываетъ предоставленіемъ алмаза. Въ Самбугульпурѣ, въ Индостанѣ, въ 16 деревняхъ живетъ два племени алмазо-искателей, Сара и Тора; они занимаются цѣлыми семьями съ женами и дѣтьми, раскапываніемъ ложа рѣки Могоноди, гдѣ отыскиваются алмазы. Это народъ самый бѣдный, одѣтый въ жалкія лохмотья, потому что они обязаны отдавать найденные алмазы раджѣ, такъ что положеніе ихъ нисколько не было бы хуже, если бы состояли въ наймѣ у какого-нибудь европейскаго акціонернаго общества.

Въ Бразиліи бриліантовья копи разрабатываются неграми и управитель даритъ свободу негру, нашедшему алмазъ въ 17 каратовъ. Хорошо, что бастіа не зналъ этого, а то непременно объяснилъ бы этимъ возникновеніе гражданской свободы.

*) По этой теоріи отвѣтъ былъ бы очень простъ, а именно, что по-стѣ новаго изобрѣтенія или по измѣненіи вкуса или при изишествѣ продукта потребителю не было бы оказано никакой «услуги», если бы ему приходилось заплатить за все количество труда, которое прежде было необходимо израсходовать на производствѣ предмета.

**) Plat. «Timaeus», p. 37 C.

софія *). Рикардо, не будучи метафизикомъ, также пришелъ къ этой истинѣ, хотя не метафизическимъ путемъ.

Приведеніе всѣхъ цѣнностей къ количествамъ труда, а количествъ труда къ единицамъ рабочаго времени—такова блистательнѣйшая заслуга буржуазной экономіи въ лицѣ Рикардо, вотъ ея величайшее и послѣднее слово!

Вы видите, г. Шульце, что и между противниками бывають люди, которыхъ охотно и радостно признаешь великими и передъ которыми почтительно поклоняешься! Рикардо—глава и крайній предѣлъ развитія буржуазной экономіи, которая послѣ него уже не сдѣлала ни малѣйшаго прогресса. Онъ развилъ ее до крайней ея вершины, т. е. какъ разъ до той пропасти, на краю которой ей въ силу ея собственнаго теоретическаго развитія ничего больше не остается, какъ перевернуться и обратиться въ социальную экономію. Соціальная экономія есть не что иное, какъ борьба противъ Рикардо, борьба которая въ то же время есть имманентное дальнѣйшее развитіе его ученія. Достигнувъ этой вершины, наука буржуазной экономіи, вмѣсто того, чтобы съ мужествомъ науки спуститься въ эту пропасть, предпочла принять обратный спускъ съ вершины горы.

Теперь социальной экономіи приходится вести борьбу съ нами и съ Бастіа, вмѣсто того, чтобы бороться противъ Рикардо,—и уже это одно доказываетъ, въ какую отвратительную карикатуру изуродовалась съ тѣхъ поръ европейская буржуазія.

Итакъ, всякая цѣнность сводится къ рабочему времени, необходимому для произведенія продукта **)

Далѣ!

Надо ли разумѣть подъ этимъ рабочимъ временемъ индивидуальное рабочее время?

*) См. мою «Философію Гераклита Темнаго», Т. II, 120; р. 210—216; р. 111. Въ этихъ мѣстахъ этого сочиненія Лассаля можно видѣть, какимъ образомъ физическое наблюденіе движеній солнца и моря привело этихъ древнихъ философовъ къ метафизическому объясненію времени движеніемъ.

Прим. перев.

**) Причемъ день качественнаго, сложнаго труда разлагается на большое количество некачественнаго, грубаго труда, который составляетъ его единицу мѣры.

Я работаю: судя по подлежащему этого предложениа, по субъекту дѣйствія, можно думать, что всякій трудъ есть индивидуальный трудъ. Оно было бы такъ и по объекту дѣйствія, по предмету, который производится въ этомъ движеніи работанія, т. е. стало быть, по количеству движенія (времени), которое реализуется, дѣлается конкретнымъ, такъ сказать, застываетъ въ продуктъ, если бы я работалъ реальныя полезности, предметы моей личной потребности. Но это давно уже не такъ. Я работаю для потребностей всѣхъ людей, а не для своихъ; я произвожу въ годъ столько-то миллионъ булавокъ; я создаю мѣновыя цѣнности, и всѣ прочіе дѣлаютъ то же самое, также производятъ въ создаваемыхъ ими мѣновыихъ цѣностяхъ предметы для потребностей другихъ людей, а не для своихъ.

Но производимая мною мѣновая цѣнность тогда только будетъ мѣновою цѣностью, когда превратится въ потребительную цѣнность, въ полезность для другого.

Мои пакеты съ булавками тогда только окажутся мѣновыми цѣностями, когда, наоборотъ, окажутся потребительными цѣностями для всего свѣта, когда перейдутъ въ нѣжныя ручки дамъ, которымъ были адресованы при самомъ производствѣ своемъ.

Стало быть, я исполнилъ моимъ трудомъ реальный (т. е. создающій потребительныя цѣнности, полезности) индивидуальный трудъ всѣхъ индивидуумовъ, т. е. общій, общественный трудъ. Въ созданномъ мною продуктѣ реализовалось, застыло, застужено мною не мое индивидуальное рабочее время, а общее общественное рабочее время, и оно-то составляетъ единицу мѣры для количества, застывшаго въ продуктѣ.

Но общее, общественное рабочее время имѣть свое самостоятельное бытіе въ формѣ денегъ. Деньги—это объектированное общественное рабочее время, очищенное отъ всякой индивидуальной опредѣленности частной работы (какъ-то: булавочной, деревянной, полотняной работы). Товаръ содѣлывается тѣмъ, чѣмъ долженъ быть—реализованнымъ общественнымъ ра-

бочимъ временемъ, только черезъ salto mortale товара въ деньги. *)

Видите, г. Шульце! Все это вы могли бы узнать отчасти изъ внимательнаго чтенія англійскихъ экономистовъ, отчасти собственнымъ оригинальнымъ мышлениемъ. Но оригинальнаго, творческаго мышленія нельзя ни отъ кого требовать. Зато можно строго требовать, чтобы человекъ, который берется писать и учить о какомъ-нибудь предметъ, зналъ по крайней мѣрѣ все, что сдѣлано великаго и замѣчательнаго по этому предмету.

И видите, г. Шульце! Все, что я вамъ только-что сказалъ о деньгахъ и объ общественномъ значеніи рабочаго времени, какъ единицы мѣры цѣнности—все это заимствовано по умственной сущности своей, все это представляетъ лишь краткое, сжатое извлеченіе изъ одного въ высшей степени важнаго и превосходнѣйшаго сочиненія, изъ котораго заимствованы и слова, приведенныя въ кавычкахъ*),—изъ сочиненія, вышедшаго еще въ 1859 г., стало быть, за пять лѣтъ до вашего Катехизиса и которое поэтому вамъ слѣдовало бы знать! Вамъ тѣмъ болѣе слѣдовало знать это сочиненіе, что издано оно вашимъ пріятелемъ Дункеромъ. Это великолѣпное сочиненіе Карла Маркса: «Къ критикѣ политической экономіи», составляющее эпоху въ развитіи экономической науки **).

*) Salto mortale товара въ деньги. Это выраженіе Карлъ Маркъ повторяетъ и въ новѣйшемъ сочиненіи своемъ «Капиталъ». *Прим. перев.*

**) Берлинъ 1859. Изд. Франца Дункера. Къ сожалѣнію, вышелъ только 1-й выпускъ этого отличнаго сочиненія; въ немъ рассматриваются только «товаръ» и «деньги». *Прим. Лассалъ.*

Теперь вышелъ первый томъ большаго сочиненія Маркса, гдѣ подробно развиты «товаръ», «деньги», «капиталъ», «прибыль», «капиталистическое производство» и «процессъ накопленія капитала». Это сочиненіе, истинная научная социальная экономія, переводится въ настоящее время и выйдетъ вслѣдъ за переводомъ сочиненій Лассалъ. Странно, что Маркъ жалуется въ немъ на Лассалъ за пользованіе его сочиненіями безъ ссылокъ, въ развитіи, напр., историческаго характера капитала, въ объясненіи связи между условіями производства и способомъ его и т. д. Мы только-что видѣли, какъ Лассалъ воздастъ ему должное. Онъ говоритъ также, будто въ передачѣ Лассалъ его мыслей въ настоящей книгѣ противъ Шульце-Делича есть значительныя недоразумѣнія. Жаль, что онъ не объяснилъ, въ чемъ они заключаются, а этотъ отзывъ можно объяснить авторскимъ тщеславіемъ. См. «Capital», р. VII. *Прим. перев.*

Но что вамъ до всего этого! Вы не читали ни Карла Маркса, ни Родбертуса, ни Мальтуса, ни Рикардо, ни Адама Смита, ни Джемса Стюарта, ни Петти, ни Буагильбера, ни Сисмонди; это очевидно всякому знающему, кто прочтетъ ваши строченія. Но все это пустяки! Все-таки вы великій экономистъ, человѣкъ науки, учитель работниковъ! Потому что вы человѣкъ по сердцу «Народной Газетѣ», «Национальной Газетѣ», а больше ничего не требуется.

Теперь вы видите, г. Шульце, какъ устраняются мнимыя затрудненія, повидимому, предстоявшія теоріи Рикардо, что трудъ есть единственное мѣрило цѣнности, и что всѣ цѣнности суть лишь количества рабочаго времени.

Я сказалъ: можно ли утверждать, что трудъ составляетъ мѣрило цѣнности, если мы видимъ, что человѣкъ, употребившій на производство предмета лишь нормально-потребныя расходы, которые всѣ сводятся на извѣстное количество рабочаго времени (а не рабочихъ платъ, г. Шульце!), можетъ быть, завтра вынужденъ уступить свой продуктъ за половину стоимости его производства вслѣдствіе того, что какое-нибудь новое изобрѣтеніе удешевило это производство?

Да разумѣется, г. Шульце! Поймите: индивидуальный трудъ этого человѣка, вложенный въ этотъ продуктъ въ количествѣ, бывшемъ необходимымъ въ то время, правда, не уменьшился и не измѣнился; но общественное рабочее время, представляющееся застывшимъ въ этомъ продуктѣ, измѣнилось, потому что ежалося, еще больше застыло.

Точно такъ же вы должны понять и то, какимъ образомъ распродажа по цѣнѣ гораздо ниже стоимости ихъ производства или совершенное прекращеніе сбыта ихъ вслѣдствіе перемѣны вкуса или излишняго производства извѣстнаго товара,—какимъ образомъ эти явленія согласуются съ теоріей рабочаго времени. Дѣло въ томъ, что товары теперь не могутъ совершить свое *salto mortale* въ деньги, потому что теперь, по перемѣнѣ вкуса, они уже не представляютъ собою общественного рабочаго времени; они уже не мѣновыя цѣнности, потому что перестали быть потребительными цѣнностями. Такъ и излишнее количество товара при излишкѣ производства его. Если, напр., человѣческому обществу нуженъ 1 милліонъ аршинъ шелка,

а предприниматели произвели 5 миллионѣвъ аршинѣвъ, то они израсходовали только много индивидуальнаго рабочаго времени, но общественное рабочее время, заключающееся въ шелковыхъ товарахъ, не возрасло, потому что не возрасла реальная потребность всѣхъ отдѣльныхъ лицъ въ трудѣ, выраженномъ въ шелкѣ. Теперь въ 5 миллионѣвахъ аршинѣвъ шелка заключается лишь то же количество общественнаго рабочаго времени, какое прежде заключалось въ 1 миллионѣ, и вслѣдствіе этого эти 5 миллионѣвъ аршинѣвъ частной шелковой работы вѣсятъ на вѣсахъ своей совѣсти, т. е. будучи измѣряемы по количеству содержамаго въ нихъ общественнаго рабочаго времени, будучи измѣряемы на деньги, вѣсятъ не больше, чѣмъ прежде одинъ миллионъ аршинѣвъ.

То самое количество общественнаго рабочаго времени, которое заключалось прежде въ 1 миллионѣ аршинѣвъ, растянулось теперь на 5 миллионѣвъ. Слѣдовательно, теперь 5 миллионѣвъ аршинѣвъ могутъ купить ровно столько же денегъ, сколько прежде покупалось на 1 миллионѣ аршинѣвъ, и аршинѣвъ шелковой ткани долженъ бы, стало быть, упасть до 0,4 своей прежней цѣны; но въ дѣйствительности, при излишкѣ производства—какъ всего рѣзче замѣтно на хлѣбѣ—общая цѣна всего количества товара, созданнаго излишнимъ производствомъ, далеко не достигаетъ даже прежней общей цѣны потребнаго количества: слѣдовательно, въ нашемъ примѣрѣ аршинѣвъ шелка упадетъ не до 0,2, а до 0,4 или 0,1 своей прежней цѣны.

Обстоятельное объясненіе этого отклоненія относится къ разсмотрѣнію свободнаго соперничества и рыночной цѣны. Однако, мы можемъ здѣсь вкратцѣ показать необходимую причину его. Когда начинаетъ грозить опасность, что изъ 5 миллионѣвъ аршинѣвъ шелка 4 миллионѣвъ застрянутъ въ лавочныхъ кладовыхъ, то между продавцами начинается соперничество съ авкой цѣны, и вмѣсто того, чтобы настаивать на 0,2 прежней цѣны, до которой она пала вслѣдствіе сжатія въ товарѣ общественнаго рабочаго времени, каждый предпочитаетъ спустить цѣну до 0,4, 0,1 и болѣе прежней цѣны, лишь бы избѣжать опасности, что именно его товаръ попадетъ въ число сданныхъ въ архивъ статей буржуазнаго процесса производства.

Если вы слушали меня внимательно, г. Шульце, то должны теперь ясно понимать всю сущность буржуазнаго «дѣла». Общественное рабочее время или мѣновая цѣнность есть холодный античный рокъ буржуазнаго міра. Насколько выше или ниже мѣрила цѣнности—общественнаго рабочаго времени—удастся мнѣ продать мою индивидуальную работу или пріобрѣтенные мною продукты чужого труда?—Вотъ вопросъ, въ которомъ заключаются все радости и страданія буржуазнаго Вертера! Въ этомъ колебаніи между переборомъ и недоборомъ, между ущербомъ продавца и ущербомъ покупателя состоитъ весь интересъ буржуазной драмы и вкратцѣ законъ рыночной цѣны. Мѣрило цѣнности, эта сущность буржуазнаго міра—отвлеченный общественный трудъ—проявляется только въ постоянномъ нарушеніи своемъ, въ переборѣ и недоборѣ, въ активномъ или пассивномъ обмѣнѣ рыночной цѣны. Въ древнемъ мірѣ при его гуманномъ направленіи смутное инстинктивное пониманіе этого вызвало античное представленіе торгошаго mercator.

Наконецъ здѣсь мнѣ удобнѣе всего объяснить вамъ, г. Шульце, какъ велико ваше заблужденіе относительно того, будто «капиталь» никогда не состоитъ въ суммѣ денегъ, а всегда лишь въ реальныхъ продуктахъ. Вы хотите показать этой фразой, что выписали не изъ одного Бастіа, а заглядывали также въ учебникъ Сэ; вы такъ гордитесь этимъ, что повторяете фразу нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ, даже тамъ, гдѣ она ни къ селу, ни къ городу! Но какъ же, г. Шульце? Вѣдь капиталъ вашъ богъ: какъ же вы не узнаете бога въ самомъ чистомъ, непосредственномъ образѣ?

Какъ!—закричите вы: стало быть, ты отрицаешь великое положеніе Ж. Б. Сэ, что продукты обмѣниваются только на продукты, что при этомъ деньги лишь «посредствующій товаръ», и что поэтому весь капиталъ состоитъ только въ реальныхъ продуктахъ страны!?

Это «великое» положеніе Сэ, при всей своей относительной справедливости, всегда напоминало мнѣ одну заданную мнѣ загадку.

Меня спросили: «Какая разница между Наполеономъ I и бабкой Мюллершей?»

Сколько я ни ломалъ голову, не могъ разгадать загадку и наконецъ сдался тогда мнѣ сказали разгадку: Наполеонъ I былъ мужчина, а бабка Мюллерна была женщина.

Тогда я вполне понялъ истину этой разгадки!

Дѣйствительно, лишь бы хватило пошлости упустить изъ виду всѣ конкретныя определенности личностей Наполеона I и бабки Мюллерши, и мы придемъ къ отвлеченному равенству, состоящему въ томъ, что оба они люди, а разъ, что мы пришли къ этому отвлеченному равенству, тотчасъ само собою оказывается, что они отличаются другъ отъ друга какъ женщина и мужчина.

Точно такъ же истинно положеніе Сэ, что продукты обмѣниваются только на продукты, что поэтому капиталъ страны состоитъ только въ ея продуктахъ и что деньги не капиталъ. Здѣсь истина также состоитъ именно въ отвлеченіи отъ всѣхъ дѣйствительныхъ конкретныхъ определенностей экономического процесса.

Въ дѣйствительности продукты никогда на продукты не обмѣниваются, а всегда на деньги. Пока продукты не совершили *salto mortale* въ деньги—для кого они будутъ капиталомъ? Для своихъ владѣльцевъ, у которыхъ сложены въ лавочныхъ кладовыхъ?

Но спросите-ка любого кушца, начиная отъ богатыхъ хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ фабрикантовъ до какого-нибудь мизернаго перешлетчика, торгующаго портфелями, писчей бумагой и портмоне, можетъ ли онъ уплачивать своими продуктами векселя, сколько бы вы ни твердили имъ положеніе Сэ, что эти продукты—«капиталь»! Посмотрите, съ какими пожертвованіями часто достаетъ себѣ капиталъ у ростовщика мелкій торговецъ при приближеніи срока уплаты векселя, хотя лавка и магазинъ биткомъ набиты у него севскими капиталами, непроданными продуктами.

Стало быть, для продавца продукты не капиталы.

Для кого же они капиталы? Въ рукахъ третьяго лица они могутъ быть употреблены на дальнѣйшее производство и такимъ образомъ оказаться капиталомъ. Но чтобы они послужили этому лицу капиталомъ, надо же прежде, чтобы оно купило ихъ, надо, чтобы они перескочили сперва въ деньги, превратились сперва въ деньги. Следовательно, они имѣютъ возможность сдѣлаться капиталомъ.

Но развѣ возможность все равно, что дѣйствительность? Развѣ способность есть осуществленіе? Развѣ предстоящее то же, что совершенное?

Конкретная опредѣленность простыхъ продуктовъ, что касается основного капитала, напр. паровой машины, то это, конечно, уже не простой продуктъ, а принадлежитъ къ высшей, особенной категоріи, до которой намъ пока дѣла нѣтъ.—конкретная опредѣленность простыхъ продуктовъ, говорю я, состоитъ, слѣдовательно, именно въ томъ, что въ нихъ характеръ капитала прекращенъ на время, снять съ нихъ.

Капиталъ пульсирующій въ процессѣ буржуазнаго производства имѣетъ въ біеніи своемъ паузы и, время этихъ паузъ называется продуктомъ. Какъ скоро пульсъ опять начинаетъ биться, продуктъ исчезаетъ и потребляется на дальнѣйшее производство.

Другими словами, надо понять тутъ то, чего никогда не понимали буржуазные экономисты—а именно, простую діалектическую противоположность производства и продукта. Производство есть рѣка; сила, движущая ее, есть капиталъ. Продуктъ—застывшая вода этой рѣки. Въ продуктъ она останавливается. Чтобы опять сдѣлаться капиталомъ, продукту надо быть выведену изъ этого застывшаго состоянія и снова пущену въ рѣку производства, т. е. надо перестать существовать какъ продуктъ (какъ съѣстные припасы, напр., или сырой матеріалъ для дальнѣйшей работы). Итакъ, въ продуктѣ капиталъ находится именно въ томъ опредѣленномъ состояніи, что есть не капиталъ, есть уничтоженный капиталъ! Съ 1848 г. главныя усилія буржуазнаго міра были обращены преимущественно на преодоленіе этого противорѣчія въ предѣлахъ собственнаго круга, потому что сѣвская иллюзія на практикѣ, конечно, никуда не годится.

Какъ дѣлается, чтобы продуктъ былъ дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ онъ самъ по себѣ есть, а именно капиталомъ? Такова философская формула этой задачи.

Какъ закладывать товары—таковъ ея буржуазный переводъ. Но весьма немногимъ статьямъ оптовой торговли удавалось прорваться такимъ образомъ прямо въ

капиталь, какъ, напр., у насъ маслу, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ банки берутъ въ залогъ. Но всѣ усилія устранить это противорѣчіе буржуазнаго производства такъ, чтобы оно было устранено для всѣхъ вообще товаровъ, были безуспѣшны *), и нашимъ «товаро-кредитнымъ обществамъ» **) эта пѣсня хорошо знакома. Частный успѣхъ нѣкоторыхъ статей оптовой торговли могъ, конечно, послужить лишь къ умноженію выгодъ и силъ крупнаго капитала и тѣмъ еще болѣе удручить среднее сословіе.

Капиталь, говорю я, пульсирующій въ процессѣ буржуазнаго производства, имѣетъ въ біеніи своемъ паузы, и во время этихъ паузъ называется продуктомъ. Но есть одинъ, только одинъ продуктъ, въ которомъ этихъ паузъ никогда не бываетъ, въ которомъ пульсъ всегда бьется въ полной жизненной теплотѣ,—продуктъ, который всегда есть въ то же время капиталъ. Этотъ капиталъ—продуктъ—деньги! Деньги поэтому не просто тоже капиталъ, какъ всякій другой продуктъ, а капиталъ *par excellence*, самъ богъ-отецъ собственной персоной.

Свойство ихъ какъ капитала находится въ нихъ въ жидкомъ состояніи, всегда можетъ быть разлито оплодотворяющимъ образомъ на что угодно, гдѣ угодно. Деньги, какъ «капиталь *par excellence*» суть поэтому еще больше капиталъ, чѣмъ даже основной капиталъ.

Хлопчато-бумажная ткацкая машина есть, конечно, капиталъ и притомъ въ гораздо высшемъ, болѣе качественномъ смыслѣ, чѣмъ простой продуктъ, но когда въ Ланкаширѣ наступилъ хлопчато-бумажный кризисъ, этимъ маши-

*) Прудоновскій «*Vaquet du Peuple*» былъ тоже изъ подобныхъ проектовъ. Поэтому знающихъ буржуазное направленіе Прудона нисколько не удивилъ поступокъ его адъютанта, г. Даримона, который открыто высказался въ засѣданіи законодательнаго корпуса въ пользу шульце-бастиатовской теории, несмотря на прежнюю борьбу Прудона противъ Бастиа. Они всегда были собратья по направленію и борьба была просто недоразумѣніемъ. Тѣмъ не менѣе поступокъ Даримона представляетъ интересный симптомъ европейскаго значенія, принятаго заразой прогрессизма.

**) Извѣстна участь берлинскаго товаро-кредитнаго общества. Поступокъ Даримона ровно ничего противъ Прудона не доказываетъ, потому что Даримонъ просто перебѣжалъ къ наполеоновскому правительству. Недобросовѣстно влѣзать поступки измѣнившихъ ему поспѣдователей.

намъ пришлось остановиться; стало быть, онѣ были временно разжалованы мѣ капиталомъ, чего съ деньгами никогда не можетъ случиться. Даже тѣ фабриканты, у которыхъ были еще запасы хлопка, прекратили работы на машинахъ, предпочли, не взирая на Ж. Б. Сэ и на яростныя упреки «Times», пустить свой хлопокъ и свои деньги въ торговлю, сдѣлались купцами, принялись спекулировать на дальнѣйшее повышеніе цѣны хлопка и такимъ образомъ доказали, что знать не хотятъ теоретической чепухи и очень хорошо понимаютъ свои практическія выгоды.

Какъ бы ни подтрунивала надъ меркантильной системой либеральная экономія, воображающая себя нивѣтъ какой премудростью,—но деньги суть всевѣдущій, всемогущій и всепремудрѣй, словомъ, чтобы не исчислять всѣхъ божьихъ атрибутовъ—абсолютный капиталъ.

Ну, не посрамлены ли вы, г. Шульце, вы поклонникъ капитала, не узнавшій своего бога, когда онъ вамъ явился въ своемъ существеннѣйшемъ образѣ, въ своемъ огненномъ золотомъ сіяніи, и къ Моисею въ неопалимой купинѣ?

«d) Конкуренція». «Если съ насъ требуютъ за услугу—такъ начинаете вы этотъ отдѣлъ, стр. 67—больше, чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, то кромѣ возможности самимъ изготовить нужную вещь, мы имѣемъ еще другой исходъ, а именно получить желаемое отъ третьяго лица; это, какъ я сказалъ выше, составляетъ главное предохранительное средство противъ излишней дороговизны». Вотъ какъ! Кромѣ «возможности самимъ изготовить нужную вещь» мы имѣемъ еще исходъ—получить ее отъ третьяго лица? Да вѣдь это животъ надорвешь, какъ послушаешь ваше описаніе производства! Это лучше объѣна лишнихъ продуктовъ, не потребляемыхъ самимъ производителемъ.

Затѣмъ вы разглагольствуете про пилу дровосѣка, про инструментъ слесаря, про котель прачки такъ премудро, что съ вами не сравнится никакая прачка, и завершаете слѣдующимъ объясненіемъ свободнаго соперничества: «Такимъ образомъ, въ конкуренціи мы имѣемъ главный регуляторъ цѣнности. Мы уже признали свободу началомъ труда и объѣна, т. е. право всѣхъ предпринимать все возможное, заниматься всѣмъ, чѣмъ угодно, что обѣщаетъ выгоду, а даль-

нѣйшее право всѣхъ со всѣми обмѣниваться есть свободное соперничество.

Объяснивъ такимъ образомъ, что и свободное соперничество есть все тотъ же обмѣнъ и размазавъ это объясненіе на цѣлой страницѣ, вы на двухъ слѣдующихъ страницахъ извергаете общія фразы противъ монополіи и кончаете умилительнымъ прославленіемъ пасторскимъ тономъ своей «образованности» и «науки».

Вотъ и все, что вы сумѣли сказать о свободномъ соперничествѣ. Въ немъ замѣчается ключъ къ пониманію всѣхъ условій современнаго экономическаго положенія; изъ него вытекаютъ законы рыночной цѣны, стоимости, рабочей платы, предпринимательскаго барыша, поземельной ренты; имъ обусловливается матеріальная и духовная фізіономія нашего порядка, какъ я покажу положительнымъ образомъ въ слѣдующей главѣ. Не обращая на все это никакого вниманія, вы объясняете, «что свободное соперничество» есть обмѣнъ, обмѣнъ, происходившій еще во времена финикянъ! Вотъ все, что вы нашли сказать о конкуренціи!

Итакъ, вы должны теперь сознаться, что дальше этого двухсложнаго слова «обмѣнъ» книга ваша не идетъ! Трудъ былъ обмѣнъ, капиталъ былъ обмѣнъ, кредитъ былъ обмѣнъ, цѣнность была обмѣнъ и свободное соперничество—обмѣнъ!

Начиная главу объ обмѣнѣ («Нагн. écon.», р. 93), Бастиа говоритъ, «обмѣнъ—это политическая экономія». Вы приняли эту сторону во французскомъ вкусѣ за точную строгую истину и вообразили, что стоитъ только зазубрить получше слово «обмѣнъ», чтобы сдѣлаться готовымъ политико-экономомъ.

Купить скворца, да научить его кричать: «обмѣнъ, обмѣнъ, обмѣнъ!»—вотъ вамъ и будетъ все содержаніе вашей книги!

Въ этомъ двухсложномъ словѣ вся ваша жалкая мудрость!

ГЛАВА IV.

Объективный анализъ капитала.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ АССОЦІАЦІЯ.

Мнѣ остается еще по возможности вкратцѣ развить объективное понятіе капитала.

Я уже заложилъ основанія этого понятія и показалъ его въ конкретномъ изображеніи, такъ что теперь могу удовлетворяться сравнительно краткими объясненіями.

Сказавъ: капиталъ есть историческая категория—я вполне объяснилъ бы сущность дѣла въ самой сокращенной формѣ; но немногіе поняли бы меня.

Поэтому надо объясниться послѣдовательно.

Взгляните, г. Шульце, на опредѣленія капитала, которыя мы до сихъ поръ перебрали; только оставьте въ покоѣ ваше любимое опредѣленіе капитала: «капиталъ есть сбереженная часть дохода», которое вы заимствовали у Бастіа; оно слишкомъ бессмысленно и достаточно опровергнуто.

Взгляните, напр., на другое даваемое вами опредѣленіе: «капиталъ есть орудіе труда». Или на опредѣленіе, общепринятое въ политической экономіи: капиталъ есть накопленный трудъ. Или на то, которое я подсказалъ вамъ мимоходомъ: капиталъ—продукты употребляемые для дальнѣйшаго производства.

Теперь обратите свой взоръ на индѣйца, который добываетъ себѣ пропитаніе, охотясь съ лукомъ и стрѣлами въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки.

Капиталистъ ли этотъ человѣкъ? Капиталъ ли

его лукъ? Къ нему подходятъ всё три опредѣленія капитала. Лукъ—дѣйствительное орудіе труда. Онъ представляетъ собою въ то же время и накопленный трудъ. Наконецъ онъ продуктъ, служащій для дальнѣйшаго производства.

И, тѣмъ не менѣе, г. Шульце, вы не согласитесь назвать этого индѣйца капиталистомъ.

Вы видите, стало быть, что всё эти опредѣленія должны быть ложны, потому что не представляютъ вѣрнаго разграниченія.

А впрочемъ чего нельзя отъ васъ ожидать? Вы способны изнасиловать собственное сознаніе и сказать: «Да, лукъ есть капиталъ и потому индѣецъ есть «маленькій капиталистъ»».

Но ничего не стоитъ доказать вамъ, что лукъ вовсе не капиталъ и что индѣецъ вовсе не капиталистъ.

Чтобы понять это, представьте вы самого себя въ подобномъ положеніи, съ лукомъ въ рукахъ въ дѣвственномъ лѣсу. Лукъ далъ бы вамъ возможность стрѣлять дичь, т. е. онъ помогаль бы вамъ—на то онъ орудіе труда—въ вашемъ собственномъ трудѣ, непосредственно направленномъ на добываніе себѣ пропитанія; но должно опасаться, что вы устали бы бѣгать въ перегонку съ дичью въ легкихъ макассинахъ по лѣсамъ; а въ такомъ случаѣ вы не имѣли бы уже никакой возможности помѣстить свой лукъ прибыльнымъ образомъ; безусловнымъ же признакомъ капитала служить, какъ вы знаете, доставленіе прибыли, слѣдовательно, вы видите, что лукъ, хотя орудіе труда, но не капиталъ.

Вы, можетъ быть, думаете, что невозможность пользоваться накопленнымъ трудомъ, какъ капиталомъ, зависитъ отъ того, что этотъ трудъ облеченъ здѣсь въ форму лука; что все дѣло здѣсь въ лукѣ; что стоитъ только обмѣнять его на другую цѣнность, и въ этихъ видахъ обратитесь къ вышеупомянутому индѣйцу.

Положимъ, что лукъ понравится индѣйцу и что онъ согласится на ваше предложеніе. Положимъ, онъ дастъ вамъ въ обмѣнъ за лукъ убитаго звѣря или мѣхъ или, если дѣйствіе происходитъ въ золотоносной странѣ, большой слитокъ золота.

Но эти предметы вы не можете употребить прибыльно.

Чтобы сдѣлать эти цѣнности самостоятельно производительными, доходными, вы должны отправиться въ другія страны, стоящія на европейской ногѣ. Но въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, въ которыхъ я васъ предполагалъ въ этомъ примѣрѣ, вамъ нѣтъ на это никакой возможности.

Съ этими вымѣненными на лукъ цѣнностями—убитымъ звѣремъ, мѣхомъ, слиткомъ золота—вамъ даже пришлось бы еще плоше, чѣмъ было съ лукомъ, который, по крайней мѣрѣ, помогалъ вамъ въ охотѣ.

Зарубите же себѣ на носу, г. Шульце, слѣдующій рѣшительный выводъ изъ этихъ соображеній: бываютъ историческія условія, гдѣ имѣются орудія труда, гдѣ есть даже возможность обмѣна, но гдѣ еще нѣтъ капитала.

Вспоминая сказанное мною выше (стр. 136—139), вы можете быть, сами сообразите, что здѣсь еще нѣтъ капитала, хотя есть орудіе труда, потому что нѣтъ раздѣленія труда, что поэтому орудіе труда здѣсь производительно еще только въ рукахъ работника, или, другими словами, здѣсь производителенъ еще только самый трудъ.

Такимъ образомъ, уже изъ этихъ соображеній вытекаетъ положеніе: самостоятельная производительность капитала, его производительность особо отъ труда, возможна лишь при системѣ раздѣленія труда и есть ея слѣдствіе.

Теперь взгляните на цивилизованный бытъ древности. Здѣсь уже есть и раздѣленіе труда, и большее богатство, какъ ни ничтожны они въ сравненіи съ нынѣшними. Но античный собственникъ соединяетъ въ своемъ владѣніи: поземельную собственность, рабовъ и всѣ продукты и орудія труда ихъ.

Капиталистъ ли этотъ человѣкъ? Нѣтъ, г. Шульце! Неужели вы скажете про какого-нибудь персидскаго шаха, которому принадлежитъ вся подвластная ему земля и всѣ богатства, всѣ люди на ней,—неужели вы скажете про него: вотъ крупный капиталистъ!

Конечно, не скажете! Вы не скажете этого, потому что понимаете, что онъ больше, чѣмъ капиталистъ.

Таковъ былъ и древній собственникъ. Тотъ, кому принадлежитъ какъ законная собственность не только орудіе труда, но и самый работникъ, не можетъ

быть капиталистомъ. Ибо право его на участіе въ продуктѣ общественнаго труда основывается на принадлеж-ности ему не орудія, а самаго работника. Для него рабъ, которому онъ приказываетъ производить, все равно, что рычагъ, а рычагъ все равно, что рабъ.

По причинѣ отсутствія разницы, разграниченія между орудіемъ труда и самимъ работникомъ, въ порядкѣ этомъ есть господа, но нѣтъ капиталистовъ, есть цѣнности и богатства, но нѣтъ капиталовъ.

Вы можете убѣдиться въ этомъ обстоятельствѣ, если раз-смотрите реальные характеристическія черты древняго хо-зяйства.

Древній владѣлецъ земли и рабовъ заставлялъ произво-дить главнымъ образомъ потребительныя цѣнности, нужныя ему въ его собственномъ хозяйствѣ. Излишекъ ихъ онъ продавалъ; иногда же онъ заставлялъ своихъ рабовъ производить продукты, прямо предназначенные на продажу; но подобное фабричное хозяйство составляло исключительный случай и было въ обычаѣ только гражданъ низшаго званія*). На вырученныя деньги онъ покупалъ предметы роскоши всѣхъ доступныхъ ему странъ, пурпуръ и янтарь, для собственного потребленія. Обмѣнъ и торговля были уже развиты и распространены. Но удовлетворивъ своей роскоши, собственникъ или накопалъ на остальное золото новыхъ земель и рабовъ, т. е. употреблялъ деньги на рас-ширеніе своего собственного хозяйства, въ предѣ-лахъ котораго онъ господинъ, а не капиталистъ, или откладывалъ его на позднѣйшіе расходы на роскошь. Это былъ копитель. Онъ копилъ лишнее золото, соби-рая его, напр., въ видѣ золотой и серебряной утвари. Вно-сить же свое золото въ чужое производство съ тѣмъ, чтобы получить съ него доходъ, ему еще далеко не представ-лялось возможности!

Оно и понятно, потому что это чужое производство точно такъ же естественно состояло изъ излишка продукта

*) Такъ, Плутархъ рассказываетъ, что еще комики Аристофанъ и Стра-тисъ насмѣхались надъ ораторомъ Изократомъ, потому что отецъ его Нейдоръ производилъ своими рабами фабрикацію флейтъ. По выраженію Лессинга, комики трубагъ ему въ уши въ его родительскія флейты.

этихъ другихъ производителей надъ нуждами ихъ собственнаго естественнаго хозяйства, и потому не нуждалось въ новѣйшей кредитной системѣ, возможной только въ обществѣ, производящемъ исключительно мѣновья цѣнности.

Когда наконецъ возможность эта открывается, ей еще долго противодѣйствуютъ нравственныя воззрѣнія народа, которыя въ свою очередь суть лишь слѣдствіе этихъ экономическихъ условій, такъ долго господствовавшихъ и въ описываемую эпоху еще преобладающихъ.

Надѣюсь, вы понимаете теперь, почему проценту было такъ трудно проложить себѣ путь въ понятіяхъ древнихъ народовъ, почему его считали позорнымъ, недостойнымъ свободнаго человѣка, непристойнымъ, въ античномъ смыслѣ этого слова (*ipronestum*).

Аристотель, Цицеронъ, Сенека, отцы церкви и каноническое право считаютъ процентъ позорнымъ, не отличаютъ его отъ лихвы; въ римской республикѣ было закономъ запрещено брать процентъ; Катонъ хвалилъ правило древнѣйшихъ наказывать вора двойной пеней, а процентщика—четверной; католическая церковь лишила процентщика причастія, права завѣщать и христіанскаго погребенія; за то Іеремія Бентамъ и съ нимъ вся либеральная экономія видятъ въ ростъ священнѣйшее, неприкосновеннѣйшее, естественное право человѣка. Но это столь рѣзкое противорѣчіе разрѣшается очень легко и просто.

Римское право предписываетъ юристу руководствоваться только «тѣмъ, что дѣлается большинствомъ», «*id quod plerumque fit*». Тѣмъ болѣе можно сказать о народныхъ понятіяхъ нравственности, возникшихъ изъ экономическихъ условій, что они руководствуются тѣмъ, «что дѣлается большинствомъ».

Въ древности занимали, какъ и у насъ. Но такъ какъ въ древности нѣтъ или почти нѣтъ возможности и повода вносить денежный заемъ въ чужое производство, такъ какъ, далѣе, это чужое производство состоитъ только въ собственномъ естественномъ хозяйствѣ и его естественномъ излишкѣ, то деньги занимаются здѣсь только для потребительныхъ цѣлей. Стало быть, къ займамъ прибѣгаютъ только изъ личной нужды, вслѣдствіе личныхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, хотя бы то была нужда римскаго эдила, который желалъ обить на свой

счесть пурпуромъ циркъ для общественныхъ игръ и не имѣть въ наличности всей нужной для этого суммы.

Пользоваться для вымогательства займомъ, испрашиваемымъ съ потребительной цѣлью, при чемъ ссужаемый нисколько отъ ссуды не разбогатѣетъ, т. е. прижимать человѣка, пользуясь его нуждой и затрудненіемъ—позорно, какъ справедливо понимали древнее общество и церковь.

Наоборотъ, въ новѣйшія времена, хотя займы еще довольно часто дѣлаются для потребительныхъ цѣлей, но преобладаетъ производительный заемъ, заемъ ссужаемый для вноса въ производительное предпріятіе. И этотъ заемъ дѣлается, конечно, по нуждѣ, но по нуждѣ разбогатѣть, и потому весьма естественно, что заниматель, любя подобную нужду, соглашается подѣлиться съ заимодавцемъ! Другими словами, производительный заемъ есть экономическое участіе въ прибыли предпріятія*), и такимъ образомъ вѣрный историческій взглядъ естественно объясняетъ разницу между древними воззрѣніями на взиманіе процента и воззрѣніемъ буржуазнымъ; оба они обусловлены преобладавшей въ ихъ времена экономической сущностью ссуды.

Но когда все болѣе и болѣе открывается возможность помѣщать деньги производительнымъ образомъ въ займы, ей еще долго и сильно противодѣйствуютъ запрещенія и нравственные понятія народа. Они борются противъ распространенія роста на практикѣ. Поэтому помѣщеніе имущества въ чужое производство еще долго составляетъ самую сравнительно незначительную долю древняго распоряженія имуществомъ; а при вносѣ его въ свое собственное естественное хозяйство древній собственникъ, какъ вы помните, имѣетъ значеніе не «капиталиста», а «господина».

*) Обычай правовѣрующихъ русскихъ евреевъ, вытекшій изъ Моисеева запрещенія процента, очень оригинально разъясняетъ эту внутреннюю сущность ссуды (см. рассказъ Бонавентуры Мейера: «Современные евреи», 1842, р. 13). Кредиторъ выговариваетъ себѣ при ссудѣ половину прибыли, которая приблизительно опредѣляется договаривающимися сторонами при заключеніи займа въ известную цифру. Если впоследствии должникъ скажетъ, что предпріятіе не принесло такой прибыли, то можетъ не платить выговоренной суммы, но за то лишается на будущее время кредита.

Даже въ эпоху столь позднюю, какъ время Плинія, имущество римскихъ сенаторовъ состояло «почти все въ земляхъ, однако кое-что и въ процентахъ». Возьмемъ даже такого баснословнаго богача, какъ Крассъ, богатство котораго вошло въ поговорку и простиралось, по словамъ древнихъ писателей, до 7,100 талантовъ, т. е., считая тогдашній талантъ приблизительно въ 1,400 талеровъ,—до 9.940,000 талеровъ. Перечисляя статьи его имущества, серебряныя руды, помѣстья, тысячи рабовъ, обрабатывающихъ его земли, дома и пр., Плутархъ говоритъ, что «все это еще ничто въ сравненіи съ цѣной домашнихъ рабвъ, которыхъ у него было великое множество и самыя превосходныя, какъ-то: чтецы, писцы, серебряники, приказчики, столовая прислуга и т. д. *)».

Почти всѣ эти рабы представляютъ собою предметы пользованія. Въ подобныхъ-то предметахъ пользованія, а не въ «капиталахъ», состоитъ древнее хозяйство. Его приобрѣтательная форма—господство, а не капитало-хозяйство. Въ древнемъ мірѣ были орудія труда, предметы потребленія, цѣнности и богатства, но «капиталовъ» еще не было. Велѣдствіе такого преобладающаго характера общаго порядка, нѣтъ «производительности капитала» и въ такихъ частныхъ случаяхъ, какъ, напр., шпажное мастерство рабовъ Софокла-отца. При такомъ производствѣ, переходящемъ въ торговлю, исчезаетъ только характеръ естественнаго хозяйства; но съ одной стороны, въ производствѣ остается характеръ господства, а съ другой,—эта фабрикація переходитъ лишь въ торговлю, которая, какъ я замѣтилъ, уже довольно развита. Въ этомъ примѣрѣ рабы производятъ всѣ предметы потребности своего господина въ формѣ шпагъ, которыя «обмѣниваются» на эти предметы; шпаги переходятъ въ предметы потребленія господина или въ деньги, т. е. средства покупать всѣ другіе предметы потребленія; такимъ образомъ онѣ представляютъ собою все-таки только предметы потребленія господина. Онѣ еще не имѣютъ самоброуательной формы капитала, его свободной,

*) Плутархъ. Vit. Crass. Т. III, с. 2, стр. 250. Лондонъ.

самостоятельной производительности; онѣ не одарены еще его процентно-производящей силой. Правда, здѣсь уже сдѣланъ первый шагъ къ этому обращеніемъ производства на фабричное изготовленіе мѣновыхъ цѣнностей. Но общій порядокъ древняго міра еще препятствуетъ этому первому шагу развить свои послѣдствія. Богатство и золото древняго міра представляютъ собой зародышъ капитала, изъ котораго со временемъ разовьется капиталъ. Но въ этомъ мірѣ—богатства эти еще не развиваются въ специфическую и своеобразную форму капитала.

Посмотрите на другія историческія эпохи. Взгляните на средневѣковаго землевладѣльца, на благороднаго синьора среди его замковъ и дворовъ, крѣпостныхъ, вассаловъ и колоновъ, среди деревень и городовъ, состоящихъ въ разнообразнѣйшихъ ленныхъ отношеніяхъ къ нему. Капиталистъ ли былъ этотъ человѣкъ?

Совѣтую вамъ, г. Шульце, не раздѣлять очень распространеннаго невѣжественнаго мнѣнія, будто въ то время люди существовали только продуктами земледѣлія. Производство было довольно развито, роскошь велика, предметы пользованія и наслажденія—многочисленны, разнообразны и утончены. Вотъ вамъ, напр., описаніе миннезенгера рыцаря Ульриха фонъ-Лихтенштейна (XIII вѣка) приѣма въ покоѣ его жены*). «Чистая—говорится въ этой пѣснѣ—сидѣла она на кровати и приняла меня пристойно, сказала мнѣ: здравствуй. Добрая была въ маленькой сорочкѣ и въ пурпурномъ платьѣ**), подбитомъ горностаемъ; на ней былъ зеленый плащъ, а подъ плащомъ прекрасный фартукъ; на фартукѣ была оборка умѣренной ширины. Вокругъ нея стояли восемь женщинъ, также хорошо одѣтыхъ! На кровати лежалъ бархатный матрасъ, на немъ два шелковыя одѣяла, на нихъ великолѣпное покрывало, роскошная перина и двѣ чудесныя подушки; дерево кровати нигдѣ не проглядывало, и покрыто оно было нѣсколькими хорошими коврами; въ ногахъ у кровати горѣли двѣ большія свѣчи въ двухъ подсвѣчникахъ, а на стѣнахъ висѣло до сотни свѣтильниковъ».

*) Ulrich v. Lichtenstein, Frauentienst, p. 160.

**) Сукенія, soscana, верхнее женское платье, обыкновенно очень богатое, шитое золотомъ и шелкомъ. Ducange Gloss. с. v. Soscana.

Или вотъ какъ описываетъ онъ свое собственное путешествіе въ образѣ госпожи Венерши. «Здѣсь прожилъ я зиму и заказалъ себѣ женское платье; мнѣ сшили двѣнадцать юбокъ и тридцать женскихъ рукавниковъ съ короткими рубашками; къ этому я купилъ двѣнадцать головныхъ уборовъ и красиво украсилъ ихъ жемчугомъ, котораго тутъ продавалось великое множество; мнѣ сдѣлали три бѣлые бархатные плаща; сдѣла были бѣлыя, серебряныя; мастеръ прилежно работалъ надъ ними, и къ нимъ были сдѣланы красивые чепраки изъ бѣлаго сукна; поводыя были также роскошны. Двѣнадцати оруженосцамъ сшили хорошее платье изъ бѣлаго сукна; мнѣ сдѣлали сотню бѣлыхъ серебряныхъ копей; на людяхъ моихъ все было бѣлое какъ снѣгъ; шлемъ и щитъ были у меня бѣлые; изъ пяти кусковъ бѣлаго бархата я велѣлъ сдѣлать три покрывала съ гербами на лошади; себѣ я заказалъ бѣлый суконный казакинъ съ красивыми складками» *).

Какъ видите, г. Шульце, люди въ то время ни въ чемъ себѣ не отказывали! Но, спрашиваю васъ, капиталистъ ли былъ обладатель всѣхъ этихъ роскошей, средневѣковый помѣщикъ?

Разумѣется, нѣтъ! Имѣйте терпѣніе: я докажу вамъ, что и средневѣковый собственникъ точно такъ же не былъ капиталистомъ, какъ и древній.

Рабство отмѣнено, и даже замѣнившая его крѣпостная зависимость смягчается въ теченіе среднихъ вѣковъ и превращается въ систему личной неволи въ разнообразнѣйшихъ степеняхъ, въ цѣлую мозаику повинностей. Въ этомъ и состоитъ специфическій типъ среднихъ вѣковъ.

Я объяснилъ въ другомъ моемъ сочиненіи **) , что средневѣковый порядокъ въ историко-философскомъ отношеніи характеризуется обособленіемъ. Частною собственностью здѣсь полагается уже не весь человѣкъ вообще, а его воля и отдѣльные акты его воли. Въ экономи-

*) Frauendienst. p. 84.

**) «Система прибрѣтенныхъ правъ», т. I, стр. 260—64. Примѣчаніе, на которое здѣсь ссылается Лассаль, такъ интересно, что мы рѣшались привести его цѣликомъ, несмотря на его значительный объемъ. Оно нами помѣщено въ концѣ настоящей книги въ приложеніи С. (стр. 238—246).

ческой области это создать систему особенныхъ повинностей, систему правовыхъ отношеній особаго къ особому, отношеній, выражающихся все особыми актами и особыми продуктами (потребительныя цѣнности въ отличіе отъ общей мѣнливой цѣнности денегъ); такимъ образомъ возникаетъ система средневѣковыхъ натуральныхъ службъ и натуральныхъ доставокъ. Вотъ что преимущественно опредѣляетъ хозяйство и производство среднихъ вѣковъ.

Взгляните подробнѣе на хозяйство средневѣковаго феодальнаго землевладѣльца.

Не говоря уже о крѣпостныхъ, поля его обрабатываются конными и ручными, опредѣленными барщинами, вольными и несвободными колонами въ разнообразнѣйшихъ степеняхъ всякаго рода; вольные *mansi* (крестьянскіе дворы) также обязаны ему барщиной, какъ и несвободные, только съ тою разницею, что послѣдніе работаютъ на него 3 дня въ недѣлю, а первые 5—6 недѣль въ году *).

Но оставимъ земледѣліе въ сторонѣ. Нельзя придумать никакой службы, которую не были бы обязаны нести ему натурою вольные и несвободные *mansi*, даже мѣстечки и бюргеры мелкихъ городовъ, состоящіе къ нему на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ ленныхъ обязательствъ.

Посмотрите на благороднаго феодала въ день сбора слѣдующихъ ему повинностей и оброчныхъ статей. Его дворъ загроможденъ кулями ржи и пшеницы, курами, окороками, быками, свиньями, яйцами, масломъ, плодами, воскомъ, свѣчами, медомъ, даже пирогами, букетами цвѣтовъ и *chapeaux de rose!***) Все это нанесено обязанными этими повинностями вассалами. Портной и башмачникъ городка, состоящаго подъ его верховною властью,—вспомните правило: *nulle terre sans seigneur*,—принесли ему платье и башмаки, которые нашили для него и для его людей въ теченіе повинной ему недѣли***).

*) См. напр. Перца—*Monum. hist. Germ.*, Т. III, стр. 177: «*respiciunt ad eandem curtem mansi ingenuiles vestiti 23. Ex his sunt 6 quorum unusquisque... operatur annis singulis ebdomades 5, arat iurnales 3*», etc.

**) Напр., *Monteil. Hist. du XIV siècle*, chap. la table de Pierre. Т. I, стр. 84.

***) См. *Comte rendu par le bailli d'Aval. 1347.* Монтейль, стр. 85.

Точно такъ же перчаточники, горшечники, пильщики и столяры обязаны работать на его потребности безъ платы; кузнецы и слесари должны поставлять ему цѣпи и стрѣлы и сверхъ того извѣстное число подковъ и гвоздей ¹⁾).

Въ древнѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ на помѣщичьи дворы являлись даже ремесленники и художники всякаго рода, мясники, дудильщики, бочары, скорняки, строители, каретники ²⁾, лавочники, каменщики, маляры, даже купцы, золотыхъ дѣлъ мастера и токари ³⁾; вообще отъ каждаго ремесла, которое существовало въ предѣлахъ феодальнаго господства землевладѣльца, одинъ ремесленникъ долженъ былъ работать на барскій дворъ ⁴⁾).

Въ позднѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ ремесленники и художники перестали жить непосредственно при земляхъ, однако были обязаны платить господину оброкъ продуктами своего ремесла въ воспоминаніе прежнихъ отношеній, или за свои *mansi* и ленныя имѣнія; они приносили разные ножи, ножницы и щипцы, крючки, топоры, блюда, кубки, разную посуду, сѣдла и другую утварь ⁵⁾. Когда мясникъ продаетъ быка, господину слѣдуетъ съ него языкъ и ноги; такія же подати онъ взываетъ съ вина, пива и другихъ напитков ⁶⁾. Но чтобы онъ сталъ дѣлать съ виномъ и пивомъ, если бы не имѣлъ бочекъ? Поэтому ему слѣдуетъ доставлять бочки съ ремешками и безъ нихъ, доски для бочекъ, обручи, крышки, котлы, какъ желѣзные, такъ и мѣдные ⁷⁾, бруски и все прочее для починки кровель ⁸⁾. И купорщики «повинны даромъ купорить моему всемиловѣйшему господину

¹⁾ Фонъ-Мауреръ. *Geshichte der Frohnhefe*. 1862. В. II, p. 323. Frier. *Weisthum*. X. 8, 10 и 3.

²⁾ См. Дюканжъ. s. v. *Currifices*.

³⁾ См. Мауреръ. Т. II, стр. 316.

⁴⁾ Гримъ. *Weisthumer*. I, 763. § 33.

⁵⁾ См. Списокъ имущества въ Корвѣ у Киндлингера, Мюнстеръ, приложеніе 11, 116, 133, 228, 126, 223, 143. Дюканжъ, подъ словомъ *rica*.

⁶⁾ Монтейль, I, с. p. 87.

⁷⁾ И тѣ и другіе упоминаются въ инвентаряхъ. См. Перць I. с. . . *caldaria aerea 3, fereae vero 6*.

⁸⁾ См. *Polupt. Irminion*. Изданіе Герарда. Парижъ. 1844. Ст. IX, 299, стр. 113: *Facit omni ebdomada dies II.; set pro ipsa mannopera solvit carrum I. cum duabus donnis; также ст. XI, 2, p. 119:—Solvunt—pulos IX., ova XXX., asciculos C. et tofidem scindolas, XII. dovas, circulos VI.*

вино и пиво» ¹⁾. И кузнецы обязаны поставлять ему шпоры, и ткачи—скатерть въ шесть локтей длины и полотенцы ²⁾.

Само собою разумѣется, что и женщины не отставали отъ мужчинъ въ этомъ общемъ усердномъ снабженіи помѣщика разнымъ добромъ. Жена каждаго колона была обязана поставлять по куску полотна и по куску шерстяной ткани, готовить солодъ, печь хлѣбъ ³⁾. Нѣкоторыя женщины должны поставлять готовую ткань изъ своего льна ⁴⁾; другія же обязаны только обрабатывать господскій матеріалъ ⁵⁾.

Зато другіе mansi обязаны кромѣ льняного сѣмени, чечевицы и пр. поставлять сырой ленъ въ ткацкую мастерскую помѣщика ⁶⁾. Рыбаки должны поставлять ему лососей и другую рыбу, какую ловятъ въ извѣстное время (барщинная рыба) ⁷⁾, возить его вмѣстѣ съ мельниками въ лодкахъ по рѣкамъ, куда онъ захочетъ; если же ему понадобится написать письмо, то привилегія служить ему гонцами, исправлять ему почтовую и эстафетную службу принадлежить мясникамъ ⁸⁾.

Я могъ бы еще долго вести этотъ хозяйственный инвентарь, если бы не боялся утомить васъ, г. Шульце.

Приведу еще нѣсколько примѣровъ только, чтобы показать вамъ, что вы не можете и придумать такой потребности, которая не удовлетворялась бы въ этой системѣ натуральныхъ повинностей какой-нибудь особой обязанностью. Каждая особая потреба имѣетъ своихъ особыхъ обязанныхъ, повинныхъ нести эту службу натурой.

У насъ, когда кому-нибудь понадобится дѣловой совѣтъ, берется за большія деньги адвокатъ. Но средневѣковому

etc.; и тамъ же ст. XIII, стр. 132: et inter totos qui mansum tenent, asciculos C., scindolas totidem, doves XII., circulos VI. etc.; тамъ же ст. XIV, 99, p. 149:—Sunt mansi qui faciunt angariam propter vinum. . . . solvunt I., de molle sestarium etc.

¹⁾ Michelsen, Mainzer Oberhof zu Erfurt, p. 26.

²⁾ Описаніе 1332 г. у Фалькенштейна. Ист. въ Эрфуртѣ, p. 198 и 200.

³⁾ См. Перць, ст. I, p. 177.

⁴⁾ Мауреръ, Ист. барщинныхъ дворовъ, В. I, p. 395.

⁵⁾ См. упом. инвентарь аббата Ирминіона, ст. XII, 109, p. 150 и 110.

⁶⁾ Дюканжъ, s. v. Sariga.

⁷⁾ См. у Маурера, ст. I, Т. II, стр. 223—325.

⁸⁾ Тамъ же, Т. II, стр. 324 и Т. I, стр. 399.

сеньору тратиться на это не приходилось; всё бюргеры коммуны, состоящей подъ его господской властью, обязаны давать ему совѣты въ его дѣлахъ по своему лучшему разумѣнію.

Мы платимъ дорогую цѣну за посѣщеніе балета, Вильнера и тому подобныхъ мѣсть. Феодалъ могъ имѣть эти удовольствія даромъ. У него были вассалы, юридически обязанные: одни представлять пьянаго *), другіе дѣлать забавные прыжки **), третьи—пѣть въ его домѣ двусмысленныя пѣсенки ***).

Мы въ царствѣ особенности. Въ немъ совершенно логически послѣдовательно должны быть приняты мѣры для удовлетворенія всякаго особеннаго вкуса, такъ какъ вкусъ—дѣло именно самое особенное, о чемъ по пословицѣ не спорятъ. Ну, а если вдругъ кому-нибудь придетъ въ голову прихоть—какъ бы это выразиться поприличію—прихоть услышать «un pet!» Надѣюсь, такая фантазія рѣдко кому приходила на умъ; но вкусы такъ разнообразны, что, можетъ быть, кому-нибудь захотѣлось бы этого. И вотъ въ числѣ вассаловъ оказывается молодая дѣвушка, имѣющая своею ленною повинностью издавать передъ открытымъ собраніемъ въ день сбора податей «un pet!» ****).

Теперь, надѣюсь, вамъ стало вполне понятно, г. Шульце, положеніе этого сеньора.

Это человѣкъ богатый, очень богатый. Но если вы сравните его съ вашимъ другомъ Рейхенгеймомъ, то окажется что между ними та прискорбная для него разница, что онъ не можетъ капитализировать сей «pet!» И ни pet, ни козлиныхъ прыжковъ, ни прислугу, ни гонцовъ, ни воску, ни яицъ, ни курицъ, ни меда, ни быковъ, ни блюдъ, ни тарелокъ, ни льна, ни полотна, ни кубковъ, ни обручей, ни шубъ, ни котловъ, ни лососей, ни шерстяныхъ тканей, ни вина, ни пива, ни сѣделъ, и т. д., ни слугъ бочаровъ, купорщиковъ, каретниковъ, ни дубильщиковъ, ни каменщиковъ, ни кузнецовъ, ни золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ни рѣзчиковъ, ни маляровъ и т. д.

*) Соваль, Antiquités de Paris, фол. 1724, Т. 2, 1—8.

***) Тамъ же.

****) Тамъ же.

*****) Монтейль, Исторія XIV вѣка, Т. I, стр. 84.

Со всѣмъ этимъ онъ можетъ великолѣпно жить, и дѣйствительно живетъ роскошно и весело. Правду говоритъ Мауеръ *): «Въ то время, когда поэзія еще не совсѣмъ исчезла изъ жизни, какъ теперь, когда мѣсто ея замѣнилъ холодный, какъ ледь, вѣчно разсчитывающій разсудокъ,—въ то время каждый чувствовалъ потребность, проведя день въ верховой ѣздѣ, охотѣ и военныхъ упражненій или въ серьезныхъ занятіяхъ, развлечься вечеромъ музыкой, танцами или покрайней мѣрѣ веселымъ обществомъ»; къ этому онъ приводитъ прекрасные стихи Тристана:

«Tages so sul' wir riten, jagen
Des Nachtes, uns hie heime tragen,
Mit hovischichen Dingen!
Harpfen, videlen, singen,
Das kannst du wohl, das tu du mir,
So kan ich spiel, das tun ich dir! **). (V. 3725, 30)

Онъ можетъ потреблять всѣ эти, окружающіе его въ такомъ изобиліи, предметы наслажденія; онъ честно и щедро расходуетъ ихъ, тратитъ ихъ беззаботно и весело, съ гораздо болѣе гуманнымъ наслажденіемъ пользуется жизнью, чѣмъ живутъ теперь, когда, какъ вы знаете, вашъ другъ Рейхенгеймъ даже въ оперѣ, слушая Моцарта или Бетховена, вдругъ вспоминаетъ свою заботу на счетъ капитализаціи, и эта неотступно преслѣдующая его мысль отравляетъ ему всякое удовольствіе.

Но средневѣковый владѣлецъ можетъ только потребить эти предметы или, пожалуй, спрятать ихъ для будущаго потребленія; но онъ не можетъ сдѣлать такъ, чтобы они размножились далѣе сами собою.

Дѣло въ томъ, что онъ относится къ нимъ, какъ къ особеннымъ потребительнымъ цѣнностямъ, или, что то же, какъ къ услугамъ,—не имѣя еще передъ собою общую мѣнову цѣнность, деньги, не встрѣчался еще лицомъ къ лицу съ самимъ богомъ-отцомъ.

*) Исторія барщинныхъ дворовъ, Т. II, стр. 190.

**) Днемъ надо ѣздить, охотиться, вечеромъ дома заниматься дворовыми дѣлами: играть на арфѣ на скрипкѣ, пѣть; ты это можешь, сдѣлай мнѣ это,—я же могу играть, это я тебѣ сдѣлаю.

«Услуга была общей связью, соединившею всё члены имперіи между собою и съ верховнымъ главою ея», справедливо говоритъ Мауреръ (Исторія барщинныхъ дворовъ I, 376). И дѣйствительно, если бы безсмысленная бастіатовская выдумка «услуга» могла быть когда-нибудь справедливой, то именно для среднихъ вѣковъ,—хотя, конечно, въ иномъ совершенно смыслѣ, чѣмъ у Бастіа, потому что въ среднихъ вѣкахъ мѣншой цѣнности еще не существуетъ, а между тѣмъ этотъ нелѣпый выдумщикъ ставитъ услугу именно принципомъ мѣншой цѣнности.

Денежные проценты, получаемые феодаломъ, хотя начинаютъ постепенно замѣнять натуральныя повинности, однако еще едва достаточны, чтобы пріобрѣтать изъ всемірной торговли тѣ продукты роскоши, которыхъ не производится въ гредѣлахъ его сеньоріи. Но если бы даже онъ имѣлъ лишніе денежные проценты, то не могъ умножить и капитализировать ихъ въ своемъ производствѣ. Здѣсь все такъ закрѣплено и закончено, все такъ неподвижно и прочно по системѣ опредѣленныхъ взаимныхъ услугъ и натуральныхъ повинностей, по неопредѣленности всѣхъ рабочихъ силъ, способовъ пользованія, обязательствъ, натуральныхъ претензій и подаей, что нигдѣ не представляется никакой возможности ни для затратъ, ни для барышей. Положимъ, напр., оказывается выгодно сѣять на этомъ полѣ рожь или клеверъ вмѣсто пшеницы; но на немъ лежитъ натуральная повинность въ 10 мѣръ пшеницы, вслѣдствіе чего оно должно на вѣчныя времена пребывать пшеничнымъ полемъ. Или, напр., казалось бы хорошо обратить лѣсъ въ поле подъ пшеницу. Но на этомъ лѣсѣ лежитъ безчисленное множество всевозможныхъ натуральныхъ притязаній соотвѣтственно разнымъ взаимнымъ натуральнымъ обязательствамъ помѣщика съ колонами, общинами, церковью и т. д., такъ что о выгодной промышленной перемѣнѣ и помыслить нельзя. Особенность создаетъ систему особенныхъ служебныхъ натуральныхъ повинностей, а съ нею и германскую собственность или раздѣльную собственность (въ юридическомъ смыслѣ верховной и подчиненной собственности, владѣнія и пользованія). Такимъ образомъ всякая возможность перемѣны и увеличенія промышленности, даже при деньгахъ, наглухо заключена здѣсь крѣпкими досками.

Не думаете ли вы, что въ городахъ было иначе?

Правда, судя по внѣшности, положеніе средневѣковаго бюргера и мастера въ городахъ совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе дворянина помѣщика.

Но сущность ихъ одинакова и производить въ обоихъ случаяхъ одинаковый результатъ, хотя прикрытый различными формами.

Не буду говорить о древнѣйшей эпохѣ среднихъ вѣковъ, когда и въ городахъ патриціи производили крѣпостными ремесленниками, такъ что основаніемъ городского производства было простое господство (см. выше стр. 147). Взглянемъ только на позднѣйшее время, когда развилось цеховое устройство. Чтобы не утомлять васъ, не буду входить въ подробности.

И вотъ что мы видимъ при бѣгломъ взглядѣ.

Въ средневѣковыхъ цеховыхъ уложеніяхъ мастерское право было обставлено цѣлой мозаикой безчисленнаго множества особенныхъ условій. Цеховой мастеръ владѣлъ этимъ правомъ или потому, что еще отецъ его былъ скорнякомъ *), или потому, что самъ онъ состоялъ гражданиномъ этого города, или удовлетворялъ какому-нибудь другому изъ этихъ условій. Такимъ образомъ, онъ производилъ на основаніи особеннаго на то права. Стало быть, принципъ у него былъ тотъ же, что и у помѣщика, а именно, что доходъ съ его производства доставался ему на основаніи особеннаго на то права; онъ получалъ этотъ доходъ въ силу особеннаго права, привилегіи, а не на основаніи лишь фактическихъ отношеній, какъ нынѣшній фабрикантъ.

Но если онъ привилегированъ, т. е. обладаетъ особенными правами, то рядомъ съ нимъ должны существовать другіе особенно привилегированные. Это необходимо слѣдуетъ изъ понятія особенности. Они также обладаютъ особенными правами, которыя всюду стѣсняють,

*) Такъ, напр., въ 1352 г. булочныя цехи восьми городовъ, въ томъ числѣ и Франкфурта на М., заключили между собою договоръ, которымъ опредѣляли подвергать взысканію мастера, обучающаго булочному мастерству мальчика, не принадлежащаго по рожденію къ булочному цеху. См. Крига, «Гражданскія распри и дѣла во Франкфуртѣ въ средніе вѣка» (Франкфуртъ, 1862 г.), стр. 388.

ограничиваютъ, перехватываютъ его особенное право, такъ что оно никогда не достигаетъ вполне свободнаго поприща и развитія.

Изъ этихъ простыхъ логическихъ соображеній вытекаютъ все безчисленныя средневѣковыя предписанія на счетъ обязанности производителя ограничиваться только извѣстными сырыми матеріалами, извѣстнымъ числомъ рабочихъ часовъ, извѣстнымъ количествомъ товара, употреблять только извѣстные методы работы, платить извѣстные заработки, довольствоваться извѣстными цѣнами и т. д. Чтобы указать все эти и прочія безчисленныя ограниченія и стѣсненія, прочтите статуты и ордонансы среднихъ вѣковъ *). Въ случаяхъ надобности я могу предложить вамъ богатый выборъ избраннаго матеріала. Но здѣсь я упомяну только о двухъ ограниченіяхъ, которыя всемъ извѣстны и одни стоятъ всехъ прочихъ.

Мастеровое право мастера принадлежитъ ему какъ привилегія, особенное право привилегированному. Но при этомъ онъ необходимо имѣетъ противъ себя два разряда другихъ привилегированныхъ же лицъ. Во-первыхъ—все прочіе промыслы, мастера которыхъ также привилегированы, какъ и онъ, и потому никто изъ мастеровъ не можетъ заниматься двумя отраслями промышленности, какъ бы онъ ни были сродны другъ другу и какъ бы соединеніе ихъ ни было необходимо для успѣха производства. Во-вторыхъ, противъ него все прочіе такіе же привилегированные, какъ онъ, мастера того же промысла, которымъ онъ занимается, и потому онъ не имѣетъ права употреблять больше рабочихъ силъ, чѣмъ употребляютъ въ его городѣ все прочіе мастера его цеха, т. е. въ каждомъ городѣ особымъ закономъ опредѣлено, сколько подмастерьевъ можетъ держать мастеръ въ каждомъ цехѣ.

Ясно, что уже эти два условія дѣлаютъ невозможною капитализацію дохода производства.

*) Тутъ попадаются презабавные примѣры: такъ въ силу ордонанса короля Карла II, въ маѣ 1391, ст. 52, уставнаго права, въ Вьенѣ (въ Дофинѣ) виноторговцы должны до Мартинава дня продавать вино лишь по половинной цѣнѣ стараго вина, а послѣ Мартинава дня обязаны продавать его только цѣловальникамъ.

Тутъ невозможны почти никакія усовершенствованія. Строжайшее разграниченіе разныхъ отраслей промышленности и запрещеніе соединить ихъ въ рукахъ одного хозяина составляютъ непреодолимую преграду самымъ остроумнымъ изобрѣтеніямъ. Такимъ образомъ невозможна дешевизна производства по невозможности дешевизны, невозможно и крупное производство, а съ ними и дальнѣйшее удешевленіе его*). Но допустимъ даже, что, несмотря на всѣ юридическія стѣсненія промышленнаго производителя относительно добыченія сырого матеріала, выбора работъ, назначенія цѣнъ, и т. д., ему удастся приобрѣсти больше сосѣдняго мастера. Что же ему дѣлать съ доходомъ своего производства? Онъ не можетъ вложить его производительно въ свое производство, потому что не можетъ умножить число своихъ рабочихъ силъ, число подмастерьевъ, назначенное ему городскимъ цеховымъ уставомъ, не можетъ расширить своего промысла. По той же простой причинѣ онъ не можетъ отдать излишекъ своего дохода взаймы сосѣднему мастеру и другимъ мастерамъ разныхъ цеховъ, потому что по той же причинѣ и они не могутъ расширять своихъ промысловъ.

Такимъ образомъ въ средніе вѣка, въ предѣлахъ производства, доходъ производства лишенъ капитализирующей силы. Талеръ, промышленный мастеромъ,— мертвый талеръ, талеръ не размножающійся. Онъ пригоденъ для покупки предметовъ потребленія или для сбереженія на будущія потребности. Но онъ еще не имѣетъ живой, производящей силы. Слѣдовательно, въ промышленности, какъ въ землевладѣніи, доходъ производства идетъ еще на предметы потребленія.

Въ среднихъ вѣкахъ есть еще одинъ пунктъ, гдѣ капиталъ начинаетъ развиваться, какъ таковой. Это всемірная торговля, которая велась преимущественно черезъ Венецію съ Востокомъ. Здѣсь въ позднѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ стѣснительныя уставныя постановленія частью отмѣняются, а частью хотя остаются, но не могутъ постигнуть въ самомъ корнѣ живую силу капитала, который постоянно самъ себя воспроизводитъ, безпрестанно возвращаясь въ фондъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

*) См. объ этомъ «Программу работн.», «Всеобщ. Библ.», № 4, стр. 11, 13.

По открытіи португальцами морского пути въ Индію михо мыса Доброй Надежды, Фуггеры аугсбургскіе, пославъ туда экспедицію, нажили на ней сверхъ покрытія расходовъ, простиравшихся до 100,000 дукатовъ, чистаго барыша 175,000 дукатовъ (175 процентовъ)*). Изъ громаднхъ барышей этой всемірной торговли развиваются и присоединяются къ нимъ барыши денежнаго роста, который въ средніе вѣка долго существовалъ преимущественно въ формѣ закладнаго и сельскаго роста**).

Такимъ образомъ въ теченіе среднихъ вѣковъ античный зародышъ капитала постепенно становится дитятей и юношей, зрѣетъ, развиваетъ свои силы въ ожиданіи того времени, когда сброситъ пеленки и выступитъ въ свѣтъ мужемъ, вполне развитымъ капиталомъ.

Къ этому ведетъ все, всѣ событія, все гражданское развитіе, всякое изобрѣтеніе и открытіе, всякій прогрессъ въ раздѣленіи труда, всякое сбереженіе въ расходахъ производства, всякое расширеніе области сбыта, наконецъ орудія производства, которыми въ прежнихъ условіяхъ производства нельзя было производить***).

Наконецъ юноша, мало-по-малу окрѣпшій, разрываетъ удерживающія его узы; наступаетъ французская революція; всѣ юридическія ограниченія и стѣсненія исчезаютъ; завоевано свободное соперничество, и сорвавшійся съ цѣпи великанъ «капиталъ» является во всей своей развитой, живой дѣйствительности; завоевана буржуазная «свобода», которая состоитъ въ томъ, что каждому безъ различія закономъ дозволено быть миллионеромъ.

Разсмотримъ вкратцѣ отличительныя черты новаго періода, черты, на которыхъ основана капитализирующая сила производства; всѣ онѣ сливаются въ одной общей фізіо-

*) См. Штрамбергъ, ст. Фуггеръ въ Энцикл. Эриха и Грубера.

***) Изъ этого само собою выясняется естественная историческая причина возникновенія прежней меркантильной системы, т. е. той экономической школы, которая полагаетъ капиталъ страны исключительно въ ея деньгахъ. Возрѣніе это просто заимствовано изъ предшествовавшей ему, описанной въ текстѣ, исторической дѣйствительности, какъ и позднѣйшая индустриальная система (Адамъ Смитъ и пр.).

****) См. объ этомъ вкратцѣ мою «Программу работн.», «Всеобщ. Библ.», № 4, стр. 9—13.

номіи свободнаго соперничества и изъ него же вытекають.

Буржуазный производитель ни въ промышленномъ, ни въ земледѣльческомъ отношеніи не основывается на особенныхъ привилегіяхъ. Всѣ правовыя различія и условія уничтожены здѣсь и замѣнены единственнымъ чисто-фактическимъ условіемъ обладанія, необходимымъ залогомъ для производства, капиталомъ. Съ уничтоженіемъ всѣхъ ограниченій въ производствѣ раздѣленіе труда достигаетъ высшаго развитія, и производство разлагается на безконечный рядъ частныхъ операцій и оптовыхъ производствъ для всемірнаго рынка. Оптовые производства создаютъ исключительно мѣновыя цѣнности, такъ что, какъ я уже сказалъ выше теперь всякій производитъ то, что ему не нужно и что самъ онъ не можетъ потреблять. Такимъ образомъ въ противоположность средневѣковымъ услугамъ и производству непосредственныхъ потребительныхъ цѣнностей (натуральному производству) теперь продукты должны все снова и снова проходить черезъ свою денежную форму, и мѣновая цѣнность оказывается реальною сущностью предметовъ, между тѣмъ какъ ихъ истинная реальная сущность, потребительная цѣнность, отстываетъ на задній планъ, какъ блѣдная тѣнь, не имѣющая мѣста въ этой системѣ экономическихъ обстоятельствъ. Очевидно, что эти условія распространяются и на земледѣльческое производство, какъ и на промышленное, которое налагаетъ свой преобладающій отпечатокъ на всю нынѣшнюю эпоху. Дѣло въ томъ, что нынѣшній сельскій производитель, производя хлѣбъ не для своей собственной потребности и не для ближайшей области сбыта, а для всемірнаго рынка и не имѣя возможности выполнить свои обязательства натуральными поставками, находится въ зависимости отъ состоянія хлѣбныхъ биржъ Лондона, Амстердама, Берлина, Кельна и Парижа. Въ этой зависимости одинаково находится и крупный производитель, работающій большимъ капиталомъ, которому надо возратить свои большіе расходы и затраты и выполнить свои крупныя обязательства, которыя для него еще обременительнѣе. Поэтому и тотъ и другой производятъ въ хлѣбѣ лишь мѣновыя цѣнности, такъ что производство для собственной потребности, производство

потребительныхъ цѣнностей, и здѣсь является лишь блѣдною тѣнью.

Далѣе очевидно, что только теперь, а не въ средневѣковомъ производствѣ оказывается вполне истиннымъ законъ Рикардо: цѣна продуктовъ равняется стоимости ихъ производства^{*)}).

Въ средневѣковомъ цеховомъ устройствѣ цѣны большею частью зависѣли отъ рѣшенія производителей, которые могли держаться за извѣстный присвоенный имъ состоянію барышъ и не имѣли повода отступать отъ него при ограниченномъ сбытѣ, на какой каждый могъ претендовать при ограниченности своихъ рабочихъ силъ. Частныя постановленія максимумовъ цѣнъ доказываютъ, что они даже слишкомъ хорошо соблюдали свои выгоды. Нивелирующее владычество свободнаго соперничества измѣнило все это. Здѣсь каждый старается запросить дешевле другого, чтобы овладѣть его сбытомъ, или другой принуждаетъ его спускать цѣну и держаться съ нимъ на равной ногѣ. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ здѣсь дѣйствительно дѣло сводится на то, что продажная цѣна продукта падаетъ до стоимости его производства. Это доставляетъ реальную выгоду потребителю, производитъ дешевизну. Но эта дешевизна, уменьшеніе поштучной прибыли соперничествомъ продавцовъ, влечетъ за собою расширеніе сбыта, увеличеніе количества штукъ, съ которыхъ продавецъ получаетъ прибыль; такимъ образомъ продавецъ щедро вознаграждается за пониженіе процента поштучной прибыли большимъ количествомъ штукъ, съ которыхъ онъ беретъ прибыль. Это въ свою очередь имѣетъ своимъ естественнымъ результатомъ необходимость расширять производство для расширенія сбыта, соединивъ въ одинъ рукавъ больше рабочихъ силъ, пріобрѣтать большія массы сырого матеріала, словомъ—дѣлать больше затратъ, имѣть круп-

^{*)} Ж. Б. Сей никакъ не могъ уразумѣть этого закона цѣны стоимости. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ Рикардо и въ своей перепискѣ съ нимъ онъ ведетъ скучныя препирательства. А между тѣмъ этотъ законъ подробно развитъ еще до Адама Смита, стариннымъ шотландскимъ экономистомъ, сэромъ Джемсомъ Стюартомъ. Но между нимъ и Рикардо большая разница въ томъ, что Стюартъ еще считаетъ прибыль капитала и поземельную ренту особыми элементами стоимости производства, между тѣмъ какъ Рикардо сводитъ ихъ къ количествамъ рабочаго времени.

ный капиталъ. Другими словами, при господствѣ свободного соперничества, всякій капиталъ естественно притягивается къ большему капиталу, который необходимо привлекаетъ къ себѣ и поглощаетъ маленькій капиталъ.

Это постоянное увеличеніе расходовъ и выгодъ производства открываетъ путь капитализирующей силѣ производства. Талеръ, сегодня пріобрѣтенный въ производствѣ, завтра самъ собой родитъ другой талеръ. Это талеръ ожившій, одушевленный, способный разводить потомство! Онъ самъ собою размножается по закону оборота. Наконецъ всѣ отрасли производства и всѣ производители находятся въ одинаковомъ положеніи, т. е. всѣ равно нуждаются въ неограниченномъ умноженіи своего основного капитала и всѣ равно способны къ этому. Вслѣдствіе этого развивается чрезвычайно сложная кредитная система, позволяющая каждому вносить прибыльнымъ образомъ свой капиталъ, совершенно или временно лишній ему въ собственномъ производствѣ, въ чужое производство въ разныхъ формахъ, въ займахъ, въ векселяхъ, акціяхъ, товариществахъ и т. д.

Таковы въ самомъ общемъ очеркѣ существеннѣйшія черты производства при господствѣ свободного соперничества.

Но до сихъ поръ мы разсматривали производителя въ его простомъ, сжатомъ видѣ, просто только какъ производителя. Теперь, чтобы лучше различить черты, придаваемые общественному производству свободнымъ соперничествомъ, разсмотримъ его въ его реальномъ двойномъ видѣ какъ предпринимателя и какъ работника.

Судьба ихъ обоихъ естественно опредѣляется цѣной, которую продуктъ находитъ при продажѣ, и участіемъ, которое свободное соперничество отводитъ каждому изъ нихъ въ доходѣ производства. Законъ цѣны уже изложенъ мною выше (см. стр. 135 и сл.). Цѣнность продуктовъ обнаруживается внѣшнимъ образомъ рыночною цѣною, т. е. въ каждый данный моментъ она зависитъ отъ отношенія между предложеніемъ этого продукта и спросомъ на него.

Таковъ обнаружившійся внѣшнимъ образомъ общій законъ, опредѣляющій при господствѣ свободного соперничества всѣ цѣны.

Но, какъ мы уже видѣли, законъ этотъ сводится на другой, лежащій въ его основаніи и опредѣляющій это отноше-

ніе спроса къ предложенію. Это законъ, по которому цѣна продуктовъ равняется необходимой стоимости ихъ производства. Ибо, если бы предложеніе какого-нибудь продукта такъ превышало спросъ на него, что цѣна его пала бы ниже стоимости его производства, то производство его прекратилось бы или уменьшилось до восстановления нормальнаго отношенія.

Если бы, наоборотъ, вслѣдствіе усиленнаго спроса рыночная цѣна продукта поднялась надолго на столько, что пришлось бы больше обыкновенной прибыли, то вслѣдствіе свободнаго соперничества капиталы обратились бы на это производство и усилили бы предложеніе этого продукта, пока цѣна его не пала бы до необходимой стоимости производства.

Итакъ, при господствѣ свободнаго соперничества необходимая стоимость производства продукта, опредѣляя собою въ послѣдней инстанціи снабженіе рынка и отношеніе спроса къ предложенію, составляетъ истинный и внутренній законъ, опредѣляющій цѣну продуктовъ.

Но, какъ я не разъ уже замѣчалъ, стоимость производства есть лишь практическое выраженіе количества рабочаго времени, необходимыхъ для произведенія продукта. Это опредѣленіе стоимости производства есть блистательнѣйшій научный подвигъ Рикардо. Слѣдовательно, истинное мѣрило цѣнности, такъ сказать, совѣсть буржуазнаго производства заключается въ количествѣ рабочаго времени, необходимаго для произведенія продукта. Но, какъ я сказалъ (стр. 135), совѣсть эта обнаруживается только въ постоянномъ нарушеніи ея, въ безпрестанныхъ колебаніяхъ маятника рыночной цѣны, во всегдашнемъ переборѣ и недоборѣ. Вспомните, что я говорилъ (стр. 30 и сл.) объ азартной игрѣ, въ которую превратилось современное производство. Это вѣчное надувательство рыночной цѣны можетъ имѣть въ частныхъ случаяхъ для предпринимателей или капиталистовъ очень непріятныя разорительныя послѣдствія. Въ частномъ случаѣ капиталистъ или предприниматель можетъ очутиться на рынкѣ въ моментъ паденія маятника и быть вынужденъ уступить свой товаръ въ убытокъ, и можетъ не попасть на рынокъ въ минуту поднятія маятника. Но это возможно лишь въ частныхъ случаяхъ, а что ка-

сается всего сословія предпринимателей или капитала, то тутъ-то именно и обрѣтаетъ онъ свободное поприще для своихъ силъ, тутъ-то онъ обнаруживаетъ притягательную силу крупнаго капитала на мелкій, давая во время этихъ колебаній мелкихъ промышленниковъ и капиталистовъ и избавляясь отъ ихъ соперничества.

Итакъ, для капиталиста эти колебанія маятника уравниваются въ поперечникъ, въ опредѣляющій ихъ законъ—рабочее время.

Слѣдовательно, ни одного часа рабочаго времени, ни одной капли пота работника не пропадаетъ для сословія предпринимателей, для капитала, даромъ въ цѣнѣ продуктовъ. Потребитель все выплачиваетъ ему, капля за каплей.

Таково положеніе предпринимателя относительно потребителя. Теперь посмотримъ, какое отношеніе устанавливаетъ предприниматель, держащій при нынѣшней индивидуальной формѣ производства въ своихъ рукахъ продуктъ, а слѣдовательно и выручку за него, между собою и работниками въ распредѣленіи дохода производства; посмотримъ, какова окончательная доля того и другого въ продуктѣ.

Я сказалъ еще въ «Гласномъ Отвѣтѣ» (см. № 2 «Вс. Б.»), что въ современныхъ условіяхъ производства желѣзная необходимость ограничиваетъ средній размѣръ рабочей платы содержаніемъ, безусловно необходимымъ по народнымъ привычкамъ для жизни.

Вы съ вашими приверженцами заспорили тогда противъ этого. Вы утверждали противъ меня, что цѣну рабочей платы опредѣляетъ только отношеніе спроса къ предложенію. Это совершенная истина. Но въ томъ-то и состоитъ гнусное лицемеріе вашей братіи, васъ, гг. Вирта, Фаухера, Михаэлиса и прочей шайки, что вы дѣлаете видъ, будто говорите нѣчто совершенно иное, между тѣмъ какъ только повторяете другими словами то же, что я утверждаю. Признавая, что рабочая плата опредѣляется только спросомъ и предложеніемъ, вы рассматриваете ее какъ товаръ, что при нынѣшнихъ условіяхъ совершенно исторически справедливо.

Какъ цѣна всѣхъ другихъ товаровъ, такъ и цѣна труда (рабочая плата) опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію. Совершенно вѣрно. Но спрашивается далѣе:

цѣмъ опредѣляется въ каждую данную минуту рыночная цѣна каждаго товара, т. е. среднее отношеніе спроса на него къ его предложенію? Необходимую стоимость его производства, какъ только-что объяснилъ и какъ вы по временамъ сами проговариваетесь.

Рынокъ, г. Шульце, вещь очень оригинальная, далеко не сантиментальная и не эстетическая. «Фунтъ пряжи, которую собственноручно пряла свѣтлѣйшая герцогиня—говорить старинный шотландскій экономистъ сэръ Джемсъ Стюартъ *)—стоитъ на рынокѣ ровно столько же и ни на грошъ не дороже, какъ фунтъ такой же пряжи издѣлья нищей потаскушки, не проживающей и 6 пенсовъ въ день».

Рынку рѣшительно все равно, что бы на немъ ни продавалось—китайскій фарфоръ или американскій хлопокъ, вонючія тюленьи шкуры, *assa foetida*, прекрасныя черкесскія невольницы или трудъ, т. е. европейскія рабочія руки. У него на все одно мѣрило, одна совѣсть: спросъ и предложеніе, отношеніе которыхъ въ послѣдней инстанціи опредѣляется необходимою стоимостью производства.

А во что же обходится среднимъ числомъ рынку производство работника, г. Шульце?

Да очевидно во столько, сколько стоитъ доставленіе необходимыхъ средствъ существованія другому работнику, его необходимое содержаніе съ семьей! Дайте ему только средства существовать и—не безпокойтесь—онъ самъ произведетъ ребенка, хотя правда, не ради предпринимателя! Другимъ рыночнымъ поставщикамъ товаровъ нужна приманка «прибыли», чтобы побуждаться къ производству, а ему и этого не нужно! Лишь бы была возможность, онъ примется за дѣло ради самаго дѣла.

Итакъ, рабочая плата или стоимость производства труда, опредѣляемая «свободнымъ соперничествомъ», равняется, стало быть, стоимости производства работника **).

*) «Principl. of polit écon.», Т. I, p. 183.

**) Буржуазная экономія очень хорошо знаетъ это и вполне ясно показала это соотношеніе. «Если бы расходы производства шляпъ—говоритъ Рикардо Т. II, ст. 30, р. 253, edition Const.—уменьшились, цѣна ихъ пала бы наконецъ до естественной цѣны (стоимости) ихъ, хотя спросъ на шляпы могъ бы удвоиться, утроиться и учетвериться».

Когда водворяется обычай занимать на фабриках и дѣтей, рынокъ принимается опять соображать и разсчитывать. Онъ находитъ, что теперь работнику отцу нѣтъ надобности получать полнаго необходимаго содержанія для семьи средняго числа членовъ; онъ можетъ довольствоваться теперь меньшимъ, потому что дѣти сами промышляютъ себѣ содержаніе *).

Такъ разсуждаетъ и поступаетъ рынокъ. Да ему и нельзя иначе разсуждать подъ владычествомъ закона свободнаго соперничества, подчиненіе которому даже всѣхъ нравственныхъ и гуманныхъ отношеній—есть бранный кличъ и богослуженіе вашей шайки, г. Шульце!

Нѣтъ надобности доказывать, что изъ всѣхъ поставщиковъ товаровъ на рынокъ работникъ, поставляющій товаръ «трудъ», находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ въ конкуренціи.

Каково было бы положеніе продавцовъ прочихъ товаровъ, если бы они не могли недѣлю-другую выжидать въ случаѣ слишкомъ низкой цѣны спроса?

Вотъ именно этой возможности выжидать не имѣетъ продавецъ товара «трудъ». Голодь заставляетъ его продавать немедленно!

Вслѣдствіе этого относительно этого товара маятникъ поднимается гораздо затруднительнѣе и гораздо ниже, да и поднимаясь ведетъ только къ тому что дѣлаетъ положеніе работниковъ часто еще гораздо печальнѣе прежняго, давая

Если уменьшить расходы существованія людей уменьшеніемъ естественной цѣны необходимыхъ для жизни пищи и одежды, то рабочая плата упадетъ, хотя бы спросъ на руки значительно увеличился». Ср. Ж. Б. Сэй и длинный рядъ цитатъ на стр. 94, прим. 3. Далѣе еще сэръ Джемсъ Стюартъ довольно ясно показалъ это, разсматривая принципъ населенія. Ср. «Principl. of polit. econom». Т. I, кн. I, стр. 4, 5, 12 и 20, etc.

*) Сэръ Джемсъ Стюартъ еще не зналъ работы дѣтей на фабрикахъ, однако говорить: «Можетъ ли женатый человѣкъ, которому приходится прокармливать дѣтей, оспаривать это преимущество (большей дешевизны) у того, кто заботится только самъ о себѣ? Стало бытъ, холостой принуждается прочихъ гибнуть съ голода (the unmarried therefore force the others to starve), и основаніе пирамиды стѣсняется» «Principles», Т. I, стр. 93, изд. Вас.).

сильное побужденіе къ усиленному размноженію рабочаго сословія *)).

Не стоитъ также объяснять, г. Шульце, что этого отношенія не можетъ измѣнить никакой предприниматель, какъ бы онъ ни былъ «великодушень». При первой попыткѣ къ этому сосѣди схватили бы его за руку и образумили, и желѣзо свободнаго соперничества, съ которымъ онъ не могъ бы тягаться, пронзило бы его насквозь

Слѣдовательно, при свободномъ соперничествѣ предприниматель относится къ работнику, какъ къ товару! Работникъ—это работа, а работа есть продуктъ необходимой стоимости производства.

Вотъ чѣмъ специально опредѣляется человѣческая физиономія нашего времени подъ господствомъ свободнаго соперничества.

Всѣ прежнія отношенія господина и раба въ древности, феодала и землевладѣльца и крѣпостнаго, или вассала или ленника, въ средніе вѣка, были все-таки человѣческія отношенія.

Они были человѣчны, но не въ филантропическомъ смыслѣ, г. Шульце, не въ смыслѣ болѣе или менѣе хорошаго обращенія, хотя положеніе нынѣшняго работника дальше, чѣмъ земля отъ неба, отъ участи, которую доставлялъ рабамъ гуманный духъ грековъ и римлянъ. Они были человѣчны прежде всего по принципу, лежавшему въ основаніи ихъ, а отсюда вытекаеть и все остальное.

Эти отношенія были человѣчны, говорю я, потому что представляли отношенія господствующихъ къ подчиненнымъ, а это конечно человѣческое отношеніе. Они были человѣчны, потому что были отношеніемъ одного извѣстнаго индивидуума къ другому извѣстному индивидууму. То были отношенія человѣческія, что подтверждаютъ

*) Ср. Тука «Исторію цѣнъ», изд. Ашеръ, Т. I, р. 219: «Весь опытъ, какъ новѣйшихъ наблюденій, такъ и историческихъ свидѣтельствъ, доказываетъ несомнѣнно, что изъ всѣхъ предметовъ обмѣна рабочая плата послѣдня и поднимается въ цѣнѣ вслѣдствіе общей дороговизны или упадка цѣнности денегъ; съ другой стороны, при излишкѣ товаровъ или про вздорожаніи денегъ рабочая плата послѣдняя и падаетъ въ цѣнѣ.» Ср. въ моихъ сочиненіяхъ (Т. I, стр. 167 и сл.) ст. «Косвенные налоги».

даже насилія, которымъ подвергались рабы и крѣпостные. Ибо гнѣвъ и любовь—отношенія человѣческія, и если я даже въ гнѣвѣ бью кого-нибудь, значить я считаю его человѣкомъ и обращаюсь съ нимъ какъ съ человѣкомъ, потому что иначе онъ не могъ бы возбудить во мнѣ гнѣва.

Но холодное безличное отношеніе предпринимателя къ работнику какъ къ вещи,—какъ къ вещи, получаемой, подобно всякому другому товару, на рынкѣ по закону стоимости производства—въ немъ-то вотъ и состоитъ специфическая совершенно обезчеловѣченная фізіономія буржуазнаго періода!

Вотъ почему наша либеральная буржуазія такъ ненавидитъ государство, не то или другое извѣстное государство, а вообще понятіе государства. Имъ хотѣлось бы совершенно уничтожить его, чтобы оно исчезло, слившись съ понятіемъ гражданскаго общества, т. е. прониклось бы всѣми своими сторонами свободнымъ соперничествомъ. Дѣло въ томъ, что въ государствѣ работники считаются еще людьми, между тѣмъ какъ въ гражданскомъ обществѣ буржуазовъ, гдѣ владычествуетъ законъ свободного соперничества, они, какъ все, разсматриваются только по цѣнѣ стоимости производства, лишь какъ вещи.

Вотъ почему буржуазія особенно ненавидитъ сильное государство, каковы бы ни были его устройство и учрежденія. Не имѣя возможности устранить государство, она хочетъ по крайней мѣрѣ предать его какъ можно съ большихъ сторонъ индивидуализму свободного соперничества, чтобы на сколько можно отождествить его съ буржуазнымъ обществомъ и подчинить обезчеловѣчивающему владычеству этого деспотическаго закона.

Угодно ли вамъ посмотрѣть на эту разницу періодовъ цивилизаціи на краткихъ рѣзкихъ примѣрахъ?

Знаете ли, какъ думалъ о своихъ рабахъ Маркъ Крассъ, тотъ Маркъ Крассъ, про котораго я сказалъ вамъ, что онъ обладалъ состояніемъ въ 9.900,000 талеровъ и которому бы поэтому конечно поклонились бы въ ножки?

Рассказавъ, какой легіонъ рабовъ былъ у Красса, Плутархъ продолжаетъ такъ: «Когда рабы его учились, онъ присутствовалъ на урокахъ, слушая или самъ уча; вообще онъ

полагалъ, что господину больше всего приличествуетъ забота о рабахъ, какъ одушевленныхъ органахъ хозяйства. И Крассъ разсуждалъ совершенно вѣрно, какъ самъ говорилъ: вѣмъ прочимъ надо управлять черезъ рабовъ, рабами же надо править самому *).

Видите, какимъ здравымъ экономическимъ сознаниемъ, какимъ глубокими экономическими познаніями отличался этотъ римлянинъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ сравненіи съ Бастиа и вами!

Онъ видитъ въ рабахъ блюстителей своего материальнаго богатства, а въ себѣ—ихъ политическаго повелителя и правителя.

Теперь отъ этого Марка Красса, считающаго своей правительственной обязанностью самому присутствовать при урокахъ своихъ рабовъ и самому преподавать имъ, обратимся скорѣе къ другому примѣру, который представитъ намъ отчаянный контрастъ.

«Швейцарскіе фабриканты похвалялись передъ нѣмцами, что могутъ принуждать работать по низшимъ цѣнамъ, потому что въ Швейцаріи нѣтъ обязательнаго посѣщенія школъ».—Слова либеральнаго профессора Рошера **).

Чего стоитъ на рынкѣ воспроизведеніе работника? Таковъ важнѣйшій вопросъ и интересъ буржуазнаго періода ***).

*) Плут. «Vita Crassi», Т. III, стр. 250, Лондонъ. Плутархъ совершенно вѣрно прибавляетъ въ поясненіе: «Дѣло въ томъ, что экономія, которая относительно неодушевленныхъ вещей есть искусство пріобрѣтенія, относительно людей является политикою», (искусствомъ управленія).

**) «Очерки народнаго хозяйства», Лейпцигъ, 1863, р. 234.

***) Изъ этого точно такъ же послѣдовательно возникаетъ другой вопросъ: Прибыльнѣ ли на рынкѣ сохранять существованіе людей или не выгоднѣ ли уничтожить людей, чтобы производить другія статьи товара? Когда въ первыя десятилѣтія нашего вѣка оказалось, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ прибыльно обращать пашни въ луга, многіе землевладельцы, особенно въ Шотландіи, выгнали съ своихъ земель цѣлыя народонаселенія, обрекли ихъ такимъ образомъ на нищету и голодную смерть. Такъ одна графиня Сотерландъ изгнала изъ своихъ помѣстій съ 1811 по 1820 г. не менѣе 15,000 жителей, сожгла ихъ деревни и обратила ихъ поля въ пастбища (Сисмонди, «Etude sur l'econ. polit». Paris. 1837, Т. I, 210—225); за то уже въ 1820 г. наградой этой успѣшной прибыльной операціи оказалось 131,000 овецъ! Вотъ во что превратились въ періодъ свободнаго соперничества и производительности капитала, вотъ

Работникъ, въ политическомъ отношеніи оставшійся по прежнему подчиненнымъ, въ общественномъ отношеніи сдѣлался вещью *).

Поспѣшимъ придти къ выводамъ!

Итакъ, независимо отъ прежнихъ нашихъ доказательствъ, мы снова и систематически убѣдились, что средняя величина рабочей платы необходимо ограничивается размѣромъ безусловно необходимаго для жизни содержанія, потому что цѣна труда, какъ цѣна чулокъ, въ концѣ концовъ опредѣляется необходимою стоимостью производства. Таковъ законъ свободнаго соперничества и къ этому закону хотите вы внушить работникамъ благоговѣніе, его-то выставляете вы имъ съ величайшимъ нравственнымъ восторгомъ, «полнѣйшею человѣчностью»!

Если рабочая плата среднимъ числомъ всегда ограничивается безусловно необходимымъ содержаніемъ, то изъ этого само собою слѣдуетъ, что весь вырученный отъ продажи

во что необходимо превратились въ «буржуазномъ» періодѣ старинныя отношенія шотландскихъ клановъ къ ихъ Сотерландамъ, Арджайлямъ, Гамильтонамъ и прочимъ главамъ! Шотландскій экономистъ сэръ Джеймсъ Стюартъ предусмотрѣлъ это событіе еще въ половинѣ прошлаго столѣтія. Его «макиавелизмъ» подробно объясняетъ это («Principi», T. I, стр. 178). Правда, онъ прибавляетъ, что считаетъ землевладѣльцевъ неспособными на подобное безчеловѣчіе и потому полагаетъ, что такое превращеніе полей въ пастбища не можетъ быть произведено вдругъ. Теперь разсуждаютъ иначе. Когда въ одномъ берлинскомъ экономическомъ обществѣ зашла рѣчь объ этихъ изгнаніяхъ, одинъ прогрессистскій депутатъ и политико-экономистъ замѣтилъ: «Да не все ли равно, господа, для націи потерять извѣстное число людей, за то приобрести столько жирныхъ овецъ!» Я передаю это съ чужихъ словъ, какъ мнѣ рассказывали, и потому не назову мудраго экономиста. Но въ литературѣ подобныя соображенія не рѣдкость. Ученіе школы пугаетъ даже такихъ людей, какъ Рошеръ, который однажды, излагая его, воскликнулъ съ ужасомъ: «Право можно подумать, что люди существуютъ для продуктовъ, а не продукты для людей».

*) Поэтому общественнымъ путемъ нельзя выйти изъ этого общественнаго положенія. Англійскій strikes (стачки рабочихъ) представляютъ собою тщетныя усилія вещи представиться человѣкомъ; печальные результаты этихъ усилій извѣстны. Поэтому единственный выходъ возможенъ для работниковъ только въ той области, въ которой они еще считаются людьми, т. е. посредствомъ государства, посредствомъ такого государства, которое поставило бы себѣ эту цѣль задачей, что оно наконецъ и не преминетъ сдѣлать. Вотъ почему либеральная буржуазія питаетъ такую инстинктивную, безграничную ненависть къ самому понятію государства во всѣхъ его явленіяхъ.

продукта излишекъ дохода производства надъ безусловно необходимыми для поддержанія жизни во время производства расходами остается въ рукахъ предпринимателя. Онъ распредѣляетъ этотъ излишекъ на основаніи другихъ законовъ, въ разборъ которыхъ я не буду здѣсь входить, между собою и чистымъ капиталистомъ (получающимъ процентъ, или—въ качествѣ землевладѣльца—поземельную ренту, разбирать особенные законы которыхъ я тѣмъ болѣе не стану).

Итакъ, весь излишекъ продукта труда надъ безусловно необходимымъ для существованія содержаніемъ работника достается капиталу въ его различныхъ формахъ—есть премія капитала.

Вамъ извѣстна—вы извините меня, г. Шульце, что я ради формы обращаюсь къ вамъ по временамъ, какъ будто къ человѣку, что-нибудь смыслящему въ экономическихъ вопросахъ—любопытная экономическая категория фізіократовъ, *l'exédant du produit* излишекъ производства. Фізіократы называли производительнымъ только тотъ трудъ, который давалъ больше дохода, чѣмъ сколько нужно работнику потребить на свое содержаніе во время работы. Трудъ, дававшій дохода лишь столько, сколько стоило содержаніе работника во время работы, они показывали бесплоднымъ (*stéril*). Изъ этого правила фізіократы выводили логическое заключеніе, что производителенъ только земледѣльческій трудъ, а всякій промышленный трудъ бесплоденъ. Что касается самаго правила, то при нынѣшнихъ условіяхъ оно довольно справедливо. Если человѣкъ принужденъ постоянно отдавать въ чужія руки постоянно возрастающей излишекъ своего труда надъ потребностями своего существованія, если онъ всегда устраняется отъ участія въ этомъ все увеличивающемся доходѣ своего производства, который, поступая въ чужія руки, оказывается въ нихъ все болѣе и болѣе самостоятельно пріобрѣтательнымъ, если онъ никогда не получаетъ больше того, во что обходится ему необходимое существованіе во время работы,—то трудъ его конечно не производителенъ для него. Необходимое содержаніе получалъ и рабъ, и содержаніе древняго раба было даже гораздо избыточнѣе, чѣмъ содержаніе нашего работника, который содержится впро-

голодь. И здѣсь противорѣчіе чѣмъ большее и нестерпимѣе, что этотъ современный фактической рабъ юридически признается свободнымъ человѣкомъ.

Итакъ, тайна производительности капитала заключается въ производительности труда и наоборотъ. Въ различіи рабочихъ количествъ, оплачиваемыхъ въ цѣнѣ продуктовъ и рабочихъ платъ—въ различіи, которое въ такъ наивно просмотрѣли (стр. 133)—заключается и прибыль, достигающаяся капиталу, премія капитала, его постоянно сама собою увеличивающаяся, постоянно сама себя воспроизводящая, приобретающая сила, производительность капитала, осуществляющаяся чрезъ свободное соперничество.

Ни одной капли трудового пота, сказалъ я, не падаетъ съ чела работника, за которую капиталъ не получилъ бы платы въ цѣнѣ продукта, между тѣмъ какъ самъ работникъ долженъ довольствоваться необходимымъ для поддержанія жизни содержаніемъ. Всякій талеръ, сказалъ я также, въ рукахъ предпринимателя произвести завтра новый талеръ, будучи снова внесенъ въ производство. Оба эти положенія въ послѣднемъ анализѣ своемъ сливаются и разрѣшаются теперь въ слѣдующее: каждый талеръ, т. е. каждая капля трудового пота работника, не преминетъ завтра выжать изъ работника новую, безплодную каплю трудового пота, произвести капиталу новый талеръ! И чѣмъ больше удастся удешевить цѣны продуктовъ, т. е. содержаніе работника, тѣмъ болѣе съ возрастаніемъ доходности труда возрастаетъ не доходъ работника, а капитализирующая сила производства. Теперь для Рейхенгейма возможно то, что было невозможно ни для какого феодальнаго сеньора. Онъ можетъ капитализировать каждую каплю пота работника, т. е. обратить ее въ источникъ новой капли пота для работника и новаго талера для себя!

Разница между рабочими платами, или цѣною труда, и рабочими количествами, оплачиваемыми капиталу въ цѣнѣ продуктовъ, необходимо составляетъ причину того, что всѣ работники, участвовавшіе въ произведеніи продукта, какъ умышленные, такъ и физическіе, не могутъ выкупить своей собственной работы за общую сложность своихъ рабочихъ платъ. Этимъ выражается, только

въ другой формѣ, то же, что я объяснилъ выше. Не толкуйте мнѣ, г. Шульце, про машины, которыя будто бы произвели этотъ результатъ своею большою доходностью. Такое выраженіе было бы просто безмысленно. Машины вѣдь тоже продукты труда, а я говорю про всѣхъ работниковъ, участвовавшихъ въ производствѣ продукта, стало быть, разумѣю тутъ и строителей машинъ, и обработчиковъ сырого матеріала, рудокоповъ и проч. Напротивъ того, можно сказать,—и въ этой формѣ нашъ выводъ выразится еще яснѣе,—чѣмъ дороже трудъ работника при неизмѣнившейся стоимости содержанія его, тѣмъ невозможнѣе работникамъ выкупить продуктъ своего собственнаго труда, тѣмъ болѣе возрастаетъ разница между продуктомъ работы и рабочей платой, тѣмъ, слѣдовательно, бѣднѣе становятся работники, такъ какъ понятіе бѣдности и богатства относительноны и выражаютъ только отношеніе къ доходу производства извѣстнаго періода.

Не пытайтесь, г. Шульце, какъ вы впрочемъ пытались, увѣрять работниковъ, будто прибыль, достоящаяся капиталу, есть вознагражденіе умственнаго труда предпринимателей, плата за умственное веденіе ими дѣлъ. Рабочей платой предпринимателямъ за ихъ умственное веденіе дѣлъ можно считать только самую сравнительно малую ничтожную долю предпринимательскаго дохода, взимаемаго въ народѣ, и я никогда не причисляю эту долю къ тому, что называю прибылью капитала*). Наукѣ давно извѣстно, что эта умственная рабочая плата предпринимателей составляетъ лишь ничтожную долю предпринимательскаго дохода**), да и либеральные экономисты часто соглашались съ этимъ***). Англійскіе экономисты, съ достойной

*) Ср. цитату въ предисловіи.

**) См. фонъ-Тюненъ, «Естественная рабочая плата». Ростокъ, 1840, от. I, стр. 80; Марш (проф. Винкельблехъ), «Система всемірной экономіи», Ч. I, гл. 4, Ч. II, гл. 11, 12, 13; Сисмонди, «Новыя начала», Т. I, стр. 359.

***) Изъ либеральныхъ экономистовъ см. особенно Небенгусъ, «Общественный кредитъ», гл. 2; фонъ-Германъ, «Политико-экономич. изслѣдованія», р. 204—214; Шторхъ, «Курсъ политич. экономіи», Т. II, р. 87, Петербургъ; Шень, «Новыя изслѣдованія въ политич. экономіи», р. 87 и 112—116; Раденъ, «Народная экономія». § 466—477 и 685; Рау, «Основанія», р. 311—323, и множество другихъ.

уваженія откровенностью, всегда разсматривали предпринимательскій барышъ лишь какъ премію капитала, а той долей предпринимательскаго барыша, которую можно выдавать за «умственную рабочую плату», по ея крайней незначительности совершенно пренебрегали. Только, такъ называемое, гуманное направленіе французскихъ экономистовъ изобрѣло живую выдумку выдавать предпринимательскій барышъ за умственную рабочую плату *).

Впрочемъ, если хотите практически убѣдиться, какъ изумительно мала доля предпринимательскаго барыша, составляющая плату за умственный трудъ, то вамъ стоитъ только взглянуть на то, что дѣлается вокругъ васъ. Подумайте, сколько помѣщиковъ, фабрикантовъ, купцовъ поручаютъ веденіе своихъ дѣлъ управляющимъ, директорамъ, приказчикамъ, а сами разъѣзжаютъ по Италіи, странствуютъ на Востокъ и вообще сами вовсе не занимаются своими дѣлами. Понятно, что если бы эти господа хозяйничали сами, то платой за ихъ собственную умственную дѣятельность оказывалось бы только жалованье, которое они платятъ управляющимъ, и которое такъ ничтожно въ сравненіи съ ихъ барышами.

Отдѣленіе умственной дѣятельности по веденію дѣла отъ лица предпримателя иногда оказывается даже необходимымъ, а именно во всѣхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ нашего времени, желѣзныхъ дорогахъ, банкахъ и т. д. Здѣсь капиталистъ или предприниматель—лицо коллективное, состоящее изъ множества особъ, вслѣдствіе чего и не можетъ самъ вести дѣло, которое поручается директору на жалованьи. Ну, теперь посудите, сообразно ли съ дѣйствительностью, чтобы предпринимательскій барышъ былъ платою за умственную дѣятельность по веденію дѣла? Если бы такъ, то откуда брались бы 13 проц. дивиденда, даваемые акціями кельнъ-минденской желѣзной дорогой своимъ предпринимателямъ (акціонерамъ), которые и пальцемъ не по-

*) Сей предупредилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ. Не должно смѣшивать съ этимъ, такъ называемымъ, гуманнымъ французскимъ направленіемъ, рядъ дѣйствительно гуманныхъ французскихъ экономистовъ, каковы: Вобанъ, Буагильбергъ, Форбоне, Некеръ, Сисмонди. Эти люди—слава Франціи, слава, которой она блистаетъ раньше Англіи.

шевелить для веденія дѣла? Откуда брались бы 17 проц. дивиденда магдебургъ-лейпцигской? Откуда 25,5 проц. дивиденда магдебургъ-гальберштадтской?

Въ предпріятіяхъ такого рода директорамъ по разнымъ причинамъ платится иногда огромное жалованье. Однако, чтобы получить понятіе о сравнительно изумительной ничтожности платы за веденіе дѣлъ, содержащейся въ общей суммѣ національнаго предпринимательскаго дохода, сравните жалованье директоровъ этихъ желѣзныхъ дорогъ, съ присокупленіемъ еще пожалуй жалованья совѣтниковъ администраціи, съ суммой прибыли капитала, даваемой этими желѣзными дорогами *). Замѣтимъ еще, что всѣ уси-

*) Чтобы пособить вашему невѣжеству, вотъ вамъ практическій примѣръ въ цифрахъ. Возьмемъ печатный отчетъ дирекціи кельнъ-минденской железной дороги за 1862 г. Изъ него видно (р. 243), что въ 1862 г. кельнъ-минденская желѣзная дорога дала дивиденда . 1.641,250 тал. и сверхъ того проц. на старшія акціи 1.726,271 „

Итого 3.367,521 тал.

Не считаю 521,290 тал., отложенныхъ въ запасный фондъ, 73,000 погашенія, 628,952 экстра-дивиденда государству, всего стало быть 1.223,242 тал., которые по настоящему слѣдовало бы причислить къ итогу 3.367,521 тал.

Итакъ, премія капитала, достаемая капиталу изъ этого предпріятія, составляетъ по крайней мѣрѣ 3.367,521 тал. годового дохода. Ну, и сколько бы вы думали, г. Шульце, платится съ этого предпріятія жалованья за высшее управленіе дѣломъ? Смотрите стр. 262—265 отчета.

Жалованье директоровъ дороги	3,475 тал.
„ директора эксплуатаціи	3,200 „
„ контролера эксплуатаціи	1,900 „
„ спеціального директора	2,200 „
„ его помощника	1,500 „

Итого 12,276 тал.

Всѣ прочія перечисляемыя въ отчетѣ жалованья архитекторамъ, инспекторамъ, регистраторамъ, вагоннымъ мастерамъ, и всякаго рода работникамъ платилъ бы и всякій единичный предприниматель, такъ что у него, какъ здѣсь, это составляло бы посторонній расходъ и ни въ какомъ случаѣ не принадлежало бы къ его предпринимательскому доходу. Предпринимательскій доходъ составляютъ тѣ 3,5—4,5 мил. чистаго дохода, которые остаются изъ валового дохода по отчисленіи всѣхъ жалованій, рабочихъ платъ и всякаго рода расходовъ.

Такимъ образомъ, при отдѣленіи лица капиталиста предпринимателя отъ лица завѣдующаго дѣломъ, на долю по-

ливающіеся отнести предпринимательскій барышъ къ личности предпринимателя *) впадаютъ въ чрезвычайно забавную ошибку. Это очевидно изъ всего доказаннаго мною выше.

Личность предпринимателя, его прилежаніе, лѣнность, предпримчивость, глупость и проч.,—всѣ эти качества имѣютъ конечно большое вліяніе на опредѣленіе того, сколько изъ всей прибыли капитала, ежегодно достающейся сословію предпринимателей, придется на долю извѣстнаго предпринимателя, Петра, передъ прочими предпринимателями, Павломъ, Иваномъ и т. д. Другими словами, этотъ вопросъ относится только къ соперничеству предпринимателей между собою и опредѣляетъ участіе отдѣльныхъ предпринимателей въ барышѣ, достаемомъ всему сословію предпринимателей изъ годичнаго дохода производства. Но онъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на барышъ всего сословія предпринимателей націи.

Пусть общая сумма годового продукта труда равна A . Сумма, необходимо нужная для существованія рабочаго сословія въ теченіе года, т. е. итогъ рабочихъ платъ равенъ X . Стало быть, каковы бы ни были предприниматели, всѣ ли прилежны или всѣ лѣнны, всѣ умны или всѣ глупы, во всякомъ случаѣ всему сословію ихъ достанется сумма A минусъ X , и отъ личныхъ качествъ ихъ будетъ зависѣть только распредѣленіе этой суммы между частными предпринимателями. Дѣятельность предпринимателей можетъ увеличить общую сумму годового продукта, превратить ее, напр., въ A плюсъ B . Результатъ этотъ получается, если предпріятія основаны не за границей, умноженіемъ единицъ труда, доставляемыхъ націей. Но если бы даже это умноженіе рабочихъ количествъ увеличило

слѣднаго изъ 3,5—4,5 мил. премій капитала приходится 12,000 рабочей платы за умственный трудъ веденія дѣла. Вотъ и судите, г. Шульце, какъ справедливо, что предпринимательскій доходъ, взимаемый въ народѣ, есть не что иное, какъ чисто умственная рабочая плата!!!

*) Напр. Ж. Б. Сэй, «Полный Курсъ». V, 8.; Дюноайе, «О свободѣ труда», кн. VI.; Штейнлейнъ, «Руководство народнаго хозяйства», кн. I, стр. 444 и сл.; Мангольдъ, «Ученіе о предпринимательскомъ барышѣ», Лейпцигъ, 1853, также не чуждо этой нелѣпности.

итогъ рабочихъ платъ, чего вовсе не слѣдуетъ необходимо, то причиной или слѣдствіемъ этого является соответственное умноженіе рабочей массы. (Въ этомъ именно и заключается внутренняя причина возрастанія европейскаго народоувластія). Итогъ рабочихъ силъ въ націи, положимъ, увеличился, но этотъ увеличенный итогъ распредѣляется теперь на увеличившееся въ той же мѣрѣ, а часто и больше, число работниковъ. Слѣдовательно, заработокъ единичнаго работника, количество продукта, получаемое каждымъ работникомъ, не увеличился. Мало того, доля всего рабочаго сословія вообще въ его собственномъ продуктѣ труда, получаемая имъ въ формѣ рабочей платы, можетъ даже понизиться, хотя бы количество продуктовъ, достаемое всѣмъ работникамъ вмѣстѣ, увеличилось, если, какъ всегда и бываетъ, производительность труда рабочаго сословія возросла еще болѣе! Въ Англіи несомнѣнно предприимчивый духъ ея предпринимателей создалъ пауперизмъ ея работниковъ.

Предметомъ изслѣдованія экономической науки можетъ быть, конечно, только вопросъ, какая доля продукта производства достанется сословію предпринимателей сравнительно съ работникомъ, а въ отношеніи послѣдняго только вопросъ: какое количество продукта достанется каждому работнику въ частности и какую долю своего собственного продукта труда получаетъ все рабочее сословіе. Что касается изслѣдованія о томъ, благодаря какимъ личнымъ качествамъ удастся одному предпринимателю зашибить больше другого изъ всего дохода сословія предпринимателей, то это дѣло не науки, а практическихъ коммерческихъ школъ и конторскихъ тайнъ; прославленіемъ же этихъ личныхъ качествъ можно заниматься развѣ за тостами на обѣдахъ у богатыхъ негоціантовъ, но никакъ не въ экономической наукѣ. Но вся наша либеральная экономія вообще постоянно смѣшиваетъ частную экономію съ народной, что въ числѣ многихъ нецѣлостей приводитъ ее и къ подобнымъ изслѣдованіямъ, которыя естественно оканчиваются ложными результатами, потому что самый вопросъ поставленъ ложно.

Изъ всего длиннаго разсужденія вы, надѣюсь, убѣдились, г. Шульце, какъ велико общее заблужденіе всѣхъ буржуаз-

ных экономистовъ считать капиталъ и всё прочія экономическія категоріи категоріями логическими, въ чьими. Экономическія категоріи суть категоріи историческія, а не логическія. Производительность капитала не «законъ естественный», а слѣдствіе извѣстныхъ историческихъ условій и можетъ, даже должно, исчезнуть съ переменной этихъ условій *).

Кромѣ того вы, можетъ быть, сознали теперь справедливость замѣчанія Гете въ «Западно-Восточномъ Диванѣ», которое такъ идетъ къ вамъ:

«Wer nicht von dreitausend jahren
Sich weiss rechenschaft zu geben,
Bleib im Dunkeln unerfahren,
Mag von Tag zu Tage leben».

«Кто не умѣетъ отдавать себѣ отчета въ трехъ тысячахъ лѣтъ (исторіи), тотъ будетъ неопытнымъ бродить изо дня въ день въ потьмахъ».

И вы видите теперь, какъ худо прикидываться «образованнымъ», не удовлетворяя этому условію.

Для полного познанія всего, чему можно научиться изъ длинныхъ предшествующихъ разсужденій, выставимъ суть ихъ въ сжатой, но рѣзкой формѣ.

Возьмемъ начальный и конечный моменты долгаго историческаго процесса, который я вамъ изложилъ.

Въ первобытномъ состояніи индивидуальнаго, изолированнаго труда, съ котораго мы начали, орудіе труда—лукъ индѣйца—было производительно только въ рукахъ самаго работника, т. е. производителенъ былъ только трудъ.

Является раздѣленіе труда. Помните, что раздѣленіе труда въ противоположность труду индѣйца есть общій трудъ, общественное производство, хотя

*) Итакъ, я доказалъ въ этомъ и послѣдующемъ разсужденіи, что экономическая категорія «капиталъ» и юридическая категорія «собственность» суть лишь категоріи историческаго духа, подобно тому, какъ я доказалъ это относительно всѣхъ юридическихъ категорій въ «Системѣ прибрѣтенныхъ правъ» (Пред. р. XVI и сл., и р. 69 прим. 1, р. 259, прим. 1-е, см. выше 2-е прим. на р. 162, а во II томѣ этого сочиненія относительно права наследства, т. е. семейнаго права).

производимое еще съ помощью индивидуальных ссудъ и вслѣдствіе этого сопровождаемое индивидуальнымъ раздѣленіемъ продукта труда между ссужающими. Раздѣленіе труда, превращеніе производства въ систему мѣновыхъ цѣнностей, постепенно необходимо вытекающее изъ раздѣленія труда, и наконецъ свободное соперничество, также необходимо вызываемое этимъ производствомъ мѣновыхъ цѣнностей при индивидуальных ссудахъ на производство— все это приводитъ къ результату, совершенно противоположному исходной точкѣ, а именно къ тому, что орудіе труда, отдѣляясь отъ работника, дѣлается самостоятельнымъ, притягиваетъ къ себѣ своимъ сосательнымъ хоботомъ всю производительность труда и дѣлаетъ трудъ непроизводительнымъ, ограничивая его вознагражденіемъ необходимой въ работѣ потери жизненныхъ силъ.

Какъ прежде производителемъ былъ только трудъ, такъ теперь производительно лишь отдѣльное отъ работника орудіе труда.

Орудіе труда, ставшее самостоятельнымъ и помѣнявшееся ролями съ работникомъ, низведя живого работника въ положеніе мертваго инструмента, а само мертвое орудіе, сдѣлавшееся живымъ производящимъ организмомъ— вотъ что такое капиталъ! *)

*) Кому это опредѣленіе не нравится и кто хочетъ получить другое правильное, которое годилось бы для помѣщенія въ учебникъ, можетъ принять слѣдующее: капиталъ есть ссуда предшествующаго труда, потребнаго на существованіе производителей до обмѣна ихъ продукта потребителямъ, происходящая при раздѣленіи труда, при производствѣ, состоящемъ въ системѣ мѣновыхъ цѣнностей, и при господствѣ свободного соперничества и имѣющая результатомъ распределеніе излишка продукта производства надъ текущими потребностями производителей исключительно между ссужающими. Быть можетъ, замѣтятъ, что въ этомъ опредѣленіи пропущено добываніе сырыхъ матеріаловъ, которые вѣдь необходимы для производства. Но это замѣчаніе будетъ несправедливо. Эти сырые матеріалы и проч. производятся точно такъ же и на такихъ же условіяхъ работниками помощью ссуды производителя сырья, мѣсто котораго занимаетъ впоследствии промышленный производитель, обрабатывающій его продуктъ далѣе. Весь рядъ капиталистовъ, ссужающихъ одинъ за другимъ на изготовленіе продукта, даетъ нечто иное, какъ, средства къ существованію всему ряду работниковъ (добывателямъ сырья, рудокопамъ и проч.), участвующихъ въ производствѣ

Раздѣленіе труда есть источникъ всѣхъ богатствъ. Законъ, основанный на сущности труда, что только при раздѣленіи труда производство дѣлается все доходнѣе и дешевле, есть единственный экономическій законъ, который по паралели можно назвать «естественнымъ закономъ». Это не законъ природы, а духа; но онъ одаренъ такою же силою необходимости, какъ электричество, сила тяготѣнія, упругость пара и т. д. Это соціальный естественный законъ!

И вотъ во всѣхъ націяхъ явилась шайка индивидуумовъ и овладѣла для своей индивидуальной выгоды этимъ соціальнымъ естественнымъ закономъ, существующимъ только по духовной природѣ всѣхъ. Изумленнымъ, нуждающимся, закованнымъ въ невидимыя цѣпи націямъ она бросаетъ лишь тѣ крохи ихъ все болѣе и болѣе, все богаче и богаче, растущаго продукта труда, которыя при благопріятныхъ обстоятельствахъ получаетъ и дикарь въ нѣ всякой культуры, т. е., необходимѣйшее поддержаніе жизни! Это все равно, какъ если бы нѣсколько индивидуумовъ объявили своею собственностью силу тяготѣнія, упругость пара, теплоту солнечнаго свѣта! Они кормятъ народъ, какъ мажутъ масломъ и топятъ паровыя машины, чтобы поддержать его въ возможности работать; пища его разсматривается лишь какъ необходимыя издержки производства!

Бастіа въ спорѣ съ Прудономъ приводитъ слѣдующій доводъ, почитая его козырнымъ тузомъ въ этой игрѣ *): «Капиталы—орудія труда. Назначеніе орудій труда—заставлять даровыя силы природы помогать производству. Посредствомъ паровой машины человѣкъ овладѣваетъ упругостью газовъ; посредствомъ часовой пружины—упругостью стали; посредствомъ давленія или паденія воды—силою тяжести; посредствомъ Вольтова столба—быстротой электрической искры; посредствомъ почвы—химическими и физическими соединеніями, называемыми прозябаніемъ, и т. д. Смѣшивая пользу

продукта. Всякое другое опредѣленіе, пропускающее какой-нибудь изъ заключающихся въ моемъ опредѣленіи, признаковъ, ложно и неполно, какъ доказываетъ нашъ анализъ.

*) «Harm. écon.», p. 229.

съ цѣнностью, думаютъ, что естественные дѣатели имѣютъ собственную цѣнность и что, слѣдовательно, люди, овладѣвающіе ими, берутъ плату за пользованіе ими, потому что цѣнность предполагаетъ оплачиваніе. Воображаютъ, что на продуктахъ взимается столько-то за человѣческія услуги, что признаютъ справедливымъ и столько-то за услуги природы, что отвергаютъ какъ несправедливость. Возможно ли, говорить, заставляя платить за тяжесть, электричество, растительную жизнь, упругость и т. п.?»

«Отвѣтъ заключается въ теоріи цѣнности. Соціалисты, именующіе себя уравнителями, смѣшиваютъ законную цѣнность орудія, плодъ человѣческой услуги, съ его полезнымъ результатомъ, всегда даровымъ, за вычетомъ этой законной цѣнности или соотвѣтственнаго процента. Въ вознагражденіе, которое я плачу земледѣльцу, мельнику, обществу желѣзной дороги, не заключается ни малѣйшей платы, рѣшительно никакой, за феноменъ прозябанія, за тяжесть, за упругость пара. Я плачу за человѣческій трудъ, который надо было употребить на изготовленіе инструментовъ, принуждающихъ силы эти дѣйствовать, или, что для меня выгоднѣе, я плачу проценты этого труда».

Прудонъ обладалъ въ мое время остроуміемъ, но экономистомъ никогда не былъ, такъ что съ нимъ Бастіа было легко отдѣлываться такими потѣшными увертками. Но посмотрите теперь, г. Шульце, какъ безсильно размахиваетъ вашъ учитель своей рапирой по воздуху, подставляя подъ смертельный ударъ оба желудочка своего сердца!

Да, великій англійскій экономистъ научилъ насъ, что потребитель оплачиваетъ въ цѣнѣ продуктовъ только человѣческій трудъ, а не силы природы *); мы научились у него этому гораздо лучше, чѣмъ Бастіа, который, какъ мы видѣли, не вѣдаетъ этого!

Но мы видѣли также, что вслѣдствіе разницы между рабочими платами и опредѣляющими цѣну рабочими количествами эта плата за человѣческій трудъ всегда достается не тому, кому слѣдуетъ; что хотя человѣческій трудъ оплачивается, но работники платы этой не получаютъ;

*) Здѣсь не мѣсто объяснять, какъ аналогично и, однако, различно оказывается это въ поземельной рентѣ.

что она всасывается губкой-капиталомъ, который поглощаетъ въ себя весь благодатный дождь нашего производства, оставляя народу лишь кое-какую влажность, едва достаточную для поддержанія скуднаго существованія. Если капиталистъ не присвоилъ себѣ «полезности» пара, силы тяготѣнія, электричества, за то онъ сдѣлалъ еще хуже, онъ забралъ въ свою исключительную эксплуатацію «полезность» раздѣленія труда и его постоянно возрастающую производительность—этотъ великій законъ соціальной природы! Я говорю, что это еще хуже въ принципѣ. Если бы кто-нибудь овладѣлъ солнцемъ и обратилъ бы его въ свою частную собственность—это было бы по крайней мѣрѣ присвоеніе «res nullius», по выраженію римскихъ юристовъ, вещи никому не принадлежащей, не составляющей ни чьей собственности, ни чьего продукта. Капиталисты же, овладѣвая выгодами этого закона соціальной природы, прямо овладѣваютъ продуктами чужого труда, забираютъ въ свою частную собственность человѣческую рабочую силу и ея постоянную производительность.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе коренного отдѣленія въ принципѣ производительности, перешедшей на сторону ставшаго самостоятельнымъ рабочаго орудія, отъ труда, возникло общественное состояніе, принципъ собственности, который состоитъ въ томъ, что каждый называетъ своимъ только то, что не произведено его трудомъ!

Можно бы подумать, что таковы отношенія только капитала и труда, только капиталистовъ къ работникамъ. Но это было бы громаднымъ заблужденіемъ; это совершенно невозможно. Основной принципъ общественныхъ условий производства необходимо проникаетъ ихъ вполне, во всѣхъ ихъ отрасляхъ и потому долженъ непремѣнно проявляться въ самомъ сословіи капиталистовъ и предпринимателей.

Вспомните, что я вамъ сказалъ въ началѣ этой книги объ «общественной связи», по которой каждый долженъ отвѣтствовать за то, за что не можетъ отвѣчать, подобно тому, какъ каждый называетъ своимъ то, что не есть результатъ его труда; и послѣднее, какъ мы теперь убѣдились, составляетъ органическій корень перваго.

Вотъ теперь-то мы можемъ видѣть въ настоящемъ свѣтѣ

смысль сказаннаго нами выше (стр. 94 и сл.) о вліяніи «общественной связи»; только теперь становится все это вполне понятнымъ, если пересчитать эти страницы, которыя по настоящему слѣдовало бы помѣстить только здѣсь. Но вы понимаете, что это не моя вина; я долженъ былъ слѣдовать за вами, а вы начали съ конца. Впрочемъ, если вы слушали меня внимательно, то должны сами понять теперь, какими путями корень нашихъ общественныхъ условій, состоящихъ въ томъ, что каждый называетъ своимъ то, что не есть результатъ его труда, приводитъ и въ средѣ капиталистовъ каждого къ отвѣтственности за то, что онъ не дѣлалъ. Пути эти—мѣновая цѣнность и рыночная цѣна. Посредствомъ ихъ условія производства, обратившіяся въ азартную игру, играютъ людьми и капиталами, какъ мячиками, и въ этомъ хаосѣ случая одно только совершается закономерно—постоянное уничтоженіе и поглощеніе малаго капитала.

Треволненія предпринимателей, ихъ вѣчная бессильная борьба противъ крупнаго капитала, безпрестанныя измѣненія ихъ матеріальныхъ обстоятельствъ, не оставляющія въ покоѣ даже ничтожнѣйшаго собственника, живущаго въ совершенномъ устрани отъ дѣлъ, измѣненія, постигающія ихъ вслѣдствіе общественныхъ событій, стоящихъ совершенно внѣ ихъ отвѣтственности и дѣятельности, потери въ предпринимательскихъ спекуляціяхъ, являющіяся карой вѣрныхъ расчетовъ, выигрыши, достигающіяся ошибочнымъ расчетамъ (стр. 30), это вѣчное осмѣяніе предпринимательскаго духа—таковы мстительныя послѣдствія для самихъ капиталистовъ общественнаго порядка, гдѣ первымъ принципомъ полагается, чтобы каждый называлъ своимъ то, что не есть результатъ его труда.

Это дразнящій хохотъ хора духовъ, который смѣется, видя, какъ въ капиталистѣ капиталъ хочетъ представиться индивидуальностью среди міроваго порядка, основаннаго на обезличеніи всякой собственности!

Не смѣшно ли, г. Шульце, что всѣ экономисты и юристы, ратующіе противъ социалистовъ, гг. Бастіа, Тьеръ, Тролонъ и пр., всегда оправдываютъ нынѣшнюю собственность тѣмъ, что она—«*Les fruits de son travail*»—плодъ индивидуальнаго труда, тогда какъ напротивъ того, какъ я неопровержимо доказалъ вамъ, всякій называетъ свою собственностью лишь то, что не есть продуктъ его труда? Не

смѣшно ли, стало быть, что для оправданія собственности въ эти господа принуждены хвататься за совершенно противоположную ей идею?

Собственность стала чужестью (Fremdthum)—такъ можно выразить сущность результатовъ нашего критическаго анализа!

Всякое общественное положеніе необходимо стремится развивать явленія, въ которыхъ всего чище и откровеннѣе выражалось бы то, что служить ему общимъ основаніемъ.

Такое чистѣйшее выраженіе нынѣшнее общество находитъ себѣ въ ажіотажѣ и биржѣ, въ помѣщеніи имущества въ акціяхъ, государственныхъ бумагахъ и вообще въ кредитныхъ бумагахъ.

На биржѣ мое и твое индивидуумовъ ежедневно опредѣляются и устанавливаются богъ-вѣсть чѣмъ, какими-нибудь событіями въ Турціи и въ Мексикѣ, войной и миромъ, и не только войной и миромъ,—о нѣтъ!—а всякимъ распространившимся «общественнымъ мнѣніемъ», всякой болтовней журналистовъ, всякой лживой депешей, всякимъ займомъ въ Лондонѣ или Парижѣ, урожаемъ на Миссисипи и злотыми розсыпями въ Австраліи, короче, всякимъ объективнымъ событіемъ, какими бы то ни было чисто-объективными движеніями въ обществѣ, какъ въ таковомъ, въ какой бы то ни было области, въ политической, финансовой, торговой или другой.

Но то, что здѣсь такъ бросается въ глаза, не есть нѣчто особенное, исключительное; это есть лишь чистѣйшее, откровеннѣйшее проявленіе того, что, какъ мы видѣли вначалѣ, ежеминутно перемѣняетъ въ обществѣ мое и твое цѣнностями земель и промысловыя продукты и т. д.—словомъ, всевозможными общественными соотношеніями и опредѣляемою этими отношеніями мѣнующую цѣнностью; всякая индивидуальная собственность безпрестанно перераспредѣляется исключительно этими объективными движеніями въ обществѣ, самымъ безличнымъ, самымъ роковымъ образомъ.

Какое опредѣленіе дадите вы социализму, г. Шульце? Очевидно такое: распределеніе собственности по усмотрѣнію общества.

Ну вот видите, такое положеніе дѣлъ существуетъ именно теперь, какъ я вамъ сейчасъ доказалъ!

Именно теперь подъ обманчивымъ видомъ индивидуальнаго приобрѣтенія совершается безпрестанное перераспредѣленіе, постоянно зависящее отъ случая, опредѣляемое чисто объективными движеніями въ обществѣ. Именно теперь господствуетъ анархическій социализмъ! Этотъ а нархическій социализмъ—буржуазная собственность.

Слѣдовательно, социализмъ-то хочетъ не уничтожить собственность, а, напротивъ того, хочетъ именно учредить еще несуществующую личную собственность,—собственность, основанную на трудѣ.

Мы оставляемъ на покоѣ существующій собственность-капиталь, такъ какъ онъ возникъ въ правовомъ согласіи съ существующимъ порядкомъ, хотя самъ этотъ порядокъ противорѣчитъ всякимъ правовымъ понятіямъ. Но мы имѣемъ, конечно, неоспоримое право стараться, чтобы еще несуществующая будущая собственность явилась трудовою собственностью благодаря преобразованію производства.

Надѣюсь, наши господа буржуазы не имѣютъ феодальнаго притязанія, чтобы работники были ихъ *glebae adscripti*, приписанными къ землѣ крѣпостными; надѣюсь, они не скажутъ, что народъ долженъ продолжать нынѣшній образъ производства, хотя тайна его проникнута наукой насквозь, долженъ держаться его потому, что работникъ долженъ и впредь нести барщину для канитала.

Горе имъ, если они вздумаютъ заявить такое притязаніе, или если они убѣдятъ народъ, что питаютъ его!

Но какъ же, —спросите вы, быть можетъ, —какъ измѣнить это положеніе, какъ сдѣлать, чтобы мертвое орудіе труда не мѣнялось только съ живымъ работникомъ и не отнимало у него продуктовъ его труда, если, какъ мы сами объяснили, это есть необходимое послѣдствіе раздѣленія труда?

Очень просто! Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы возставать противъ раздѣленія труда, въ которомъ источникъ всей культуры; дѣло только въ томъ, чтобы свести капиталъ обратно на принадлежащее ему положеніе мертваго, подчиненнаго орудія труда. Дѣло не въ томъ, чтобы отмѣнить

раздѣленіе труда, а въ томъ, напротивъ, чтобы развить его еще болѣе.

Само по себѣ, раздѣленіе труда есть общій трудъ, общественное соединеніе въ видахъ производства. Надо только дать ему возможность быть дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ оно само по себѣ есть. Стало быть, надо уничтожить во всемъ производствѣ индивидуальныя ссуды на производство, изъ которыхъ, какъ выше объяснено, слѣдуетъ заполученіе предпринимателемъ всего дохода производства, всего продукта, за исключеніемъ необходимой для существованія работника доли. Надо вести общую работу общества на общія же ссуды его и распредѣлять продуктъ между всѣми, способствовавшими производству его, въ размѣрѣ участія каждаго въ трудѣ.

Превосходное средство къ этому, самое легкое и умѣренное, представляютъ производительныя ассоціаціи работниковъ съ государственнымъ кредитомъ.

И потому ассоціаціи эти должны образоваться и образуются, хоть вы себѣ лопните, г. Шульце, и хоть бы весь свѣтъ лопнулъ! Потому что народъ нашъ голодаетъ и глупѣетъ. Онъ уже до того оглупѣлъ, что считаетъ васъ за своего поборника; но вы помните, что такъ не можетъ, не должно продолжаться.

Я сказалъ, что эти ассоціаціи—самое умѣренное, переходное средство. Въ моей «Книгѣ для чтенія рабочимъ» я особенно настаиваю, что ассоціаціи далеко еще не представляютъ «рѣшенія соціальнаго вопроса», на которое потребуются сродъ цѣлыхъ поколѣній; но это—сѣмя этого рѣшенія, органическое зерно его, неудержимо стремящееся ко всякому дальнѣйшему развитію и долженствующее непременно выработать изъ себя это рѣшеніе *).

Что можете вы возразить противъ этого средства? Подъ гнетомъ моей агитаціи, вы даже собрали у имущихъ людей

*) Именно потому, что это переходное средство такъ умѣренно и практически выполнимо, хотя и содержитъ въ себѣ органическое зерно всякаго дальнѣйшаго развитія, именно поэтому предложеніе мое и вызвало въ буржуазіи и во всѣхъ ея журналахъ такой неслыханный крикъ ярости; и именно вслѣдствіе этого моя агитація получила возможность принять такіе широкіе размѣры, какіе имѣеть

сто тысячъ таллеровъ на основаніе Подобныхъ производительныхъ ассоціацій; объ этомъ вы сами сообщали въ засѣданіи здѣшняго (берлинскаго) рабочаго союза 21 іюня 1863 г. Правда, съ тѣхъ поръ что-то не слыхать, что изъ этого вышло и какія ассоціаціи основаны на эти деньги. Какъ бы то ни было, неужели вы не понимаете, что

теперь. Ничего этого не было бы, если бы я пошелъ далѣе и представилъ бы какое-нибудь отвѣченное требованіе; буржуазія спокойно замолчала бы его на смерть, какъ неопасное сектаторство. Вообще надо замѣтить, что теоретическій трудъ и практическая агитація, подобная той, которую я велъ въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ» и слѣдующихъ рѣчахъ, повинуются въ этомъ отношеніи совершенно противоположнымъ законамъ. Теоретическій трудъ тѣмъ лучше, чѣмъ полнѣе выводитъ в свѣдѣ даже самыя послѣднія и отдаленныя послѣдствія развитаго въ немъ принципа. Практическая агитація, наоборотъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе сосредоточивается на первомъ пунктѣ, изъ котораго потомъ вытекаютъ все слѣдующее. Дѣло только въ томъ, чтобы въ ней былъ взятъ такой именно пунктъ, изъ котораго все слѣдующее вытекало бы, изъ котораго съ организационною необходимостью развивались бы всѣ дальнѣйшія послѣдствія. Иначе агитація сама по себѣ не будетъ стоять на теоретической высотѣ, т. е. будетъ пустымъ палліативомъ, негнѣпнымъ пятнымъ колесомъ; она не будетъ имѣть возможности ни привести къ чему бы то ни было, ни сама осуществиться, какъ, напр., всѣ требованія прогрессивной партіи, которая въ томъ и честь свою полагаетъ, чтобы не имѣть теоретическаго достоинства, считая это весьма «практичнымъ».

Въ Германіи еще очень худо понимаютъ условія практической агитаціи. Въслѣдствіе этого неумудрено, что въ наводненіи либеральныхъ критиковъ меня попались и благонамѣренные критики, упрекавшіе меня за то, что я желаю и добиваюсь только перемѣны «распредѣленія дохода производства», а не «умноженія» его. Такіе упреки являются, конечно, продуктомъ господствующей у насъ верхоязливой критики, гдѣ каждый, услыхавъ слова другого, тотчасъ начинаеть порицать, не задавая себѣ труда продумать, какія могутъ быть послѣдствія критикуемаго предложенія. Конечно, «умноженіе производства» есть необходимое условіе всякаго улучшенія нашихъ общественныхъ обстоятельствъ. Но оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное послѣдствіе требуемыхъ мною производительныхъ ассоціацій; эти ассоціаціи суть та практическая мѣра, которая должна въ высшей степени вызвать умноженіе производства. Этого послѣдствія производительныхъ ассоціацій нельзя было, правда, выяснитъ въ «Гласномъ Отвѣтѣ», потому что возможная краткость есть первое условіе подобныхъ агитационныхъ брошюръ.

Въ «Книгѣ для чтенія рабочимъ» я указалъ на это послѣдствіе. Но подробное объясненіе, какимъ образомъ умноженіе производства должно развиваться изъ ассоціацій, должно принадлежать настоящему сочиненію, какъ теоретическому дополненію практической агитаціи, и въ текстѣ я вкратцѣ изложу его, причѣмъ не буду даже упоминать о столь очевидныхъ сами собою причинахъ, какъ усиленное усердіе, бережливость въ рас-

этимъ поступкомъ вы измѣнили вашему принципу «самопомощи», сознались въ его лживости и несостоятельности и уступили мнѣ на всѣхъ пунктахъ?

Вѣдь этимъ поступкомъ вы сознались, что рабочее сословіе не можетъ подвинуться «самопомощью», хотя вы еще въ вашемъ «Катехизисѣ» повторяете это требованіе какъ непремѣнное условіе *). Если вы сознаетесь, что изъ «самопомощи» ничего выйти не можетъ, что рабочее сословіе должно искать помощи капитала или кредита внѣ себя, то допустите же, что лучше ему искать ея у законодательства, при чемъ оно остается свободной агрегаціей, чѣмъ у манчестерцевъ, и при чемъ превратится въ покорнаго слугу, въ евнуха своего барина и господина.

При томъ развѣ вы не понимаете, что такой ничтожной суммой, какую вы собрали между либералами коммерціи со-

ходованіи матеріала со стороны рабочихъ въ видахъ собственнаго интереса и т. п. Знаменіемъ же движенія достаточно было выставить переимѣну въ распредѣленіи дохода производства, а не умноженіе производства, во-первыхъ, потому, что производительныя ассоціаціи представляють конкретную, практически осязаемую мѣру, которой умноженіе производства составляетъ лишь послѣдствіе, а не наоборотъ; во-вторыхъ, потому, что переимѣна распредѣленія дохода производства есть понятный всѣмъ агитаціонный ключъ, вполне способный увлечь и привести въ движеніе народныя массы. Сравнительно съ реформой распредѣленія, умноженіе производства кажется ученымъ отвлеченіемъ, и только отъ человѣка, привыкшаго къ такимъ отвлеченіямъ, можно требовать столько силы мышленія чтобы самому видѣть, что умноженіе производства должно быть слѣдствіемъ производительныхъ ассоціацій.

*) См., напр., «Катехизисъ», р. 81; «Поддерживаемые чувствомъ собственной силы, они никогда не допустятъ себя ради ненужной имъ помощи попасть въ зависимость, постигающую каждаго, кто въ важномъ вопросѣ существованія полагается на волю другого, на постороннюю милость». Или р. 123: «Кто просить помощи у другого, хотя бы у государства, тотъ даетъ этимъ этому лицу полную власть, контроль надъ собою и отказывается отъ своей самостоятельности. Это было бы самоотреченіемъ и т. д. Это было бы отступничествомъ отъ духа предковъ, измѣна потомкамъ и т. д.»

Говоря: «... у другого, хотя бы у государства», вы показываете этимъ, что считаете помощь частнаго лица еще хуже, чѣмъ помощь государства. Такъ вы возстааете (р. 78) противъ поддержки «богатыхъ классовъ общества»; ср. также р. 128 и почти всякую другую вашу книгу. И вдругъ сами совершаете измѣну, собирая у этихъ классовъ 100,000 талеровъ!

вѣтниками для вѣщаго одураченія работниковъ, можно, можетъ быть, помочь ничтожной сотнѣ работниковъ, устроить ей буржуазное положеніе, превратить ихъ въ сотню буржуазовъ, но никакъ нельзя помочь рабочему сословію, никакъ нельзя сломать разсмотрѣнныя нами выше цѣпи капитала.

Но даже и сотнѣ рабочихъ нельзя помочь на эти деньги. Потому что—поймите одно!—во всякомъ общественномъ порядкѣ все направляется по господствующему теченію и подчиняется его закону. «*Id quod plerumque fit*»,—помните? «То, что большею частью бываетъ»—вотъ что опредѣляетъ каждый частный случай. Вслѣдствіе этого экономическіе вопросы могутъ разрѣшаться только въ обширныхъ размѣрахъ, и никогда не могутъ въ малыхъ. «Свободному соперничеству» ничего не стоитъ раздавить ассоціацію сотни работниковъ. Какъ на боевомъ полѣ большіе батальоны, такъ на экономическомъ полѣ побѣду разрѣшаютъ непременно большія рабочія массы, большіе капиталы. Но именно поэтому же нѣтъ ничего легче, какъ превратить «свободное соперничество», которое теперь давитъ работника, въ орудіе его освобожденія. Только для этого необходимо, чтобы большіе батальоны очутились на сторонѣ работниковъ ассоціацій. А сдѣлать это можетъ только государство, которое какъ на боевомъ, такъ и на экономическомъ полѣ пока еще одно можетъ двинуть посредствомъ государственнаго кредита большіе батальоны работниковъ и этимъ разрѣшить побѣду.

Отсюда естественно перейти къ опроверженію того вашего возраженія, которое вы, кажется, считаете самымъ важнымъ. Какъ можетъ государство предпринять такой рискъ?—восклицаете вы.

Никакого риска нѣтъ, г. Шульце.

Предприниматель Петръ и предприниматель Павелъ дѣйствительно рискуютъ потерять въ производствѣ свои капиталы, потому что можетъ случиться, что сбытомъ овладѣютъ предприниматели Кузьма и Демьянъ.

Но если частный производитель подвергается этой опасности, то для производства вообще ея не существуетъ. Производство всегда сопровождается постоянно возрастающимъ выигрышемъ. Прочитайте въ любой статистикѣ,

какъ ежегодно возрастаетъ національный капиталъ, вложенный въ производство.

Теперь вы должны понять, что если бы государство рѣшилось предпринять такое освобожденіе труда въ обширныхъ размѣрахъ, то въ каждомъ городѣ въ ассоціаціи устремились бы не единицы между рабочими, а всѣ рабочіе даннаго ремесла, т. е. все ремесло цѣликомъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ работники его, которые захотѣли бы соединиться въ производительныя ассоціаціи.

Если вы мало-мальски усомнитесь въ этомъ, то я скажу вамъ, что въ Парижѣ 1848 г., когда уже послѣ іюньскихъ дней государство, желая оказать будто бы справедливость побѣжденнымъ, раскассированнымъ карточью работникамъ, декретировало 5 іюля 1848 г. нелѣпо ничтожную государственную субсидію въ 3 милліона франковъ на рабочія ассоціаціи, тотчасъ обнаружилось это естественное стремленіе массъ къ соединенію въ ассоціаціи.

Такъ, въ Парижѣ 30,000 башмачниковъ заявили желаніе составить одну общую башмачную ассоціацію^{*)}). Само собою разумѣется, что учрежденный для разрѣшенія составленія ассоціацій «совѣтъ поощренія», который по истинѣ слѣдовало бы назвать «совѣтомъ обезкураженія», отказалъ имъ въ разрѣшеніи.

Такъ, проектированная «братская ассоціація портныхъ» содержала въ себѣ всѣхъ парижскихъ портныхъ, числомъ свыше 20,000, и еще 28 марта 1848 г. заключила съ гор. Парижемъ контрактъ на поставку 100.000 мундировъ; для выполненія этого контракта она наняла себѣ помѣщеніе въ долговой тюрьмѣ Клиши, упраздненной вслѣдствіе отмены ареста за долги. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ іюньской битвы, подъ предлогомъ, что такое скопленіе рабочихъ въ одномъ мѣстѣ опасно для общественнаго спокойствія, этихъ работниковъ выгнали изъ залъ Клиши, и городъ позорнѣйшимъ образомъ нарушилъ свой контрактъ съ ними, давъ имъ 30,000 франковъ вознагражденія. О государственной поддержкѣ не была и помину^{**}).

^{*)} Лемерсье, «Etudes sur les associations ouvrieres», p. 92.

^{**}) См. Лемерсье, 1, с., p. 136—145. Замѣчу, что В. Лемерсье, на котораго я ссылаюсь, заклятый реакціонеръ и врагъ рабочихъ ассоціацій.

Такъ, вся корпорація жестяниковъ-ламповщиковъ еще 12 марта 1848 г. изъявила желаніе составить ассоціацію. Но и ей было отказано въ государственной помощи *).

Итакъ, вы видите, что въ рабочемъ сословіи само собою существуетъ новое стремленіе къ сосредоточенію въ одну ассоціацію цѣлой отрасли промышленности города. Кромѣ того государство поощряло бы это стремленіе, давая свой кредитъ всегда только на одну ассоціацію въ каждой отрасли промышленности каждаго города, открывъ, конечно, въ эту единственную ассоціацію доступъ всѣмъ работникамъ этого ремесла.

Государству, разумѣется, не вздумалось бы вводить въ средѣ рабочаго міра тѣ явленія, которыя характеризуютъ міръ буржуазный, и превращать въ конкурирующихъ буржуазовъ работниковъ, сгруппированныхъ хотя бы и въ небольшія общества. Вотъ стоило бы труда! Короче, какъ я говорилъ и въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ», кредитный и страховой союзъ ассоціацій превратилъ бы производительныя ассоціаціи въ производительную ассоціацію, распадающуюся въ каждомъ городѣ на разныя отрасли производства. Слѣдовательно, въ каждомъ городѣ каждая отрасль производства очень скоро сосредоточилась бы въ одну единственную ассоціацію, и, стало быть, соперничество между ассоціаціями каждаго города было бы совершенно невозможно. Такимъ образомъ вы видите, что риска, которому подвергается капиталъ частнаго предпринимателя, для ассоціацій не существуетъ, и ассоціація должна имѣть то вѣрное, постоянно возрастающее процвѣтаніе, которое свойственно производству вообще.

Сверхъ того я еще въ «Гласномъ Отвѣтѣ» обращалъ вниманіе на то, что всѣ рабочія ассоціаціи соединились бы въ кредитный союзъ и въ страховой союзъ, который обнял бы или также всѣ рабочія ассоціаціи, или, быть можетъ, практичнѣе, только всѣ рабочія ассоціаціи страны одного и того же промысла. Такимъ образомъ всякія потери вознаграждались бы. Замѣйте еще мимоходомъ, что

*) Лемерсье, 1, с., р. 146—149.

взаимное сообщеніе и согласный разбор балансовъ и счетныхъ книгъ всѣхъ ассоціацій страны одного и того же промысла позволяли бы переводить въ болѣе благоприятныя мѣста отрасли производства, почему-либо не могущія процвѣтать въ извѣстномъ городѣ.

Стало быть, риска капитала для рабочихъ ассоціацій не существуетъ, потому что онъ существуетъ только для каждаго изъ борющихся, конкурирующихъ производителей, вслѣдствіе этой борьбы ихъ,—для производства же вообще, представляемаго ассоціаціями, не существуетъ.

Здѣсь вы опять можете видѣть, какъ камень за камнемъ, разрушается все построеніе, воздвигнутое вами и либеральной школой въ защиту прибыли капитала.

По вашему, справедливое и главное основаніе прибыли—рискъ. Положимъ, что такъ, но вѣдь теперь вы видите, что это можетъ относиться по большей мѣрѣ лишь къ современному порядку, и что существуетъ средство дать производству такую организацію, при которой исчезаетъ рискъ, а съ нимъ и справедливость прибыли. Другими словами, рискъ есть явленіе лишь отрицательное. Какъ я объяснилъ вамъ выше, это есть месть за зло, послѣдовательная месть за то, что вмѣсто труда прибрѣтателемъ сдѣланъ капиталъ. Устранимъ зло и съ нимъ сама собою прекратится отрицательная месть за него, которая, по вашему и либеральныхъ экономистовъ остроумному міросозерцанію, оказывается положительнымъ правомъ въ основаніемъ зла!

Камень за камнемъ, говорю я, распадается все ваше построеніе, и при томъ такъ плачевно, что разрушеніе его очевидно самому послѣднему дураку. Вслѣдъ за рискомъ, какъ основаніемъ прибыли, валится и «вознагражденіе умственнаго труда» за веденіе дѣла, вознагражденіе, составляющее, по вашему, сущность предпринимательскаго барыша. Если господамъ буржуазамъ дѣйствительно дорога только «плата за умственный трудъ», составляющая ничтожнѣйшую долю нынѣшняго предпринимательскаго барыша, то поймите, г. Шульце, что они могутъ точно такъ же и еще въ большемъ изобиліи найти ее въ обширныхъ рабочихъ ассоціаціяхъ; стало быть, имъ нѣтъ никакой причины возставать противъ этой мѣры. Вѣдь директора, управляющіе, фабрич-

инв. муз. М-С.
6195.

ные смотрителя, бухгалтеры, кассиры,—словомъ, умственные работники всякаго рода понадобятся и ассоціаціямъ; стало быть, господа буржуазы могутъ оказаться въ нихъ весьма полезными, и заслуживать «плату за свой умственный трудъ» съ такимъ же удобствомъ, какъ теперь въ своихъ дѣлахъ. Эта плата была бы въ ассоціаціяхъ гораздо щедрѣе той, которая теперь дается за умственный трудъ, или того, что приходится теперь на долю умственного труда изъ предпринимательскаго барыша. Вѣдь я уже доказалъ вамъ въ моей «Книгѣ для чтенія рабочимъ», что возвышеніе платы за некачественный, обыкновенный трудъ должно вызвать соотвѣтственное повышеніе платы за качественный и умственный трудъ.

Терять ли мнѣ еще слова по поводу вашего блистательнаго аргумента, что подобная государственная мѣра обременить «податную мошну»? Этой «податной мошны» вовсе не понадобится вынимать для этой цѣли. Всякій капиталъ есть ссуда производству, которая сама по себѣ уплачивается въ производствѣ выручкой продукта и распадается на двѣ части: 1) Оборотный капиталъ, вырученный изъ производства по прошествіи года или даже нѣсколькихъ мѣсяцевъ; мало того, обыкновенно предприниматели, пользуясь кредитомъ у поставщиковъ сырья, оплачиваютъ этотъ капиталъ уже послѣ того, какъ онъ подобнымъ образомъ возвращенъ имъ. Рабочія ассоціаціи, обеспеченныя государственнымъ кредитомъ, могли бы найти кредитъ у поставщиковъ также легко, какъ богатѣйшіе частные предприниматели; а что касается другихъ денежныхъ потребностей ихъ, то простое предписаніе королевскому банку дисконтировать ихъ векселя удовлетворило бы эти потребности за глаза. 2) Основной капиталъ, обыкновенно погашаемый въ нашемъ промышленномъ производствѣ также черезъ немного лѣтъ. Ссудить этотъ капиталъ было бы очень легко, какъ я доказалъ въ моей «Книгѣ для чтенія рабочимъ», посредствомъ государственнаго банка, такъ что это возрожденіе человѣческаго рода совершенно обошлось бы безъ обращенія къ «податной мошнѣ».

Я показалъ вамъ, что производительныя ассоціаціи принесли бы обществу громадную выгоду уничтоженіемъ риска капитала и сопряженныхъ съ нимъ отчасти дѣйствительныхъ крушеній капиталовъ. Не угодно ли вамъ бѣгло

просмотрѣть нѣкоторые другіе источники громаднago обогащенія всего общества, которое долженъ открыть этотъ способъ производства?

Мы видѣли, что всѣ рабочія ассоціаціи страны вступаютъ между собою въ кредитный союзъ и по крайней мѣрѣ всѣ ассоціаціи одной и той же отрасли промышленности въ странѣ—въ страховой союзъ.

Вы должны понимать, что всѣ эти ассоціаціи очень скоро почувствуютъ естественное стремленіе къ организаціонной связи между собою, хотя бы сначала лишь на столько, чтобы имѣть возможность извѣщать другъ друга о положеніи и условіяхъ производства. (При этихъ словахъ, г. Шульце, вы и весь вашъ буржуазный міръ, привыкшіи къ мелочному секретничанью, господствующему, конечно, не безъ основанія, въ нынѣшнемъ веденіи дѣлъ, рвете на себѣ отъ ярости и отчаянія волосы!). Эта естественная потребность въ солидарности всякаго производства обнаружилась въ рабочемъ сословіи при первой возможности въ 1848 г. Въ концѣ 1848 г. съ цѣлью централизовать между собою до извѣстной степени всѣ ассоціаціи, рабочія ассоціаціи, существовавшія тогда въ Парижѣ, назначили сто депутатовъ, образовавшихъ изъ себя «рабочую палату». Но власть скоро воспрепятствовала имъ собираться*).

Но потребность въ солидарности была слишкомъ сильна въ рабочемъ сословіи, чтобы уступить передъ первымъ полицейскимъ препятствіемъ. Въ октябрѣ 1849 г. эта потребность привела снова къ возникновенію «братскаго союза ассоціацій». Но 29 мая 1850 г. эти депутаты, въ числѣ 49 человекъ, во время засѣданія въ помѣщеніи союза и слушанія отчета о трудахъ комиссіи, были арестованы, отправлены въ Мазасъ и послѣ пятимѣсячнаго предварительнаго ареста осуждены подъ предлогомъ, будто они составляли политическое тайное общество!

Вы видите, стало быть, г. Шульце, что вся ваша буржуазная старина существуетъ только благодаря полицейской милости, оказываемой ей государствомъ.

Горе ей, если когда-нибудь государство премѣнитъ свои намѣренія!

*) Лемерсье, 1, с., р. 194.

Итакъ, говоря я, эта организованная связь между всѣми ассоціаціями страны могла бы сначала простираться по крайней мѣрѣ до взаимнаго сообщенія положенія и условій всего производства. Вы понимаете, что счетныя книги всѣхъ этихъ ассоціацій и центральныя комиссіи, назначаемыя для разбора ихъ, положили бы основаніе научной статистикѣ производительной потребности и такимъ образомъ дали бы въ скоромъ времени возможность избѣгать излишка въ производствѣ. А пока это вполнѣ не осуществится, ассоціаціи эти, будучи освобождены, благодаря своимъ громаднымъ средствамъ, отъ необходимости сопернической распродажи, могли бы превратить излишекъ производства просто въ производство про запасъ. Понимаете ли, какимъ благодѣяніемъ, какимъ обогащеніемъ для общества было бы избавленіе его отъ излишка производства и кризисовъ?

Взгляните теперь на другое громадное положительное обогащеніе всего общества, вытекающее изъ совокупнаго производства.

Вы ничего не слыхали о сбереженіи расходовъ, доставляемомъ производствомъ въ обширныхъ размѣрахъ? Мнѣ пришлось бы исписать цѣлые томы, если бы я вздумалъ повторять все, что писано объ этомъ со временъ Артура Юнга. Поэтому удовольствуемся лишь нѣсколькими цитатами, которыя теперь случайно подвернулись мнѣ подъ руку. Графъ Румфордъ доказалъ, что печи, требующія для перваго нагрѣванія 366 фунтовъ дровъ, при непрерывномъ нагрѣваніи, начиная съ шестого, требуютъ уже только по 74 фунтовъ на каждое *). Тайный совѣтникъ Энгель показалъ, что одно королевство Саксонское выиграло бы по меньшей мѣрѣ миллионъ талеровъ сбереженія въ годъ на топливѣ, если бы сосредоточить хлѣбопеченіе на фабрикахъ съ непрерывнымъ производствомъ **). Тотъ же тайный совѣтникъ Энгель вычисляетъ между прочимъ (журналъ его за 1856), что одинъ талеръ основнаго капитала въ саксонскихъ хлопко-прядильныхъ производителенъ въ слѣдующей пропорціи:

*) Мелкія сочиненія, 1, приложение 28.

**) «Статистическій Журналъ», 1857, s. 54.

Въ хлопко-прядильняхъ талеръ даеть ежегодно:

при 1,000 и менѣе	прялокъ 17	грошей 0,9	пфен.
» 1,001—2,000	» 28	» 4,8	»
» 5,001—9,000	» 31	» 4,8	»
» 12,000	» 36	» 4,6	»

Понимаете, стало быть, какое громадное положительное обогащеніе всего общества—не говоря уже о распредѣленіи—привело бы это сбереженіе расходовъ и усиленіе производительности посредствомъ сосредоточенія производства въ большихъ ассоціаціяхъ?

Вы видите, что ассоціаціи не только преобразовали бы распредѣленіе, но въ громадной степени умножили бы самое производство уничтоженіемъ нынѣшняго единичнаго производства *).

Взгляните съ этой точки зрѣнія на всемірный рынокъ! Всемірный рынокъ принадлежитъ той націи, которая первая рѣшится произвести эту социальную реформу въ обширныхъ размѣрахъ. Это будетъ заслуженной наградой ея энергии и рѣшительности. Нація, которая первая сдѣлаетъ это, займетъ въ отношеніи капиталистовъ другихъ націй, вслѣдствіе дешевизны сосредоточеннаго производства, положеніе еще гораздо болѣе выгодное, чѣмъ то, которое такъ долго занимала Англія въ отношеніи континентальныхъ націй вслѣдствіе большаго сосредоточенія своихъ капиталовъ.

Я показалъ вамъ три великія причины умноженія богатства всего общества вслѣдствіе учрежденія производительныхъ ассоціацій.

Пойдемъ къ четвертой, пятой и шестой.

Здѣсь мы можемъ съ удовольствіемъ сказать, что и новѣйшій англійскій политико-экономистъ, мистеръ Генри Фосеттъ, высказывается рѣшительно въ пользу производительныхъ ассоціацій именно въ земледѣльческомъ производствѣ, относительно котораго больше всего сомнѣвались въ ихъ возможности **).

*) Касательно обогащенія, доставляемаго сосредоточеніемъ производства понижающаго расходы производства, расходы перевозки и т. д., назидательно писалъ еще Вильямъ Петти, объясняя преимущества большихъ городовъ для промышленности и торговли.

**) «Man. of political economy», Лондонъ, 1863, р. 292.

Здѣсь кстати объяснить мимоходомъ, отчего земледѣіе можетъ быть доведено до полной своей производительности только производительными ассоціаціями въ обширныхъ размѣрахъ. Большая часть улучшеній почвы представляетъ собою покупку ренты, затрату капитала, который возвращается въ видѣ ренты лишь во много лѣтъ и никогда не можетъ быть извлеченъ изъ земли разомъ, капиталомъ. Но такъ какъ, занятый подъ залогъ и превращенный улучшеніемъ почвы въ ренты, капиталъ необходимо возвращать черезъ нѣсколько лѣтъ заимодавцу цѣликомъ, капиталомъ, то важнѣйшія и доходнѣйшія улучшенія почвы недоступны землевладѣльцу, если только онъ случайно не обладаетъ сверхъ того значительнымъ наличнымъ капиталомъ, что, какъ извѣстно, — очень рѣдкое исключеніе *).

Только производительныя ассоціаціи при своихъ огромныхъ средствахъ имѣютъ на это возможность.

Что касается другой стороны этого вопроса, усиленія земледѣльческой производительности вслѣдствіе обширнаго производства, т. е. увеличенія, вслѣдствіе производства въ крупныхъ размѣрахъ, естественной доходности, то мы не можемъ распространяться здѣсь объ этомъ и должны ограничиться этимъ напоминаніемъ.

За то остановимся на минуту на вопросѣ, почему мистеръ Фосеттъ считаетъ производительныя ассоціаціи еще болѣе пригодными для земледѣлія, чѣмъ для промышленности.

Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ: «Принципъ сотрудничества долженъ обращаться на промыслы не спекулятивнаго свойства».

Въ этихъ словахъ заключается совершенно справедливое соображеніе; но если разобрать его, то оно обращается въ еще большую пользу производительныхъ ассоціацій.

Дѣйствительно, буржуазіи свойствененъ одинъ талантъ, — а именно специфическій талантъ къ спекуляціямъ. Сущность этого таланта сводится къ незамысловатому въ нравственномъ отношеніи вопросу: какими хитростями я всего успѣшнѣе могу присвоить себѣ сбытъ или доходъ моего

*) См. брошюру Родбертуса, «Торговый кризисъ и ипотечная нужда землевладѣльцевъ», 1857 г.

сопроизводителя? Это талантъ, вырастающій на почвѣ свободного соперничества и имѣющій послѣдствіемъ не усиленіе и умноженіе всего дохода производства, а его распредѣленіе, его переливаніе изъ рукъ одного индивидуума въ руки другого. Это талантъ перебиванія. Въ этомъ отношеніи буржуазный порядокъ, надо отдать ему справедливость, недостижимъ. Воспитанные съ юности въ этой атмосферѣ свободного соперничества, господа буржуазы привыкли къ ней, какъ къ своей природной стихіи. Подобно индѣйцу, узнающему въ лѣсахъ слѣды дичи по признакамъ совершенно непонятнымъ европейцу, буржуазъ снабженъ особымъ чутьемъ изыскивать случаи къ перебою.

Работникъ производителенъ; онъ вполне раздѣляетъ съ буржуазіей ея производительную способность; но ея спекуляціоннаго таланта онъ не имѣетъ и, должно надѣяться, никогда не приобрететъ.

Тѣмъ вѣроятнѣе, что буржуазія раздавитъ мелкія ассоціаціи рабочихъ, о какихъ мечтаетъ мистеръ Фосеттъ.

Но какъ хитрости и козни лисы безсильны противъ удара лапы льва, какъ изощренныя чувства индѣйцевъ ничтожны противъ батальоннаго огня европейцевъ, такъ спекуляціонный геній буржуазинъ былъ бы безсиленъ противъ большихъ батальоновъ ассоціаціи промышленныхъ отраслей и созидаемой ею дешевизны. Истребленіе этого спекуляціоннаго таланта принесло бы еще одну великую выгоду какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Дѣло въ томъ что этотъ спекуляціонный талантъ перебиванія приводитъ ко множеству бесполезныхъ расходовъ на объявленія, рекламы, назойливыхъ приказчиковъ, обманчивыя обертки, поддѣлку товаровъ, взятки журналистамъ, подкупы и т. д., словомъ—на всевозможные пуфы, къ которымъ теперь каждый вынужденъ, болѣе или менѣе, прибѣгать, потому что ими пользуются его конкуренты, и которые хотя въ частныхъ случаяхъ бываютъ выгодны, но вообще весьма значительно возвышаютъ стоимость производства.

Дальнѣйшая важная причина обогащенія общества производительными ассоціаціями состоитъ въ перемѣнѣ направленія производства, которая необходимо должна послѣдовать за учрежденіемъ ихъ. Скажемъ объ этомъ вкратцѣ.

Предметы производства сообразуются главнымъ образомъ съ числомъ потребителей, которыхъ находятъ, и ими опредѣляются. Потребители безъ средствъ платить, каковы оказываются теперь рабочее сословіе относительно всѣхъ предметовъ, кромѣ необходимыхъ для существованія,—не потребители.

Когда переменна распределенія продукта производства превратить работниковъ въ состоятельныхъ потребителей, предметы производства будутъ соображаться преимущественно съ потребностями и вкусомъ рабочаго сословія, т. е. совершится слѣдующая переменна: сообразно вкусу рабочаго сословія будетъ производиться полезное и прекрасное вмѣсто дорогого, которое производится теперь сообразно вкусу буржуазіи, любящей дорогое только потому, что оно дорого и что поэтому въ немъ можетъ выставляться на показъ богатство обладателя, какъ бы оно само по себѣ ни было бесполезно и безобразно. Умноженіе общественнаго богатства, долженствующее выйти изъ этой перемены производства, далеко нельзя считать маловажнымъ *).

Наконецъ тѣсное соединеніе государства съ производствомъ, вызываемое производительными ассоціациями, одно дало бы возможность произвести множество предприятий съ неизмѣримыми послѣдствіями для народнаго благосостоянія и богатства; теперь же никто не можетъ предпринять ничего подобнаго. Помимо всего, что мы говорили здѣсь, совершенно ложно,—хотя повсемѣстно утверждается,—будто свободное соперничество представляетъ средство развитія общественнаго богатства какъ такового; это справедливо лишь на столько, на сколько вызываемое новое богатство представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность быть частью или дѣликомъ присвоиваемо или эксплуатируемо частными предпринимателями. Только съ этимъ условіемъ личность и капиталъ имѣютъ,

*) Губертъ («Concordia», р. 20) справедливо обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что ассоціация, такъ называемыхъ, ротшильдскихъ пионеровъ устроила общественный фонтанъ, «единственное бросающееся въ глаза произведеніе искусства во всемъ округѣ паровой промышленности на протяженіи нѣсколькихъ миль».

Я не могу разъяснить здѣсь, но только замѣчу, что изъ этого міроваго переворота должно возникнуть и новое искусство.

подъ господствомъ свободнаго соперничества, поводъ или даже возможность способствовать умноженію общественнаго богатства. Но при свободномъ соперничествѣ совершенно невозможно заводить большія предпріятія, какъ бы они ни были выгодны для обогащенія націи, если они не удовлетворяютъ этому условію, т. е. если доходъ ихъ не можетъ быть весь или частью на болѣе или менѣе долгое время забранъ въ карманъ какой-нибудь личности. Пояснимъ это нѣсколькими примѣрами. Нашъ знаменитый физиологъ Бурмейстеръ давнымъ давно доказалъ, что было бы очень легко воспользоваться для прокормленія питаемаго картофлемъ европейскаго рабочаго населенія безчисленными стадами бизоновъ, которыя пасутся въ Техасѣ и другихъ областяхъ Центральной и Южной Америки до самаго морскаго берега; индѣйцы охотятся за ними для удовольствія и оставляютъ убитыхъ гнить на мѣстѣ, потому что они никому ненужны; между тѣмъ изъ мяса ихъ можно было бы готовить на мѣстѣ экстрактъ, въ которомъ сохранялась бы вся питательность въ чрезвычайно уменьшенномъ объемѣ, такъ что перевозка громадныхъ массъ мяса обходилась бы въ самую ничтожную цѣну. Пли: болѣе 100 лѣтъ тому назадъ знаменитый мореплаватель Кукъ говорилъ, что человѣкъ, посадившій одно хлѣбное дерево, сдѣлалъ больше для пропитанія человѣческаго рода, чѣмъ европейскій работникъ, насаждающійся всю жизнь въ работѣ. Питательное содержаніе плодовъ хлѣбнаго дерева можно было бы также приводить въ такое сконцентрированное, малое по объему состояніе, для чего можно бы предпринять экспедиціи на острова Товарищества. Въ крымскую войну исполнѣ убѣдились въ возможности такихъ экстрактивныхъ приготовленій, изготовлявшихся въ то время для армій *). Нашъ голодающій народъ, силезскіе ткачи, саксонскіе рудокопы, рейнскіе фабричныя пролетаріи, едва могущіе часто снискать себѣ и пагубное для здоровья картофельное пропитаніе, имѣли бы хлѣбъ и мясо почти даромъ!

*) На лондонской промышленной выставкѣ 1862 г. были образцы подобнаго мяса, сжатаго посредствомъ вяленія, изъ Урагуа; оно кромѣ питательности было еще очень вкусно; см. Лотара Бухера, «Bilder aus der Fremde», т. II, р. 178 и сл.

Но возможно ли это теперь? Гдѣ найдется такой капиталистъ, который согласится затратить громадныя суммы на такіе экспедиціи и опыты, имѣя при томъ въ виду, что на нихъ нельзя сдѣлать никакой «аферы», даже въ случаѣ блистательнѣйшаго успѣха, потому что въ такомъ случаѣ на это предпріятіе тотчасъ бросятся другіе капиталисты или компаніи капиталистовъ, и свободное соперничество отниметъ всѣ выгоды предпріятія у перваго предпринимателя, преодолевшаго всѣ труды и опасности перваго опыта, такъ что окажется, что онъ трудился на пользу своихъ соперниковъ? Нѣтъ, капиталы на такую роль не идутъ, и все, на что нельзя хотя на время исключительно наложить руку индивидуума, остается непредпріятымъ, особенно если предпріятіе сопряжено съ большими расходами.

Эти примѣры конечно должны считаться лишь примѣрами. Но можно найти тысячи другихъ примѣровъ того же рода. Вся область науки и ея прогресса тогда только дѣйствительно пойдетъ въ прокъ народу, когда производительныя ассоціаціи приведутъ государство въ такое непосредственное отношеніе къ производству.

Кромѣ того... однако не надо пересаливать и тереотическими примѣрами, мѣткость которыхъ, при излишнемъ изобиліи ихъ, можетъ иногда только усилить и безъ того значительныя практическія препятствія, противостоящія осуществленію теоріи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Я разсуждалъ положительно и серьезно и оказался бы человѣкомъ болѣе лишеннымъ литературнаго такта, чѣмъ могу назваться, если бы снова принялся обличать дальнѣйшія безчисленныя нелѣпости вашей книги.

Да и къ чему?

Мы теперь узнали, что вы такое и на что вы способны; вы извините меня за слишкомъ благородное сраженіе, но я не хочу употреблять другого, болѣе подходящаго— вы затравлены, какъ олень, и вотъ мой песь подлѣ меня держитъ въ зубахъ ваши дымящіяся кишки!

Стало бытъ, дальнѣйшее копаніе въ васъ могло бы только возбудить тошноту и омерзѣніе.

Поэтому я уже не стану больше говорить о вашихъ прегрѣшеніяхъ, и только попрошу еще у васъ прощенія за прегрѣшеніе, которое самъ совершилъ противъ васъ.

Прегрѣшеніе это вышло отъ того, что я, какъ сказано въ предисловіи, совершенно не зналъ васъ и узналъ только въ Терапѣ, читая вашъ «Катехизисъ».

До тѣхъ поръ я совершенно заблуждался на вашъ счетъ.

Правда, я зналъ, что вы неученый и даже не человѣкъ научнаго образованія, чѣмъ вы любите выдавать себя.

Но я все же считалъ васъ человѣкомъ довольно образованнымъ.

Я зналъ, что вы поддетааете къ работникамъ съ буржуазными предложеніями, неспособными привести ни къ чему въ мірѣ.

Но я думалъ, что это только вина вашей ограниченности; я думалъ, что ограниченность ваша не мѣшаетъ вамъ питать нѣкоторое теплое сочувствіе къ рабочимъ классамъ. Я

еще не зналъ, — вѣдь я еще не читалъ вашего «Катехизиса», — что вы состоите при работникахъ въ качествѣ орудія буржуазіи въ ея интересахъ.

Вотъ почему я обращался съ вами такъ прилично еще въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ». Вотъ почему я такъ сочувственно признавалъ тамъ вашу благонамѣренность, хотя и обличалъ жалкое безсиліе вашихъ проектовъ.

Я не измѣнилъ этого обращенія съ вами даже послѣ того, какъ по выходѣ моего «Гласнаго Отвѣта» на меня накинулась вся свора вашихъ журналовъ и тысячи клоаковъ ежедневно изливали на меня въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ неслыханнѣйшія лжи, искаженія и пошлости.

По преувеличенному чувству справедливости я считалъ долгомъ отличать партію отъ вождя.

Правда, я видѣлъ, что вы настолько непристойны, чтобы пооприть свою партію и по возможности извлекать пользу изъ всякаго ея невѣжества и каждой лжи ея.

Но я не думалъ, что вы настолько невѣжественны и непристойны, чтобы самому принять въ этомъ непосредственное участіе. Я полагалъ, что вы предоставите своей партіи благородное дѣло доказывать лганьемъ и невѣжествомъ

Какъ я сказалъ, дѣло было въ томъ, что я не зналъ вашего «Катехизиса».

Первымъ козыремъ, которымъ ваша партія хотѣла убить меня, было возраженіе, что мое предложеніе есть «разогрѣтыя луй-блановскія національныя мастерскія 1848 года». Это торжествующее возраженіе раздавалось ежедневно во вѣхъ газетахъ вашей партіи. Наконецъ я схватилъ «Народную Газету», которая особенно часто выѣзжала на этомъ парадномъ конькѣ, и пригвоздилъ ее къ позорному столбу невѣжества статьей 24 апрѣля 1863 г. въ «Германской Всеобщей Газетѣ».

По вышесказанному преувеличенному чувству справедливости, я счелъ однако долгомъ тутъ же оговорить, что сами вы виновны въ столь грандіозномъ невѣжествѣ, такъ какъ ничего подобнаго я не находилъ въ газетныхъ отчетахъ о вашихъ рѣчахъ.

Коснувшись этого въ моей франкфуртской рѣчи («Книга для чтенія рабочимъ»), я именно сказалъ: «Г. Шульце не говорилъ этого; онъ говорилъ объ ассоціаціяхъ съ правитель-

ственной субсидіей, которыя образовались уже въ Парижѣ послѣ паденія національныхъ мастерскихъ».

Теперь я вижу, что это неправда, что вы говорили это. Въ «Катехизисѣ» вы такъ прямо и говорите, стр. 82: «Напомню о предложеніяхъ Луи Блана и національныхъ мастерскихъ 1848 г. во Франціи. По ихъ идеѣ, государство, для устраненія пагубнаго соперничества и вреднаго преобладанія частнаго капитала, должно было постепенно взять въ свои руки всѣ промышленныя предпріятія и вести ихъ на общественный счетъ».

Итакъ, вы оказываетесь повинны точно въ такомъ же невѣжествѣ, какъ редакторъ «Народной Газеты», г. Бернштейнъ. Но въ васъ оно еще непростительнѣе.

Г. Бернштейнъ могъ по крайней мѣрѣ сослаться въ извиненіе на свойственное его ремеслу газетнаго редактора глубокое невѣжество.

Но въ то время, какъ вы печатали вашъ «Катехизисъ», была уже давнымъ давно напечатана моя статья, объясняющая истинное положеніе французскихъ національныхъ мастерскихъ 1848 г. Статья эта напечатана 24 апрѣля 1860 г., а въ ея предисловіи подписано: «Берлинъ въ маѣ 1863 г.».

Стало быть, моя статья должна была быть извѣстна вамъ.

Судите, какой мѣдный лобъ—впрочемъ это сравненіе слишкомъ высоко для васъ—лучше, какую мелкую, изогвавшуюся душонку, гонящуюся только за барышемъ, надо имѣть, чтобы повторять такія вещи послѣ этой статьи моей, которая на сей конецъ и помѣщается въ приложеніи (А).

Это первое, въ чемъ я прошу у васъ извиненія. Теперь о второмъ.

Въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ» я объяснилъ «железныи законъ рабочей палаты» и сказалъ: «Какъ я уже сказалъ вамъ, въ либеральной школѣ нѣтъ ни одного извѣстнаго экономиста, который отрицалъ бы его. Адамъ Смитъ и Сэй, Рикардо и Мальтусъ, Бастіа и Джонъ Стюартъ Милль единогласно признають его. Въ отношеніи его между всѣми людьми науки господствуетъ полное согласіе».

Неслыханный вой ярости вырвался изъ утробъ буржуазіи, когда я такимъ образомъ раскрылъ народу эти цереринны тайнства!

Давай нагло отрицать!

Г. Максъ Виртъ первый получилъ на это приказъ отъ своихъ кормильцевъ. Онъ выскочилъ и объявилъ, что это «гнилой законъ Рикардо», а что въ дѣйствительности рабочая плата опредѣляется отношеніемъ «промышленнаго процвѣтанія къ національному капиталу». Статьи его объ этомъ, съ неопѣненными вывертами и извращеніями, прогремѣли отъ «Рейнской Газеты» въ Дюссельдорфъ до «Берлинской Реформы» и «Южно-Германской Газеты» во Франкфуртъ, по Виртенбергу, Баваріи и Бадену.

Вотъ до чего дошли, замѣтимъ мимоходомъ, наемные писакы буржуазной экономіи изъ эпигоновъ бастиатовскаго періода, что осмѣливаются презрительно трактовать величайшаго учителя буржуазной экономіи—Рикардо, который неудобень имъ своимъ откровеннымъ разъясненіемъ научныхъ выводовъ!

Несказанно было мое удивленіе при такомъ внезапномъ единогласномъ отрицаніи этого закона, единогласно признаннаго всѣми авторитетами либеральной экономіи.

Поэтому въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ» я посвятилъ этому вопросу особенное вниманіе, однако все еще въ полной увѣренности, что невозможно совершенно отрицать положеніе, признававшееся до сихъ поръ либеральной экономіей болѣе несомнѣннымъ, чѣмъ какое-либо другое.

Но я еще далеко не зналъ, до чего могутъ доходить лживость и особенно несравненное безстыдство буржуазіи.

За то во франкфуртской рѣчи я расправился, какъ слѣдовало.

Я доказалъ въ ней, что противопоставляемое мнѣ г. Максомъ Виртомъ и его собратьями положеніе, что рабочая плата опредѣляется отношеніемъ «промышленнаго процвѣтанія къ національному капиталу», т. е. спроса къ предложенію, имѣеть совершенно тотъ же смыслъ, что законъ Рикардо, но выражаетъ его лицемѣрными, обманчивыми, непонятными работникамъ фразами. Г. Максъ Виртъ не могъ ничего отвѣтить на это разъясненіе. Далѣе я доказалъ тамъ рядомъ цитатъ, что этотъ законъ всегда открыто признавался всѣми авторитетами, и не только авторитетами, а даже самимъ г. Максомъ Виртомъ.

Но, совершая справедливую расправу надъ г. Виртомъ и

егъ собратьями, я считалъ долгомъ быть даже преувеличенно справедливымъ относительно васъ.

Въ газетныхъ отчетахъ о вашихъ рѣчахъ я не встрѣчалъ, чтобы вы сами имѣли дерзость противорѣчить этому закону. Я еще думалъ про васъ что вы предпочтете предоставить столь грязное дѣло своимъ пособникамъ.

Я считалъ обязанностью засвидѣтельствовать это.

«У г. Шульце-Делича не хватаетъ духа противорѣчить этому закону, — говорилъ я во франкфуртской рѣчи («Книга для чтенія рабочимъ»), — онъ этого не дѣлалъ. Этимъ угощалъ насъ г. Максъ Виртъ и пр.»

Теперь вашъ «Катехизисъ» показалъ мнѣ, что я опять ошибся. Въ этой книгѣ вы противорѣчите этому закону самымъ рѣшительнымъ образомъ и при томъ въ чрезвычайно рѣзкой формѣ!

Прежде чѣмъ разсмотрѣть это противорѣчіе, сдѣлаю одно замѣчаніе.

Дѣло не въ томъ, чтобы защищать противъ васъ вѣрность этого закона. Я уже изложилъ все, что слѣдовало сказать въ подтвержденіе, въ моей «Книгѣ для чтенія рабочимъ» и въ этой самой книгѣ выше самымъ систематическимъ образомъ.

Здѣсь я докажу вамъ только одно, а именно, что вы сами знаете вѣрность этого закона, который отрицаете.

Доказательство это я заимствую изъ слѣдующаго мѣста того же самаго вашего «Катехизиса» (стр. 37): «Изъ этого слѣдуетъ, говорите вы, что умноженіе возрастанія капиталовъ обусловливаетъ умноженіе занятій и повышеніе платы работниковъ и что плата и занятіе возрастаютъ вслѣдствіе этого, если не произойдетъ умноженіе числа работниковъ въ еще большей прогрессіи, чѣмъ умноженіе капиталовъ».

Такъ ли? «Если не!» Если число работниковъ не умножается въ еще большей прогрессіи, то рабочая плата повышается. Но если число работниковъ умножается въ еще большей прогрессіи, то рабочая плата не повышается, т. е. снова падаетъ, если на время возвысилась.

Весь интересъ сосредоточивается, стало быть, на томъ, чтобы знать, происходитъ ли это «если не», т. е. возрастаетъ ли дѣйствительно число работниковъ въ еще

большей прогрессии при возрастании капитала и платы, такъ что рабочая плата падаетъ опять также низко, какъ стояла прежде, и даже еще ниже.

По выходѣ моего «Гласнаго Отвѣта» гейдельбергскій профессоръ Рау былъ наущенъ опровергнуть мой законъ рабочей платы. Понимали, что на гг. Шульце, Фаухеръ, Виртъ, Михаэлисъ не далеко уѣдешь, и потому рѣшились противопоставить мнѣ профессорскій авторитетъ специалиста.

Г. проф. Рау согласился напечатать въ «Южно-Германской» и «Фоссовой» газетахъ статью, въ которой будто бы противорѣчилъ мнѣ. Онъ опровергалъ меня тѣмъ же «если не»! Я-де неправъ со своимъ закономъ рабочей платы, если не произойдетъ «сильнаго умноженія населенія».

Спрашивается: происходитъ оно или нѣтъ?

Я отвѣчалъ объ этомъ г. проф. Рау въ «Фоссовой Газетѣ» 10 мая 1863 г.; прилагаю этотъ отвѣтъ здѣсь (положеніе В).

Я доказалъ въ немъ г. профессору, ссылаясь на его собственное сочиненіе, что это умноженіе числа работниковъ бываетъ непремѣнно, и показалъ, почему оно происходитъ; и его «если не» доказываетъ, что онъ самъ превосходно знаетъ справедливость этого закона, который будто бы опровергаетъ обманчивыми фразами. Я объяснилъ ему, какъ нечестно и недостойно обманывать подобнымъ образомъ народъ фразами, и доказалъ ему, что ему слѣдуетъ «краснѣть» за свое выраженіе.

Г. профессоръ Рау не пытался и заикнуться отвѣчать на эти упреки, столь тяжелые, что на нихъ необходимо было отвѣтить, если только могъ быть какой-нибудь отвѣтъ.

Вмѣсто того онъ, выслушавъ нагоняй, спокойно удалился изъ передраги.

Съ г. профессоромъ Рау можно сладить, потому что у него есть еще совѣсть, которую еще можно задать.

Но что задѣнешь въ васъ?

Я потому здѣсь и помѣщаю въ приложеніи мою статью противъ проф. Рау, что она и вамъ доказываетъ, до чего вы обличаете себя въ совершенномъ знаніи закона рабочей платы своимъ «если не». Кто утверждаетъ, что умноженіе капиталовъ надолго возвышаетъ рабочую плату, если не произойдетъ еще сильнѣйшаго умноженія числа работниковъ,

тотъ знаетъ и показываетъ, что знаетъ, что рабочая плата не можетъ надолго возвыситься, а смотря по обстоятельствамъ или вовсе не возвышается, или вскорѣ снова падаетъ до прежняго размѣра (а иногда и того ниже), потому что умноженіе капиталовъ необходимо возвышаетъ еще большее умноженіе работниковъ.

Тотъ знаетъ это, говорю я, потому что экономисты разсматриваютъ эти два вопроса всегда за одно, такъ что каждое «если не» прямо указываетъ, что они оба извѣстны человѣку.

Заранѣ убѣдившись такимъ образомъ, что вамъ извѣстна вѣрность закона, который вы отрицаете предъ работниками съ такой несравненно безсовѣстностью, посмотримъ теперь какъ вы это дѣлаете.

Вы говорите въ «Катехизисѣ» по поводу моего «Гласнаго Отвѣта» (р. 150): «Такимъ образомъ, при нынѣшнемъ порядкѣ будто бы «средній размѣръ рабочей платы» необходимо ограничивается размѣромъ содержанія, необходимаго работнику по народнымъ привычкамъ для существованія и размноженія». «Вы сами, живя среди этого порядка, чувствуете, до чего ложно это положеніе; чтобы убѣдиться въ лживости, вамъ стоитъ только оглядѣть свои собственные ряды, и нужна вся дерзость, все полужнаніе г. Лассалья, чтобы говорить вамъ подобныя вещи, да еще утверждать, что за него всѣ авторитеты политико-экономической науки» *).

*) Что касается «авторитетовъ», то кромѣ Рикардо (см. выше) я цитировалъ въ моей «Книжѣ для чтенія рабочимъ» Адама Смита, Ж. Б. Сэя, Д. С. Милля, проф. Рошера, проф. Рау, проф. Цехарія, которые всѣ говорятъ слово въ слово одно и то же. Другой рядъ авторитетовъ (Гукъ, Мальтусъ, Сисмонди) цитированъ въ «Божественныхъ налагахъ», и число цитатъ можно бы съ удобствомъ утроить и учетверить. Однако, какъ доказалъ и Максъ Виртъ, въ моихъ ссылкахъ на авторитеты не обошлось безъ плутовства! Говоря въ «Гласномъ Отвѣтѣ» о единогласіи, съ которымъ экономисты признаютъ законъ рабочей платы, я, извольте видѣть, упомянулъ въ числѣ признающихъ его г. Бастиа. Г. Максъ Виртъ готовъ признать, такъ какъ отрицать невозможно, что всѣ прочіе авторитеты того мнѣнія, но уже что касается Бастиа, великаго Бастиа, сокровища Бастиа, то онъ душу свою положить, что Бастиа не признавалъ этого!

Бастиа не былъ такъ наглъ и глупъ, чтобы болтать такой вздоръ, — полагасть г. Виртъ. Въ своемъ «Работодателѣ» г. Виртъ обвиняетъ меня за это въ подлогѣ. Я-де съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ ссылаюсь на Бастиа,

Такъ какъ дѣло дошло у васъ г. Шульце, до «всего моего полужнанія», характеризующаго меня, по вашимъ словамъ, то я вынужденъ сказать вамъ, что мнѣ не приходится стыдиться своихъ произведеній. Я произвелъ капитальныя творенія человѣческаго трудолюбія и знанія и

чтобы имѣть на своей сторонѣ и столь великое имя, какъ имя Бастіа. Въ этой книгѣ я такъ ясно показалъ ничтожество этого «великаго Бастіа», что для меня конечно все равно, признаетъ ли онъ что-нибудь или нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе вотъ вамъ, г. Шульце, то мѣсто Бастіа, которое я имѣлъ въ виду, говоря, что закона этого не отрицаетъ и Бастіа, до васъ самый лживый изъ экономистовъ. Сводя все, что было говорено противъ свободнаго соперничества, Бастіа упоминаетъ при этомъ о законѣ рабочей платы и судить о немъ такъ («Nacht. écon.», p. 362): «Изъ этого слѣдуетъ, что рабочая плата стремится къ уровню строго необходимаго для существованія содержанія и что въ такомъ положеніи дѣлъ малѣйшее усиленіе соперничества между работниками составляетъ истинное бѣдствіе, потому что для нихъ это уже не уменьшеніе благосостоянія, а невозможность существовать.—Конечно, въ этихъ возраженіяхъ многое справедливо, многое слишкомъ справедливо. Отрицать страданія и уничтоженіе того класса, который исполняетъ въ производствѣ матеріальную часть дѣла, значитъ отрицать то, что ясно какъ день. Говоря по правдѣ, къ этому печальному положенію нашихъ братьевъ и относится то, что справедливо названо соціальной задачей».

Ну вотъ вамъ и Бастіа! Далѣе онъ продолжаетъ: «Но такъ какъ въ этомъ вопросѣ заключена вся соціальная задача, то читатель пойметъ, почему я не берусь разсматривать его здѣсь. Дай Богъ, чтобы рѣшеніе этой задачи вытекло изъ всей моей книги, въ одной же главѣ оно не возможно».

Однако Богъ не далъ рѣшенію соціальной задачи вытечь изъ бастіатовской книги, оно и не думаетъ вытекать ни изъ всей книги, ни изъ которой изъ главъ, и эти слова Бастіа выражаетъ просто только стараніе какъ-нибудь отлынить отъ рѣшенія неразрѣшимой для него задачи. Но сравните слова Бастіа о законѣ рабочей платы съ тѣмъ, что говоритъ объ этомъ г. Шульце, и увидите, до чего ученикъ обогналъ своего учителя. Бастіа называетъ этотъ законъ слишкомъ справедливымъ и предлагаетъ, что отрицать печальное положеніе рабочихъ все равно, что не признавать бѣлага дня.

Господиже Шульце называетъ этотъ законъ совершенно ложнымъ, основаннымъ только на всемъ моемъ полужнаніи и на всей моей дерзости въ говореніи подобныхъ вещей». Его пособники, гг. Бернштейнъ, Виргъ, Михаэлисъ, Фаухеръ и сотни другихъ повторили эти слова на всѣ лады, а онъ, чтобы убѣдить работниковъ въ лживости моего положенія, осмѣливается приглашать ихъ «оглядѣть собственные ряды».

Какъ видите, отъ ганья Бастіа еще громадный шагъ до гнусности г. Шульце и его братія, позорящихъ Германію!

могу сослаться, относительно ихъ, на свидѣтельства Бека, Гумбольта, Савиньи и многихъ другихъ подобныхъ людей.

Но вы смекнули, что работники не слышали объ этомъ. При этомъ вы имѣли за себя сотню журналовъ, слишкомъ глухыхъ, чтобы понимать разницу между мною и вами, слишкомъ лживыхъ, чтобы обращать на нее вниманіе, если бы и знали.

Что же касается спеціально «моего полужнанія» въ экономической спеціальности, то я какъ разъ въ то время издалъ мои «Косвенные налоги», написанные, какъ и эта книга, въ всякаго досуга, среди агитаціи, среди рѣчей, газетной полемики и уголовныхъ процессовъ, единственно съ цѣлью судебной защиты; и въ нихъ я, шутя, показалъ лишь образчикъ моихъ экономическихъ научныхъ запасовъ, ближайшее знакомство съ цѣлыми рядами такихъ экономическихъ сочиненій, которыхъ вы не знаете даже заглавій и никогда не слышали именъ авторовъ!

Но что все это значить? Вѣдь за васъ сотня журналовъ, твердо рѣшившихся защищать васъ, ежедневно повторять все, что вы говорите, и замалчивать на смерть всѣ возраженія,—рѣшившихся, неслыханнѣйшимъ образомъ, забыть всякій стыдъ! Вѣдь у меня «журнала» нѣтъ; вѣдь я одинъ, и потому вы и ваша сволочь думали—такъ плохо знали вы мои силы—что вамъ удастся убить меня. И вотъ вы рѣшились, для вѣрнѣйшаго уничтоженія меня, принять передъ работниками въ отношеніи меня величественную позытуру ученаго мужа, съ спокойной гордостью взирающаго на невѣжественнаго полужнаюку *).

*) Имѣя то время въ виду, когда «Народная Газета» во всѣхъ своихъ экземплярахъ неизбежно уйдетъ на то употребленіе, для котораго предназначена, хочу увѣковѣчить для него одно мѣсто этого позорнаго листа. Потому что съ изумленіемъ увидить изъ него, до какихъ размѣровъ нынѣшніе журналисты дерзали простирать свое циническое безстыдство. Въ первомъ номерѣ ленточной глты, состоящей изъ 13 часновъ (передовыхъ статей), которою обвиняетъ меня «Народная Газета», читаемъ б у к в а л ь н о слѣдующее (№ 94, 23 апрѣля 1863): «Какъ всѣ любящіе поспраменіе (?) полужрѣлые умы, г. Лассаль возымѣлъ по счастью фантазію представиться ученымъ предъ публикой, чуждой учености, и примѣшиваеъ въ свои произведенія, предназначенныя для народа, такія порціи полужнанія, что выходитъ совершенно непонятенъ народу, чѣмъ уничтожаетъ свою опасность!»

Такой противникъ, какъ вы, конечно не можетъ возмутить мою гордость!

Поэтому я буду очень скроменъ, г. Шульце. Но при всей скромности вотъ что я скажу вамъ: спросите обо мнѣ у друзей и враговъ,—и если между врагами моими найдутся люди, чему-нибудь учившіеся, то и враги, и друзья единогласно скажутъ вамъ, что я пишу каждую строку, выходящую изъ-под моего пера, во всеоруженіи просвѣщенія моего вѣка.

И человекъ, цирюльникъ по образованію, какъ говоритъ Шеллингъ, смѣетъ упрекать меня въ «полузнаніи и дерзости»!

ПРИПИСКА.

Грустное размышленіе.

Итакъ, вотъ онъ, этотъ «царь въ соціальной области», какъ окрестили его въ торжественной рѣчи въ Кельнѣ гг. Георгъ Юнгъ, Генрихъ Бюргеръ и Гельвицы! Вотъ онъ, признанный вождь прогрессиветской партіи! Вотъ онъ, «великій человѣкъ» всѣхъ нашихъ либеральныхъ журналовъ всѣхъ отѣнковъ, отъ «Народной Газеты» до «Рейнской» и «Берлинской Реформы»!

Короче, вотъ она, олицетворенная, воплощенная интеллигенція нашей буржуазіи!

Если бы цѣлью моей было только уничтожить васъ, г. Шульце, я могъ бы быть совершенно доволенъ и не имѣлъ бы никакого повода къ грустнымъ размышленіямъ.

Потому что въ ту минуту, какъ эта книга поступаетъ въ печать, вы можете считаться уже мертвымъ, а въ ту минуту, какъ ее взяли въ руки нѣсколько тысячъ читателей— и погребеннымъ!

За это мнѣ ручается человѣческое тщеславіе, хотя, конечно, интересъ вашей партіи требуетъ защищать васъ. Но будетъ, какъ по поводу моего «Юліана», когда даже главный редакторъ «Національной Газеты», г. д-ръ Цабель, сталъ твердить встрѣчнымъ и поперечнымъ: «я всегда говорилъ это, всегда говорилъ это», хотя, напротивъ того, печаталъ въ своей газетѣ напыщеннѣйшія похвалы «Юліану», принадлежавшія перу г. Титуса Ульриха.

Опять такъ будетъ, говорю я. Я показалъ въ васъ такое безпримѣрное невѣжество и тупоуміе, что никто не захочетъ казаться до того «невѣжественнымъ» и «группымъ»,

чтобы стоять на одномъ уровнѣ съ вами. Къ вамъ постепенно охладѣють, а тамъ, смотришь, дойдутъ до того, что «всегда говорили это». Сначала еще постоять на своемъ, но мало по малу начать соглашаться, сперва съ глазу на глазъ, потомъ въ пріятельскихъ кружкахъ, а потомъ все громче и громче, что вы дѣйствительно «крайне неспособный» представитель дѣла, настоящій *enfant terrible* его. Въ концѣ концовъ вы сдѣлаетесь компрометирующею личностью, которую каждый избѣгаетъ и прикосновеніемъ къ которой всякій боится осрамиться.

Все это скоро будетъ, такъ что васъ можно считать мертвымъ и погребеннымъ.

Но какая отъ этого польза?

Наши добрые тифенбахскіе кумовья, портной и башмачникъ, не замедлятъ помазать въ «цари» другого болвана!

Слегка передѣлавъ стихи Гете, можно сказать по этому поводу:

«Die Gimpel sind sie los —
Die Gimpel sind geliebt».

«Отъ болвановъ они отдѣлались, но болваны-то остались».

Дѣйствительно, г. Шульце не личность, это типъ, это выраженіе нашей буржуазіи.

Когда недавно въ палатѣ г. фонъ-Бланкенбургъ сравнивалъ прежнихъ Квицовыхъ съ нынѣшними «Шульце и Мюллерами», г. Шульце справедливо сказалъ при шумномъ одобреніи прогрессистской партіи, что въ имени своемъ, «конечно не безъ отношенія къ своей личности», онъ видитъ символъ всей буржуазіи!

Палата не поняла въ своемъ восторгѣ, что эти слова г-на Шульце были самымъ убійственнымъ осужденіемъ буржуазіи, какое когда-либо произносилось надъ нею. Но надо отдать имъ справедливость, они глубоко вѣрны!

Всюду, во всемъ это сословіе выражается одинаково.

Въ литературѣ это Юліанъ, въ палатѣ это прогрессистская партія, въ печати это Цабель и Берштейнъ, въ экономіи это Шульце.

Вотъ почему оно такъ и преуспѣваетъ въ практической и политической борьбѣ.

А они, эти малодушныя, малоумныя твари, еще удивляются, что монархія и древняя, привыкшая къ власти,

аристократія не хотятъ преклониться передъ ними! Вотъ чего они захотѣли!

Взглянуть въ другую сторону и опять дивятся, отчего ради ихъ не разверзается земля и не поглощаетъ ихъ супостатовъ! Съ недоумѣніемъ смотрятъ на французскія народныя собранія конца прошлаго вѣка, не постигая, отчего и имъ бы не надѣлать того же, что совершили тѣ?

Такъ поймите же господа! Французскія національныя собранія прошлаго столѣтія сосредоточивали въ себѣ весь геній, всѣ умы Франціи, по всей странѣ не было ни одной идеи, которая шла бы дальше цѣлей этихъ собраній! Во всей литературѣ и философіи этого періода нельзя найти ни одной мысли, которая не волновала бы ихъ, не служила бы предметомъ ихъ трудовъ къ существованію! Слѣдовательно, они находились на высшей теоретической вершинѣ своего времени, на высшей точкѣ его развитія!

Такимъ образомъ они были воплощеннымъ духомъ своего времени и своей страны, и вотъ почему они распоряжались ею такъ властно, возбуждали въ ней такой энтузіазмъ!

Вы же, господа, какъ я замѣтилъ выше, именно честь свою въ томъ полагаете, чтобы не подыматься на теоретическую высоту; вы именно въ томъ полагаете «практичность», чтобы ничего не желать и ни къ чему не стремиться, что мало-мальски превышаетъ умственный уровень послѣдняго лавочника. Умственная измененность есть тотъ уровень котораго вы, урожденные обитатели болотъ, не можете покинуть въ принципахъ въ силу элементарной житейской необходимости!

Въ то время, какъ умственный процессъ нашего вѣка, въ своемъ неудержимомъ стремленіи впередъ, достигъ въ политическомъ, національномъ и социальномъ отношеніяхъ такой высоты, что съ его точки зрѣнія вся прусская конституція, легитимное герцогство Аугустенбургца и неприкосновенность союзаго положенія представляются окаменѣlostями давно минувшаго періода развитія,—вы возитесь съ вопросами, которые едва могли бы представлять интересъ лѣтъ 40 или 50 тому назадъ, и рѣшаете ихъ средствами, которые были бы недостойны даже «любезныхъ вѣрнопоподанныхъ» этихъ сословныхъ чиновъ!

Сообразите же однако, просвѣщенные государственные мужи, что этимъ вы сами дѣлаете себя тѣми «дохлыми псами», о которыхъ говоритъ Шеллингъ въ моемъ введеніи!

Сообразите же, что для того, чтобы вести страну за собою, надо хоть на шагъ идти впереди ея!

Но этихъ соображеній невозможно вдолбить въ головы нынѣшней буржуазіи.

Ее одолеваетъ инстинктивная ненависть къ «идеѣ», и хотя въ дѣйствительности практично только то, что содержать въ себѣ живительный духъ теоріи, она считаетъ практичнымъ лишь то, что теоретически давно умерло и сгнило.

Подумайте, какое абсолютное умственное оскотченіе—гдѣ же?—Въ странѣ Лессинга и Канта, Шиллера и Гете, Фихте, Шеллинга и Гегеля!

Неужели эти умственные герои въ самомъ дѣлѣ пронеслись надъ нашими головами, лишь какъ стадо журавлей? Неужели націи ничего не передалось изъ громаднаго умственнаго труда ихъ, изъ совершеннаго ими умственнаго міроваго переворота? Неужели ей такъ-таки ничего не досталось изъ этого, и германскій геній заключается въ рядъ только одинокихъ личностей, которыя, свято принимая каждое наслѣдіе своихъ предшественниковъ, продолжаютъ свой уединенный и безплодный для націи трудъ съ горькимъ презрѣніемъ къ своимъ современникамъ?

Чье проклятiе тяготѣетъ надъ буржуазіей, вслѣдствіе котораго на ея все болѣе и болѣе сохнувшій мозгъ не можетъ упасть ни одной капли плодотворной росы изъ всей окружающей ея атмосферы просвѣщенія, изъ всѣхъ совершенныхъ посреди ея громадныхъ умственныхъ работъ?

Увы! Это вѣковѣчный законъ исторіи! Сословія падаютъ вслѣдствіе того самаго, что возводитъ ихъ на господство. Развiтiе раздѣленія труда доставило господство европейской буржуазіи, и вотъ уже сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ шотландецъ Фергюсонъ въ двухъ строкахъ объяснилъ, какъ изъ того же раздѣленія труда должно выйти паденіе европейской буржуазіи, паденіе умственное, которое будетъ причиной ея политическаго паденія и предвѣстникомъ соціального. «И самое мышленіе сдѣлается въ этотъ вѣкъ раздѣленія труда особымъ ремесломъ!» *)

*) Ferguson, «Essay on the history of civil society», p. 278.

И мышленіе буржуазіи сдѣлалось особымъ ремесломъ и это ремесло попало въ самыя жалкія руки—въ руки нашихъ «журналовъ»!

Я намѣренъ говорить здѣсь не о самихъ журналахъ,—я оцѣнилъ ихъ по достоинству въ другомъ мѣстѣ (Празднества, Пресса и Франкфуртское Депутатское Собраніе),—а объ отношеніи къ нимъ публики:

Гете говоритъ:

„Das Zeitungs-Geschwister,
Wie mag sich's gestalten,
Als um die Philister
Zum Narren zu halten?“

(Что и дѣлать газетной братіи, какъ не дурачить филистеровъ).

Но самъ коранъ, сама библія не читались въ свое время съ большею вѣрою, чѣмъ теперь журналы! Національное мышленіе, насколько его представляетъ буржуазія, фабрикуются теперь въ «журналахъ»!

Кто читаетъ теперь журналъ или газету, тотъ можетъ обходиться безъ мышленія, безъ ученія, безъ изслѣдованія. Ему все ни почемъ; онъ выше всего на свѣтѣ. Изумительный, почти ужасающій даръ предвидѣнія, доходящаго до мельчайшихъ подробностей, обнаруживаетъ Фихте въ описаніи «невиннаго читателя», написанномъ 60 лѣтъ тому назадъ (Фихте, полн. собр. соч., кн. VII, р. 78—91): «Этотъ читатель никогда не читаетъ книгъ, а всегда только о книгахъ въ журналахъ, и въ этомъ наркотическомъ чтеніи теряетъ волю, разумокъ, способность мыслить и всякую энергію разума. Но за всѣ эти потери онъ пріобрѣтаетъ величайшее самодовольствіе и непоколебимую «самоувѣренность»!

Во времена Фихте всего этого были цвѣточки, и это распространялось только на литературные вопросы.

Теперь созрѣли плоды и распространились на всѣ политическіе и соціальные вопросы, отъ которыхъ зависятъ счастье и бѣдствіе страны.

Прошлой осенью я убѣдился, до чего это доходить.

Въ то время я объѣзжалъ большую часть Германіи.

Куда ни пріѣдешь, разговоръ тотчасъ заходитъ о великомъ вопросѣ дня, такъ называемой борьбѣ между мной и г. Шульце. Со всѣхъ сторонъ сыпятся мнѣнія и сужденія. Отзывы благосклонные, неблагосклонные, горячіе, страстные,

одобрительные, порицательные,—но всё «полагаютъ» и при томъ полагаютъ съ величайшею увѣренностью.

Затѣмъ, между мной и полагающимъ происходитъ слѣдующій стереотипный разговоръ:

А читали вы эту мою брошюру, о которой вы говорите?—
«Нѣтъ, не случилось».—Ну такъ вы читали по крайней мѣрѣ брошюру г. Шульце?—«Нѣтъ, и ея не читалъ».—На чемъ же вы основываете ваши самоувѣренные сужденія о нихъ?—
«Да въ журналахъ...!»

Да, въ журналахъ! Это функционирующій мозгъ нашей буржуазіи!

Буржуазъ не думаетъ, не думаетъ даже о такихъ предметахъ, о которыхъ самъ несравненно способнѣе думать, чѣмъ строчило, поставляющій ему готовое мыслительное издѣліе. Но думать самому неудобно; надо читать книги, трудиться, учиться, самостоятельно изслѣдовать. То ли дѣло получать мысли готовыми съ фабрики. Дешево и сердито!

Онъ не обращается и къ оптовымъ продавцамъ мысли, которыми гордится Германія, къ своимъ великимъ мыслителямъ и философамъ.

На это у него нѣтъ вкуса, времени и достаточной подготовки.

Подобно тому какъ бѣдняки, не имѣя средствъ покупать припасы заблаговременно, большими количествами у оптовыхъ торговцевъ, принуждены брать ихъ у мелкихъ лавочниковъ, хотя скверные и поддѣльные, такъ и буржуазы покупаютъ мыслительныя издѣлія ежедневно изъ рукъ самыхъ жалкихъ торговковъ, изъ рукъ либеральныхъ журнальныхъ писакъ.

Вотъ почему великіе и славные наши мыслители и поэты пронеслись надъ головами этой буржуазіи, какъ стадо журавлей, и до массы ничего не дошло отъ нихъ, кромѣ пустого звука имени.

Буржуазъ празднуетъ память нашихъ мыслителей, потому что никогда не читалъ ихъ сочиненій! Онъ сжегъ бы ихъ, если бы прочелъ, потому что они полны самаго рѣзкаго презрѣнія къ этой буржуазіи!

Онъ восторгается нашими поэтами, потому что знаетъ наизусть нѣсколько стиховъ изъ нихъ или видѣлъ или читалъ какую-нибудь пьесу ихъ, но никогда не вдумывался въ міросозерцаніе ихъ!

Такова умственная физиономія этой буржуазіи, экономическую и нравственную физиономію, которой я показалъ въ 4-й главѣ, объяснилъ тамъ и здѣсь, какимъ образомъ первая вытекаетъ изъ второй.

Но нельзя всенародно признаваться въ журнальномъ культѣ. Націи было слишкомъ зазорно признать прямо, что ея мысль и вѣра зависятъ отъ толпы неудавшихся писателей, оказавшихся непригодными ни къ какому гражданскому занятію, неспособными къ самостоятельному умственному творчеству и потому, — такова игра противорѣчій, — достаточно негодныхъ, чтобы анонимно стряпать на націю ея умственный прощесъ!

Поэтому, какъ всякому культу, журнало-поклонству нужно свое мистическое божество.

Это мистическое божество его есть «общественное мнѣніе».

Что такое это «общественное мнѣніе», передъ алтаремъ котораго буржуазія пляшетъ какъ Давидъ передъ кивотомъ, требуя отъ всѣхъ насъ, чтобы и мы подплясывали съ нею?

Изъ всѣхъ мыслителей всего справедливѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ всего снисходительнѣе судилъ общественное мнѣніе Гегель. «Общественное мнѣніе, говоритъ онъ, столько же заслуживаетъ уваженія, сколько президентія; послѣдняго по своему конкретному сознанию и выраженію, а перваго, по своему существенному основанію, которое только отражается въ этомъ конкретѣ, болѣе или менѣе омраченное».

Въ переводѣ съ гегелевскаго на удобопонятный языкъ это значить: Въ основаніи своемъ общественное мнѣніе всегда справедливо. Но ему постоянно свойственно безуміе не понимать самого себя и говорить поэтому какъ разъ противоположное тому, что оно въ сущности думаетъ.

«Такъ какъ оно, продолжаетъ Гегель, самъ объясняя это, не обладаетъ способностью различать и возвышать въ себѣ свою существенную сторону въ положительное знаніе, то независимость отъ него есть первое рѣшительное условіе совершенія чего бы то ни было великаго и разумнаго, какъ въ дѣйствительности, такъ и въ наукѣ» («Философія права», р. 403).

На этотъ счетъ наши мыслители выражаютъ удивительное единомысліе; но если бы они всѣ распрысгались, что это такъ, то Цабель (главный редакторъ «Національной Газеты») и Бернштейнъ (редакторъ «Народной Газеты») другого

мнѣнія, и въ глазахъ нашей буржуазіи независимость отъ общественнаго мнѣнія, составляющая, по Гегелю, первое условіе совершенія чего бы то ни было великаго, разумнаго въ дѣйствительности и въ наукѣ, есть первое гражданское преступленіе, такъ что всѣ прочія преступленія суть въ сущности лишь его разновидности и низшія степени.

Гегель заключаетъ такъ: «Впрочемъ все великое и разумное можетъ быть увѣрено, что въ концѣ концовъ общественное мнѣніе допустить, признаеть его и сбѣлаеть изъ него своей предрасудокъ».

Право, нельзя писать ядовитѣе! Какъ скоро разумное будетъ признано общественнымъ мнѣніемъ, оно сбѣлаеть уже ложнымъ въ примѣненіи своемъ общественнымъ мнѣніемъ и изъ разсудочнаго превратится въ предрасудочное!

Рабочее сословіе независимо отъ «общественнаго мнѣнія». Эта независимость вытекаетъ а priori изъ условій его сословнаго положенія; но кромѣ того я доказалъ ее практически, отторгнувъ, самъ одинъ, такіе многочисленные кружки рабочихъ отъ зависимости либеральной прессы. Независимость эта показываетъ въ рабочемъ сословіи рѣшительное умственное превосходство надъ буржуазіей и призваніе къ преобразованію ея.

Сильнѣе Гегеля увѣнчалъ общественное мнѣніе Гете:

„Ueber's Niederträchtige
Keiner sich beklage,
Denn es ist das Mächtige,
Was man Dir auch sage.

In dem Schlechten waltet es
Sich zum Hochgewinne,
Und mit Rechtem schaltet es
Ganz nach seinem Sinne.

Wandrer!—Gegen solche Noth
Wolltest Du Dich sträuben?
Wirbelwind und trocknen Koth,
Lass sie drehn und stäuben!“

«Не жалуйся на подлость, потому что она сила, что тамъ ни толкуй. Въ дурномъ она гоняется за выгодой, да и хорошимъ она помыкаетъ по своему. Странникъ! Противъ этакого ли зла станешь возставать? Пусть его мятется и клубится, это вихрь и сухая грязь!»

Но надо еще сказать, что въ то время, при Гегелѣ и Гете, этотъ идолъ буржуазіи—общественное мнѣніе находилось еще только въ періодъ своего органическаго развитія. Оно еще далеко не приняло своего нынѣшняго твердаго, ремесленнаго, закорузлага вида.

Кто въ самомъ дѣлѣ нынѣшнее общественное мнѣніе? Кто его отецъ, кто его мать, какіе сосцы вспоили его?

Зависимость Цабеля отъ интереса гнусѣйшей клики лавочниковъ—вотъ его мать, и зависимость лавочниковъ отъ интереса и интеллигенціи Цабеля—вотъ его отецъ!

Но если бы еще такъ! Какъ бы ни было это печально, все-таки было мыслимо нѣкоторое спасеніе! Активный и пассивный интересъ и безсмысліе какого-нибудь Цабеля все же могло бы имѣть какіе-нибудь предѣлы! Но вѣдь роль этихъ матерей и отцовъ играютъ всѣ Цабели всей страны, а отъ такого умственного потопа какое же можетъ быть спасеніе?

Вотъ и исполнилось предсказаніе Шеллинга: «Возвышеніе простаго смысла на степень судьбы въ дѣлахъ разума необходимо ведетъ къ охлократіи въ области наукъ, а съ нею, рано или поздно, приводитъ къ общему возвышенію умственной черни. Плоскіе или лицемѣрные болтуны, думающіе замѣнить господство идѣй какой-то приторной окрошкой такъ называемыхъ нравственныхъ правилъ, обличаютъ этимъ только свое непониманіе истинной нравственности. Нравственности нѣтъ безъ идей, и всякое нравственное дѣйствіе нравственно лишь какъ выраженіе идей» (Лекціи объ академическихъ занятіяхъ, С. с., кн. V, р. 259).

Вѣдь такъ и кажется, что Шеллингъ зналъ г. Бернштейна!

Теперь водворились эта охлократія и это общее возвышеніе умственной черни. Одну изображаютъ собою гг. Бастіа, Шульце и цѣлая пропасть прочихъ; другое представляетъ умственное господство нашей журнальной черни, «общественное мнѣніе».

Всякое сопротивленіе кажется тѣмъ невозможнѣе, что эта тупоумная тиранія надъ неслыханно обманутымъ народомъ совершается во имя свободы и нравственности, во имя ихъ заносится плеть этой монопольной клики и раздаются вѣнки ложной популярности.

Гордо и властно выступать противъ этой великой вави-

лонской блудницы и разбивать ея лживые алтари—вотъ въ чемъ все мужество и вся честь нашего времени!

«Пусть ихъ мечутся и клубятся»—конечно, это было бы очень легко сказать, если бы теперь, какъ при Гете, можно было замкнуться въ развитіе собственной личности и выдѣлить себя изъ общаго положенія націи.

Но именно въ Германіи борьба противъ буржуазіи и ея умственного выраженія необходимѣе, настоятельнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.—Всюду въ полномъ ходу—этотъ процессъ гніенія европейской буржуазіи.—Во Франціи она отреклась отъ власти и позволила узурпатору открытымъ насиліемъ низвергнуть ее. Въ Англійи она утратила свое господство длиннымъ постепеннымъ процессомъ, срока которому опредѣлить невозможно, и власть ея перешла въ руки безпримѣрныхъ шарлатановъ. Но обѣ эти націи еще опираются на наслѣдіе великихъ національных исторій: Франція на свой мечъ, Англійа на свое золото, имъ можно смотрѣть и ждать.

Въ Германіи же буржуазія, поощряемая провинціализмомъ и мелковладѣльчествомъ, приняла безобразнѣйшія формы, да кромѣ того наше національное существованіе еще только въ будущемъ; его приходится еще завоевывать.

Давнымъ давно распалось все, что насъ соединяло и скрѣпляло, и лишь громаднымъ умственнымъ переворотомъ можемъ мы завосвать себѣ національное существованіе. Шеллингъ понималъ и это: «за недостаткомъ внѣшней связи, только внутренняя, единая господствующая религія и философія можетъ воскресить въ Германіи древній національный характеръ, который исчезъ въ частностяхъ и все болѣе и болѣе теряется» (р. 260).

Но именно поэтому буржуазія не совершитъ этакого переворота, который привелъ бы насъ къ національному существованію. Потому не совершитъ,—что она сама-то и есть индивидуализмъ, т. е. стремленіе къ обособленію, лишившее насъ національнаго существованія, и провинциализмъ и мелковладѣльчество суть самыя послѣдовательныя, самыя филистерообразныя выраженія ея! Между тѣмъ и другимъ есть глубокая связь, внутренняя; то и другое суть лишь внѣшнее и внутреннее выраженіе одной и той же идеи, и вотъ въ чемъ тайна, почему

намъ, несмотря на все наше желаніе, невозможно какъ германцамъ завоевать себѣ подъ господствомъ буржуазіи, національное возрожденіе. Мелковладѣльчество можно уничтожить лишь вмѣстѣ съ буржуазіей.

Такимъ образомъ эта сословная побѣда есть для насъ вмѣстѣ съ тѣмъ условіе національной жизни. Изъ одной мысли должна выйти и та, и другая.

Время близится, близится! Оно стучитъ желѣзнымъ перстомъ, предостерегая! Что сегодня еще только вопросъ національнаго возрожденія—скоро станетъ вопросомъ національнаго существованія. Мы потеряемъ и послѣднее, если не завоюемъ перваго.

Эта ли участь предстоитъ германскому духу? Неужели правы зловѣщія пророчества, которыя гласятъ, что мы предназначены дать народамъ нѣсколько мыслителей и затѣмъ исчезнуть среди нихъ, сдѣлаться жидами среди народовъ Европы?

Но прочь эти грустныя мысли! Уже мнѣ слышится вдали глухой и мѣрный шагъ несмѣтныхъ полчищъ рабочихъ батальоновъ! Спасайте, спасайте себя изъ оковъ обезчеловѣчивающихъ васъ условій производства, ниводящихъ васъ на степень товара! Спасайте, спасайте германскій духъ отъ гибели; спасайте, спасайте съ тѣмъ вмѣстѣ и націю отъ раздробленія!

Въ высотахъ уже сверкаетъ молнія прямого и общаго избирательнаго права! Такъ или иначе скоро разразится она! Разъ что слово это произнесено, оно стало необходимою! Тогда, вооруженные этой молніей, спасайте себя, спасайте Германію!

А вы, подобно мнѣ рожденные въ средѣ буржуазіи, но всосавшіе въ себя изъ нашихъ мыслителей и поэтовъ молоко свободы, если желаете возвыситься изъ условій существованія сословія, принесшаго народу нищету, германскому духу упадокъ, націи раздробленіе и безсиліе,—встаньте и поддержите мой кличъ: «*jactea est alea*!» *) Да будетъ вамъ это знаменемъ, да будетъ въ немъ ваша честь!

*) «Жребій брошенъ» девизъ Ульриха фонъ-Гуттена.

ПРИЛОЖЕНІЯ

U. P. N. L. O. R. H. E. L. E.

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

Французскія національныя мастерскія

(Историческій очеркъ).

Ложь—европейская сила!

Едва вышелъ мой «Гласный Отвѣтъ», какъ ученый г. Фаухеръ объявилъ въ одномъ лейпцигскомъ собраніи, что я въ моемъ предложеніи разогрѣваю французскія національныя мастерскія Луи Блана, которыя уже достаточно осуждены своимъ жалкимъ круженіемъ въ 1848 г.

Еще болѣе ученый, талмудистъ «Народной Газеты», разсуждаетъ въ остроумной передовой статьѣ (номеръ 95) своей газеты буквально такъ: «Въ 40-хъ годахъ эти идеи (т. е. идея—устроить отъ имени и на счетъ государства рабочія мастерскія, которыя обезпечивали бы трудъ, опредѣляли заработную плату и удовлетворяли бы претензіямъ рабочихъ на существованіе) распространились во Франціи повсемѣстно, а парижская революція февраля 1848 г. дала возможность подвергнуть ихъ испытанію на дѣлѣ. Луи Бланъ весьма даровитый писатель, производившій до тѣхъ поръ этими идеями политическую агитацію, сдѣлавшись, благодаря революціи, членомъ временнаго правительства, получилъ возможность предпринять попытку. Попытка совершенно не удалась и наука давно объяснила причины неудачи. Попытка не удалась до того, что прямое и общее избирательное право было уничтожено во Франціи еще при республикѣ, хотя было введено, какъ единственное государственное средство спасенія преобладающаго большинства неимущихъ классовъ. Попытка не уда-

лась до того, что хотя прямое и общее избирательное право было восстановлено послѣ государственнаго переворота, но фантазія Луи Блана такъ и осталась мертва; и до сихъ поръ ни во Франціи, ни за границей ни одному мыслящему человѣку не приходило въ голову оживлять ее». За г. Фаухеромъ и «Народной Газетой» то же говорить, кажется, г. Виртъ, хотя навѣрно не знаю, точно ли онъ, потому что мнѣ приходится ежедневно читать столько нападокъ на себя, что всѣ онѣ перепутались у меня въ памяти, и я не знаю, на чей счетъ какую поставить; опасаясь, чтобы не пришлось мнѣ сострипать изъ моихъ критиковъ селедочный салатъ, въ которомъ я потрактую съ моими учеными противниками огуломъ и заставляю ихъ платиться другъ за друга; пусть потомъ разбираются, что каждому приходится взять на себя; это будетъ тотъ же методъ, по которому государства налагаютъ на общины нѣкоторыя подати.

Впрочемъ различныя варіаціи на эту тему я читалъ уже по крайней мѣрѣ въ 20 журналахъ. Съ сѣвера и юга, съ запада и востока, отовсюду раздаются клики: «Да въдь это луи-блановскія національныя мастерскія 1848 г.! Да въдь онѣ осуждены еще 48-мъ годомъ». Повидимому во всей Германіи нѣтъ ни одной души, которая имѣла бы понятіе о французскихъ національныхъ мастерскихъ 1848 г. Но представьте себѣ, какъ забавна должна казаться эта торжествующая аргументація тому, кто знаетъ, что національныя мастерскія: 1) были учреждены не Луи Бланомъ, а его врагами, самыми заклятыми противниками социализма во временномъ правительствѣ, министромъ общественныхъ дорогъ Мари и другими, составлявшими большинство во временномъ правительствѣ; 2) что онѣ были заведены именно противъ Луи Блана, съ цѣлью противопоставить рабочую армію, состоящую на жалованьи у правительственнаго большинства, его приверженцевъ, работникамъ-социалистамъ, и съ помощью этой арміи торжествовать надъ социалистами на выборахъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ; 3) что въ національныхъ мастерскихъ занимались только непроизводительными работами именно для того, чтобы не составлять конкуренціи частной промышленности, и что вообще онѣ предназначены лишь для раздачи голоднымъ работникамъ милостыни изъ государственныхъ денегъ, а за эту милостыню работниковъ заставляли

заниматься бесплоднымъ трудомъ, чтобы они не подвергались послѣдствіямъ совершенной праздности.

Какъ забавно, говорю я, человѣку, знающему всѣ факты, слышать побѣдоносную аргументацію противъ меня, раздающуюся по всей Германіи. Да, забавно, но и грустно! Потому что она доказываетъ, что, вмѣстѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, европейской силой сдѣлалась и общественная ложь и клевета. Въ 1848 г., въ самый разгаръ борьбы партій, французскія газеты выпустили противъ Луи Блана клевету, будто національныя мастерскія организованны имъ и по его принципамъ. Тщетно Луи Бланъ до полусмерти вопилъ противъ этой клеветы съ трибуны національнаго собранія! Ему тогда не вѣрили.

Но съ тѣхъ поръ вышли историческія сочиненія враговъ Луи Блана и акты парламентскихъ слѣдственныхъ комиссій, учрежденныхъ вслѣдствіе возстанія 1848 г.

Истина вышла изъ собственныхъ устъ непримиримѣйшихъ враговъ Луи Блана. Во Франціи клевета опровергнута. Но въ Германіи она продолжаетъ жить и служить для торжественныхъ аргументацій, произносимыхъ съ безстыднѣйшею увѣренностью. Разумѣется, мои ученые противники и не подозреваютъ, что лгутъ. Они вычитали эту ложь въ свое время изъ французскихъ или, въ перепечаткѣ, въ нѣмецкихъ газетахъ, а у кого изъ этихъ ученыхъ хватило бы досуга и охоты прочесть вышедшіе съ тѣхъ поръ историческія сочиненія и слѣдственные акты?

Мнѣ нѣтъ повода отождествлять себя съ Луи Бланомъ. Въ моемъ «Гласномъ Отвѣтѣ» я не требовалъ организаціи труда государствомъ. Я требовалъ только кредитной операціи государства, которая сдѣлала бы для работниковъ возможною самостоятельную добровольную ассоціацію ихъ. Кромѣ того, я полагаю, что мы съ Луи Бланомъ всегда значительно расходимся въ экономическихъ воззрѣніяхъ. Но въ виду такой клеветы противъ славнаго имени и въ виду теперешняго злоупотребленія ею у насъ въ Германіи я нахожу интереснымъ и своевременнымъ, а для журналовъ обязательнымъ, распространить во всеобщее свѣдѣніе историческую истину касательно этихъ фактовъ. Я раскрою ее простыми цитатами изъ сочиненій враговъ Луи Блана, по возможности вкратцѣ, соответственно газетному объему. Франсуа Араго, членъ

временнаго правительства (единственный изъ людей, на которыхъ я здѣсь буду ссылаться, бывший хотя политическимъ врагомъ, но личнымъ другомъ Луи Блана), Араго, величайшій ученый Франціи, другъ Гумбольта, показывалъ 5 іюля 1848 г. въ слѣдственной комиссіи (Докладъ слѣдственной комиссіи, I, 288): «Организаціей національныхъ мастерскихъ занимался г. Мари» (какъ извѣстно, самый яростный врагъ Луи Блана и социалистическаго меньшинства временнаго правительства). Директоромъ національныхъ мастерскихъ г. Мари назначилъ человѣка совершенно ему преданнаго и рѣшительно враждебнаго Луи Блану, какъ мы услышимъ отъ него самаго, г. Эмиля Томаса. Этотъ директоръ національныхъ мастерскихъ показывалъ въ качествѣ свидѣтеля слѣдственной комиссіи 28 іюля 1848 г. (Докл. слѣд. ком., I, 352, 358): «Никогда въ жизни я не говорилъ съ Луи Бланомъ; я его не знаю. Въ бытность мою при мастерскихъ я ежедневно видался съ Мари, иногда и по два раза въ день, г. Ламартина я видѣлъ только разъ, никогда не видалъ г. Ледрю-Роллена, г. Луи Блана, г. Флокона и г. Альберта». (Три послѣдніе составляли социалистическое меньшинство правительства; Ледрю-Ролленъ занималъ среднее положеніе).

Въ показаніяхъ своихъ 28 іюня 1848 г. тотъ же директоръ національныхъ мастерскихъ говоритъ (Докладъ I, 353): «Я всегда былъ за одно съ парижскимъ мерствомъ противъ вліянія гг. Ледрю-Роллена, Флокона и др.: Я былъ въ открытой враждѣ съ Люксембургомъ (резиденціей Луи Блана). Я открыто боролся противъ вліянія г. Луи Блана».

Декреты 27 февраля и 6 марта 1848 г., организовавшіе національныя мастерскія, подписаны однимъ Мари; смотри «Монитеръ».

Директоръ національныхъ мастрскихъ, г. Эмиль Томасъ, написалъ сочиненіе: «Исторія національныхъ мастерскихъ», въ которомъ (стр. 200) дѣлаетъ слѣдующее признаніе:

«Г. Мари призвалъ меня въ ратушу. По окончаніи засѣданія правительства, я пошелъ туда и получилъ извѣстіе, что національнымъ мастерскимъ открытъ кредитъ въ 5 милліоновъ, и что теперь финансы будутъ отпускатся скорѣе. Затѣмъ г. Мари отвелъ меня въ сторону и очень тихо спросилъ, могу ли я рассчитывать на работниковъ.—Полагаю, отвѣчалъ я; однако число ихъ такъ возрастаетъ, что мнѣ становится

трудно имѣть на нихъ вліяніе на столько прямое, какъ я желалъ бы.—Не заботьтесь о числѣ, сказалъ министръ. Лишь бы они были у васъ въ рукахъ; въ такомъ случаѣ, чѣмъ ихъ больше будетъ, тѣмъ лучше; найдите только средство искренно привязать ихъ къ себѣ. Не щадите денегъ; въ случаѣ надобности вамъ отпустить секретные фонды.—Не думаю, чтобы это понадобилось; это могло бы сдѣлаться въ послѣдствіи источникомъ важныхъ затрудненій; но съ какою иною цѣлью, кромѣ общественнаго спокойствія, даете вы мнѣ эти наставленія?—Въ видахъ общественнаго спасенія. Надѣетесь ли вы приобрести полную власть надъ вашими людьми? Быть можетъ недалеко день, когда придется спустить ихъ на улицы».

Послушаемъ врага социалистовъ, г. Ламартина: «Исторія февральской революціи», Ч. 2. Онъ говоритъ о національныхъ мастерскихъ:

«Нѣкоторые социалисты, въ то время умѣренные и политичные, а въ послѣдствіи увлеченные и воспламененные жаромъ партіи, требовали въ этомъ смыслѣ правительственной инициативы. Лучшимъ средствомъ сохранить миръ въ республикѣ они считали великій внутренній походъ съ рабочими инструментами вмѣсто оружія, въ родѣ походовъ римлянъ и египтянъ, предпринимавшихся для рытья каналовъ и для просушки Понтійскихъ болотъ. Такимъ образомъ республика оказала бы помощь и покровительство пролетаріямъ, спасая въ то же время собственность! Эта была мысль собранія. Обширное министерство общественныхъ работъ открыло бы новую эру новой политики, приличной положенію. Большой ошибкой со стороны правительства было промедленіе въ осуществленіи этой мысли. Пока оно ждало, національныя мастерскія, переполненныя нищетою и лѣнью, становились съ каждымъ днемъ все обременительнѣе, бесплоднѣе и грознѣе для собственного мира. Въ это время онѣ не дошли еще до этого. Онѣ были только мѣрой для сохраненія общественнаго порядка и первой попыткой общественной помощи (assistance publique); учрежденіе ихъ на другой день послѣ революціи было вынуждено необходимостью кормить народъ, но кормить не тунеядно во избѣжаніе беспорядковъ, сопровождающихъ праздношатайство. Г. Мари устроилъ ихъ благоразумно, но безъ пользы для производительнаго труда. Онъ раздѣлил ихъ на бригады, далъ имъ начальниковъ, внушилъ духъ дисциплины и по-

рядка. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ онъ сдѣлалъ изъ этой силы, преданной социалистамъ и бунтамъ, армію преторіанскую, но праздную въ рукахъ правительства. До открытія національнаго собранія, національныя мастерскія, управляемыя, руководимыя и содержимыя начальниками, посвященными въ тайныя мысли антисоциалистической партіи правительства, составляли противовѣсъ сектаторскимъ работникамъ Люксембурга (приверженцамъ Луи Блана) и безпокойнымъ работникамъ клубовъ. Своимъ множествомъ и бесполезностью производимыхъ работъ онѣ скандализировали Парижъ, но онъ не зналъ, что онѣ неоднократно защитили и спасли его. Онѣ не только не состояли на жалованіи Луи Блана, какъ говорили, а напротивъ, были проникнуты духомъ его противниковъ.

Желательно ли знать всѣ цѣли, которымъ должны были служить національныя мастерскія? Директоръ ихъ, г. Эмиль Томасъ, откровенно сознается въ нихъ («Исторія національныхъ мастерскихъ», стр. 142):

«Г. Мари сказалъ мнѣ, что правительство твердо намѣрено дать совершиться этому опыту правительственной комиссіи для работниковъ; что это можетъ имѣть только хорошіе результаты, показавъ работникамъ всю пустоту и ложь этихъ неосуществимыхъ теорій и давъ имъ на себѣ испытать ихъ печальныя прелѣдствія. Когда они такимъ образомъ разочаруются въ будущности, поклоненіе ихъ Луи Блану пройдетъ само-собою и онъ потеряетъ все свое значеніе, все свое могущество, навсегда перестанетъ быть опаснымъ».

Вотъ съ какою цѣлью заводились «луй-блановскія національныя мастерскія»!

И чтобы вѣрнѣе достигъ этой цѣли, чтобы вѣрнѣе «произвести опытъ», работникамъ давали лишь непроизводительную работу. Предпринимавшіяся ими работы поименованы въ одномъ письмѣ директора ихъ министру Мари:

«Починка дорогъ вокругъ города и немощенныхъ улицъ Парижа.—Земляныя работы на Іенской рампѣ, на лужайкѣ Енисейскихъ полей и Монмартской бойнѣ.—Выкапываніе булыжника въ общинахъ Клиши и Женвилье.—Проведеніе пѣшеходнаго пути по берегу въ Нельи». (Гарнье-Нажесь, «Исторія революціи 1848 г.», УІІІ, 154).

Такъ какъ работы эти предпринимались только для того, чтобы не оставлять въ совершенной праздности людей, кото-

рыхъ надо было кормить даромъ, то работали поспѣшно только 2, 3 дня въ недѣлю (Гарнье-Пажесь, I, с.).

Такимъ образомъ, конечно, навѣрняка достигли цѣли своей преднамѣренной клеветы. Ея такъ успѣшно достигли, что, какъ видимъ, и теперь еще, спустя 15 лѣтъ, въ Германіи божатся и клянутся, что Луи Бланъ учредилъ національныя мастерскія по принципамъ социализма, для занятія производительнымъ трудомъ, и потерялъ съ ними позорное фіаско!

Не есть ли послѣ этого клевета въ самомъ дѣлѣ европейская сила, великая держава? Въ то время всѣ газеты пронесли эту клевету по всей Европѣ, всѣ охотно повѣрили имъ, повторяли выдумку, и она до сихъ поръ безмятежно господствуетъ въ Германіи, хотя Луи Бланъ, сто разъ опровергалъ ее. Ужъ не воспользоваться ли и мнѣ ею для своей цѣли?

Вотъ историческая истина о «луи-блановскихъ національныхъ мастерскихъ 1848 г.». Но чѣмъ бы мнѣ заключить эту статью? Во избѣжаніе печальныхъ размышлений, лучше всего закончить весело, а самымъ веселымъ концомъ будетъ уподобить эту статью змѣѣ, кусающей свой хвостъ, кончить ее ея же началомъ. Теперь, выслушавъ историческія доказательства и узнавъ сущность національныхъ мастерскихъ, совѣтую вторично прочесть помѣщенную въ началѣ цитату изъ «Народной Газеты». Теперь она произведетъ совсѣмъ иной эффектъ. Надо полюбоваться имъ. Итакъ, скорчимъ глубокомысленную мину, поднимемъ правую руку, выставимъ указательный перстъ, согнувъ его къ себѣ, и затынемъ на распѣвъ съ удареніями въ надлежащихъ мѣстахъ голосомъ и перстомъ:

«Въ 40-хъ годахъ эти идеи распространялись изъ Франціи повсемѣстно, а парижская революція февраля 1848 г. дала возможность подвергнуть ихъ испытанію на дѣлѣ (!!!). Луи Бланъ, весьма даровитый писатель, производившій до тѣхъ поръ этими идеями политическую агитацію, сдѣлавшись благодаря революціи членомъ временнаго правительства, получилъ возможность предпринять попытку (!!!). Попытка совершенно не удалась (!!!) и наука (т. е. наука рабби Бенъ-Цшоппе) давно объяснила причины неудачи (!!!). (Постарайтесь только не лопнуть здѣсь со смѣха). Попытка не удалась до того, что прямое и общее избирательное право было уничтожено во Франціи еще при республикѣ, хотя и т. д. Попытка не

удалась до того, что хотя общее и прямое избирательное право было восстановлено послѣ государственнаго переворота, но фантазія Луи Блана такъ и осталась мертва (не пикнула!), и до сихъ поръ ни во Франціи, ни за границей ни одному мыслящему человѣку не приходило въ голову оживлять ее».

Такъ-то! Вижу, что мнѣ придется попросить у г. Юліана Шмита прощенія! Я могъ бы взять вмѣсто него другихъ, производящихъ еще больше опустошенія въ народномъ пониманіи.

Берлинъ, 24 апрѣля 1863 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

Отвѣтъ господину профессору Рау.

Въ редакцію «Фософской Газеты».

Въ вашей вчерашней газетѣ вы помѣстили объясненіе гейдельбергскаго профессора Рау, который дѣлаетъ въ этой статейкѣ видъ, будто не соглашается съ утверждаемымъ мною въ моей брошюрѣ («Гласный Отвѣтъ») закономъ рабочей платы. Надѣюсь, что вы будете имѣть добросовѣстность напечатать у себя и мой отвѣтъ ему.

Если бы г. проф. Рау вздумалъ въ самомъ дѣлѣ возставать противъ меня, то ему пришлось бы возстать прежде всего противъ самого себя.

Въ своихъ «Началахъ политико-экономической науки», 5 изд., § 199, стр. 236, онъ говоритъ:

«Расходы, которые должны быть оплачены работнику заработной платою, состоятъ при простыхъ, безыскусственныхъ работахъ только въ необходимыхъ расходахъ на существованіе, а въ работахъ, требующихъ особаго искусства, кромѣ того въ расходахъ на приобрѣтеніе потребнаго умѣнья.

«Потребности существованія должно высчитывать не только во время работы, а и на года дѣтства и юности, когда будущій работникъ еще не въ состояніи ничего зарабатывать, и вообще плата работниковъ должна быть достаточна для содержанія ихъ семействъ. Если бы ее не хватало на это, то рабочее сословіе уменьшилось бы въ числѣ, и въ

работникахъ ощутился бы недостатокъ, пока уменьшеніе предложенія работы не подняло бы снова рабочую плату. По крайней мѣрѣ, это справедливо относительно обыкновеннаго наемнаго труда, получающаго скудное лишь вознагражденіе, и семействъ средняго числа членовъ. Въ болѣе искусственныхъ отрасляхъ труда можетъ быть и такъ, что по образу жизни, обычному въ этомъ промыслѣ, плата даетъ возможность существовать только одинокому работнику безъ семьи, но число работниковъ тѣмъ не менѣе не уменьшается вслѣдствіе наплыва изъ низшихъ классовъ».

Стало быть, въ своей книгѣ г. проф. Рау говоритъ точно то же, что теперь будто бы опровергаетъ.

Въ самомъ ли дѣлѣ опровергаетъ онъ это? Боже сохрани! Всѣ его объясненія просто пустыя упражненія въ слогѣ, фразы на «но» и на «если», предназначаемыя имѣть видъ возраженій.

Въ моей брошюрѣ я объяснилъ работникамъ, что рабочая плата далеко не держится непоколебимо на той величинѣ, которая необходима по народнымъ привычкамъ для существованія, а постоянно отклоняется въ стороны отъ этой средней точки; что она очень можетъ повыситься на время и повышается отъ усиленія спроса, но вслѣдъ затѣмъ вскорѣ опять понижается до средней точки необходимаго по народнымъ привычкамъ содержанія или даже еще ниже, вслѣдствіе умноженія между работниками браковъ, а съ ними и числа работниковъ; стало быть, она никогда не можетъ отклониться отъ средней точки на долго, кромѣ одного совершенно исключительнаго случая (Соч. Лассаля, Т. I, стр. 239).

Далѣе, я показалъ, что то же самое и по той же причинѣ— по причинѣ умноженія браковъ и числа работниковъ— должно произойти съ теченіемъ времени и въ томъ случаѣ, если при неизмѣнлившейся рабочей платѣ подешевѣютъ средства къ жизни.

Возражаетъ ли г. проф. Рау что-нибудь на это? По его словамъ можно думать, что онъ совсѣмъ и не читалъ моей брошюры, знаетъ ее только по наслышкѣ! Вотъ что онъ говоритъ: «Если бы Лассалъ былъ правъ, то слѣдовало бы, что предлагаемое количество труда было бы всегда такъ велико въ сравненіи съ спрашиваемымъ, что работники были бы доведены до неблагопріятнѣйшихъ условій. Но этого можно

опасаться только при слишком сильномъ увеличеніи народонаселенія или для самаго грубаго ручнаго труда». Хорошо!

Но, спрашивается, происходитъ ли это сильное умноженіе народонаселенія при возрастаніи капитала, а съ нимъ и рабочей платы или не происходитъ? Я утверждалъ, что происходитъ и что вслѣдствіе этого рабочая плата опять понижается до прежняго размѣра. Почему г. профессоръ не высказываетъ на этотъ счетъ своего мнѣнія?

Я не замедлю впрочемъ привести его собственный отвѣтъ на этотъ вопросъ изъ его книги; но прежде разберу его уклончивый отвѣтъ въ его объясненіи на мое второе положеніе, что съ теченіемъ времени, съ удешевленіемъ средствъ къ жизни, понижается и рабочая плата. «Это вовсе не есть необходимое послѣдствіе—говорить г. проф. Рау въ своемъ объясненіи—потому что это происходитъ только въ томъ случаѣ, если удешевленіе жизни, умножая браки, рожденія и переселенія въ страну, увеличиваетъ предложеніе труда въ большей степени, чѣмъ увеличился въ то же время спросъ на него».

Это слово въ слово то же, что говорилъ объ этомъ я; только г. профессоръ оставляетъ здѣсь подѣ сомнѣніемъ, должно ли такое усиленіе предложенія произойти вскорѣ и непременно, и этимъ недоговариваніемъ возбуждаетъ мысль о возможности иного результата.

Но эти штуки продѣлываетъ только журналистъ Рау; профессоръ же Рау знаетъ дѣло лучше и отвѣчаетъ на оба пункта весьма обстоятельно въ своей книгѣ, § 196, стр. 251, такъ: «Болѣе обильная плата даетъ каждому работнику возможность или лучше жить, чѣмъ прежде, или жениться и основать новую семью, которую народонселеніе увеличивается. Пріятности домашней жизни такъ привлекательны, что большинство работниковъ побуждаются возвышеніемъ платы жениться раньше прежняго. Это обстоятельство и переселенія изъ другихъ странъ всегда вызываютъ въ подобномъ случаѣ въ непродолжительное время значительное умноженіе народонаселенія, что усиливаетъ предложеніе труда, и если не возрастаетъ съ такою же быстротою капиталъ, то рабочая плата неизбежно упадетъ съ своего высокаго уровня. И дѣйствительно, случаи къ образованію новыхъ капиталовъ никогда не бывають такъ благо-

приятны и побужденія къ сбереженіямъ такъ могущественны, чтобы весь капиталъ былъ способенъ возрастать такъ быстро, какъ народонаселеніе. Замедленіе возрастанія капитала задерживаетъ и дальнѣйшее умноженіе народонаселенія, и потому предложеніе простого ручнаго труда обыкновенно такъ велико, сравнительно съ спросомъ на него, что рабочая плата доставляетъ лишь необходимое для существованія или немного больше».

Итакъ, проф. Рау говоритъ слово въ слово то же, что я. Но только въ книгахъ, только въ ученыхъ сочиненіяхъ! Въ народъ же не пускаетъ! Передъ народомъ онъ прикидывается несогласнымъ со мной, будто бы опровергающимъ меня разными изворотливыми фразами, коритъ меня во лжи, въ «поверхностномъ нахватываніи». Можетъ быть, это очень мудро, но честно ли, достойно ли это? Не должны ли такіа продѣлки поддерживать въ народѣ презрѣніе къ ученому сословію? Не приходится ли краснѣть, сличая цитаты изъ его сочиненій съ словами его объясненія?

Не даромъ говорилъ я работникамъ («Гласный Отвѣтъ», Т. I, стр. 238), что каждый смыслящій человѣкъ, который будетъ не признавать предъ ними объясненнаго имъ мною закона рабочей платы, будетъ обманывать ихъ! А что я объяснилъ работникамъ не только вполнѣ истинный законъ, но объяснилъ его со всевозможными его ограниченіями и варіаціями, то въ отношеніи читателей не спеціалистовъ въ экономической наукѣ, мнѣ дочтаточно сослаться на слова Ротбертуса, обращенныя къ работникамъ въ его «Открытомъ Письмѣ».

«Лассаль такъ удовлетворительно объяснилъ вамъ этотъ законъ и тѣ немногія ограниченія, которыя онъ допускаетъ, что объ этомъ не приходится больше терять ни слова. Это, какъ говорится, естественный законъ и его безпрекословно признавали всѣ великіе политико-экономисты всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Послѣдуйте, стало быть, совѣту Лассалья, спрашивайте всякаго, кто выдаетъ вамъ себя за друга, признаетъ ли онъ этотъ такъ называемый естественный законъ рабочей платы?»

Но вотъ въ чемъ штука! Г. профессоръ самъ позаботился раскрыть намъ секретъ, почему то, чему онъ поучаетъ въ

аудиторіяхъ, передъ народомъ оказывается ложью! Онъ выдаетъ намъ свою задушевную мысль, говоря, что слѣдуетъ «рѣшительно отвергнуть затѣваемое вовлеченіе наемныхъ работниковъ въ конституціонную борьбу».

По убѣжденію г. профессора, вести конституціонную борьбу могутъ только профессоры, но отнюдь не наемные работники!

Берлинъ, 10 мая 1863 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ С.

Изъ «Системы приобрѣтенныхъ правъ».

(соч. Ф. Лассаля, т. I, стр. 260—264).

Какъ ни парадоксально покажется на первый взглядъ положеніе, тѣмъ не менѣе культурно-историческій ходъ всей исторіи права состоитъ постепенно все въ большемъ ограниченіи области собственности частнаго индивидуума, въ постепенномъ изытіи все большаго числа объективовъ изъ предѣловъ частной собственности. Если бы кто-нибудь вздумалъ написать истинную исторію права съ культурно-исторической точки зрѣнія, эта идея должна была служить руководящей нитью сочиненія. Но на это еще никто не пытался. Обыкновенно люди сами заграждаютъ себѣ правильный взглядъ, увлекаясь и обманываясь діалектической природой отдѣльныхъ слѣдствій, вмѣсто того, чтобы вникать въ основаніе. Такъ напр., отмѣну заповѣдныхъ имѣній считаютъ умноженіемъ свободы собственности, отмѣной ея ограниченій. Но это справедливо лишь какъ фактическое слѣдствіе и представляется таковымъ лишь сознанію тѣхъ, кому желательно. Въ сущности же это, напротивъ того, отмѣна собственности собственника, лишеніе его права распоряжаться извѣстнымъ образомъ своею собственностью, слѣдовательно, ограниченіе права собственности. Точно такъ же обыкновенно думаютъ, что только въ періодъ и подъ господствомъ свободнаго соперничества собственность достигла своей полной и истинной свободы и развитія. Его такъ и величаютъ: «неограниченная свобода соб-

ственности»—девизъ всѣхъ поклонниковъ свободнаго соперничества. Какъ реальное слѣдствіе, это, конечно, такъ и не подлежитъ отрицанію; но если взять внутреннюю сущность, въ основаніи установленія свободнаго соперничества и отмѣны монополій и цеховъ оказывается мысль, что частною собственностью индивидуума никакъ не можетъ быть и исключительное право на промышленность и сбытъ, т. е. что личность не имѣетъ права запрещать другимъ лицамъ поступки, сами по себѣ дозволенные. На первый взглядъ кажется противорѣчивымъ и парадоксальнымъ утверждать, что ограниченіе обмѣна права собственности составляетъ истинный законъ культурно-историческаго движенія права, но это вполне подтверждается при подробномъ частномъ разборѣ, хотя здѣсь мы не можемъ входить въ него и должны ограничиться нѣсколькими поверхностными взглядами.

Въ началѣ исторіи человѣкъ, какъ теперь дитя, естественно протягиваетъ руку ко всему, все считаетъ своимъ и не знаетъ никакихъ границъ своему частному произволу. Лишь позднѣе и постепенно научается познавать ихъ. Фетишизмъ разбиваетъ еще своихъ идоловъ, если они не исполняютъ его волю; такимъ образомъ онъ и съ богами своими обращается какъ съ собственностью. Sacra были рано изъяты изъ области частнаго произвола, но самъ человѣкъ еще долго оставался предметомъ собственности другого человѣка. Жизнь побѣжденнаго на войнѣ дѣлается собственностью побѣдителя, и это право собственности долго сохраняется, сначала безусловно, потомъ условно въ отношеніи раба. Жена—собственность, покупается (ср. еще римское *coemptio*, *conventio in manum* etc.), дѣти—собственность отца, который по строгости древняго права можетъ убить ихъ; свобода, тѣло и жизнь несостоятельнаго должника дѣлается собственностью кредитора.

Право распоряженія имуществомъ простирается даже въ отношеніи семейства до неограниченнаго полнаго отрѣшенія отъ наслѣдства. Постепенно возникающіе законы о соблюденіи разныхъ обязанностей при завѣщаніяхъ и дареніяхъ составляютъ ограниченія правъ собственности. Рабство смягчается въ крѣпостничество; право собственности на жизнь человѣка умалывается въ право собственности на его постоянную рабочую силу, въ право на пожизненную и полную эксплоатацію его. Крѣпостничество опять умалывается въ ленную зависимость

въ разныхъ степеняхъ, т. е. право собственности на всю рабочую силу другого нисходитъ къ праву на извѣстный способъ пользованія вассаломъ, на извѣстную часть его рабочей силы и времени, такъ что теперь онъ можетъ приобрѣтать и для самого себя.

Самое *jus primaе postis* есть ограниченіе всегдашняго права собственности на тѣло рабыни, ограниченіе его обращеніемъ только на ея дѣвственность. Средніе вѣка представляютъ тотъ періодъ, гдѣ рабства уже нѣтъ, но частной собственностью полагается человѣческая воля во всѣхъ своихъ трехъ моментахъ (всеобщность, отдѣльность, особенность). Это періодъ, гдѣ, во-первыхъ, частною собственностью въ разныхъ степеняхъ состоитъ всеобщность воли или общественная воля, она состоитъ частною собственностью въ верховныхъ правахъ, связанныхъ съ землевладѣніемъ, въ участіи въ нихъ, въ разнообразныхъ другихъ общественныхъ и государственныхъ привилегіяхъ разныхъ сословій и классовъ; въ общественныхъ должностяхъ, приобретаемыхъ въ собственность по наслѣдству и куплей; это періодъ, гдѣ, по удачному выраженію одного французскаго историка права, «феодалная собственность имѣла притязаніе обнять все; воздухъ и воду, публичныя и религіозныя дѣла» и гдѣ государи распоряжались произвольно завѣщаніемъ, даже престолонаслѣдія своихъ государствъ (ср., напр., завѣщанія у Сисмонди, «*Histoire des Français*». VII, 328 и въ «*Preuves de l'Histoire de Lorraine*», par Dom Calmet. III, 277.); это, во-вторыхъ, періодъ, гдѣ частною собственностью состояла индивидуальная воля, въ личной неволѣ во всѣхъ ея степеняхъ крѣпостной и ленной зависимости, даже у лично свободныхъ, какъ, напр., произвольная свобода брака наслѣдницы лена и даже наслѣдниковъ оказывается состоящею въ собственности леннаго синьера; наконецъ въ-третьихъ, особенность воли свободного человѣка (какихъ занятій и промысловъ не можетъ предпринимать, гдѣ онъ долженъ искать себѣ сбыта, гдѣ ему покупать предметы своей потребности) состоитъ здѣсь въ частной собственности другихъ, въ монопольномъ и цеховомъ порядкѣ, въ ленномъ вѣдомствѣ, понудительномъ распорядкѣ и т. д. Это перенесеніе человѣческой воли во всѣхъ ея трехъ моментахъ въ частную собственность составляетъ

характеръ средних вѣковъ съ точки зрѣнія философіи права.

Такъ какъ воля во всѣхъ своихъ трехъ моментахъ оказывается собственностью, то въ этой системѣ собственностью можетъ дѣлаться все, что угодно, и неволя здѣсь полная. Но за то съ другой стороны, такъ какъ все, даже самая воля можетъ дѣлаться здѣсь собственностью и нѣтъ на это никакого предѣла, то отсюда именно вытекаетъ, и только съ этой точки зрѣнія объясняется свойственная средне-вѣковому періоду раздѣльность права собственности. При строгой исключительности свободной римской индивидуальности никакое право на вещь не можетъ быть такимъ правомъ собственности, которое должно было бы сперва пройти черезъ индивидуальную волю другого лица, самого собственника вещи, и подчинить его себѣ; въ Римѣ такія права представляются только какъ личныя требованія. Но въ германскихъ средних вѣкахъ, гдѣ свободная человѣческая воля сама состоитъ собственностью, по этой именно причинѣ каждое такое право можетъ совершенно наивно оказываться вещественною собственностью, которая, чтобы осуществляться, должна сперва проходить черезъ волю другого собственника и подчинить его себѣ. Продолжительныя и безотрадные попытки германистовъ примирить германское понятіе собственности съ римскимъ, ихъ жалкія, мучительныя усилія сколько-нибудь уразумѣть первое, ихъ сознаніе, что оно представляется имъ вопіющимъ *contradictio in adjectio*, потому что они никакъ не могутъ разстаться съ римскимъ понятіемъ нераздѣльнаго права собственности и понятіемъ римской индивидуальной свободы воли, всегда безсознательно исходить изъ этихъ понятій,—все это оказывается теперь просто вздорнымъ, теперь понятны неосновательность всего этого и необходимость неудачи этихъ усилій. Никому изъ нихъ не пришло въ голову, а между тѣмъ, казалось бы, должно было придти, что если хочешь опредѣлить понятіе собственности даннаго народа,—надо прежде обратиться къ понятію воли этого народа и изслѣдовать это понятіе. Никто не догадался, что у разныхъ народовъ понятія о волѣ различны и что въ его особенности заключается вся особенность народнаго историческаго духа. Иначе удивитель-

ною должна бы казаться та древне-германская черта, о которой свидѣтельствуеъ Тацитъ, что свободный могъ продать себя въ рабство (Germ. стр. 24), между тѣмъ какъ римлянинъ никакимъ договоромъ не могъ отдать себя въ рабство другому: «Conventio privata neque tertium quetsquam neque libertum alicupis facere potest.» Гл. 37, de lib. caus. (40—12).

Чрезвычайно характеристично и поучительно выражаетъ римлянинъ свое изумленіе тому, что германецъ, проигравшій себя въ рабство, позволяетъ связать себя и обращаться съ собой какъ съ рабомъ, хотя бы былъ моложе и сильнѣе; «таково ихъ упорное терпѣніе въ дурномъ дѣлѣ; они же сами называютъ это вѣрностью, fides, принятому обязательству». Противоположность, выражающаяся въ этихъ словахъ, раскрываетъ намъ во всей глубинѣ физиологію германскаго духа, а потому и его правовое развитіе и политическую исторію. Если германское понятіе о волѣ таково, что индивидуальный произволъ можетъ, распоряжаясь и обязуясь собою, располагать собственной полной свободой воли и обращать ее въ собственность другого, то ясно, что онъ можетъ отдавать въ правовую собственность другой индивидуальной воли и часть своей воли, извѣстный актъ воли, на который принимаетъ обязательство вообще или по отношенію къ извѣстному объекту. Такимъ образомъ моею вѣчной, вещественной собственностью можетъ дѣлаться не только пользованіе участкомъ земли, который принадлежит другому собственнику и пользованіе которымъ, стало быть, все же посредствуется только соглашающеюся волей собственника, слѣдовательно въ системѣ римскаго права характеризуется какъ личное требованіе, нѣтъ, здѣсь моею вѣчной вещественной собственностью можетъ дѣлаться даже опредѣленный родъ пользованія, какимъ самъ этотъ другой собственникъ обязанъ эксплуатировать свой участокъ (напр., посредствомъ вѣчныхъ рентъ, лежащихъ на овсѣ, клеверѣ и т. п.). Верховная и подчиненная собственность, пользовательная и вещественная, распадаются и расходятся на разнообразнѣйшія формы, вызывая распредѣленіе права собственности, препятствующее всякому сельско-хозяйственному и промышленному прогрессу.

Французская революція есть лишь отмѣна этой част-

ной собственности на три момента человеческой воли, какъ всякій великій прогрессъ цивилизаціи всегда состоитъ въ уменьшеніи объема собственности. Нужно ли объяснять, что мы беремъ здѣсь понятіе собственности въ его истинномъ смыслѣ, въ смыслѣ исключительной частной собственности особаго индивидуума. То, что принадлежитъ индивидууму, какъ таковому, т. е. всеѣмъ индивидуумамъ безъ различія—уже не есть собственность, что было еще извѣстно римлянамъ, и такимъ образомъ здѣсь опять оказывается тождество единичности съ общностью, какъ моментовъ одного понятія.

Не лишнимъ будетъ замѣтить здѣсь, что въ нашемъ языкѣ такъ укоренилась привычка называть современный періодъ индивидуализма и представлять себѣ индивидуализмъ характерной чертой либерализма, что вывести это изъ употребленія нельзя; но тѣмъ не менѣе это совершенно ложно. Истинный индивидуализмъ отнесся бы очень революціонно не только къ существующимъ учрежденіямъ, но и къ стремленіямъ нашего такъ называемаго либерализма (подумайте хотя бы о Фихте!). Глубочайшее направленіе нашего времени обращено и борется не противъ момента индивидуальности,—напротивъ того, этотъ моментъ такъ же послѣдовательно стоитъ на сторонѣ этого направленія, какъ и моментъ всеобщности; оно борется съ занозой особености, занесенной еще изъ среднихъ вѣковъ и до сихъ поръ сидящей въ нашей плоти. Этотъ моментъ дѣлается занозой, какъ скоро хочетъ пріобрѣсти себѣ значеніе внѣ принадлежащей ему области права, стало быть, внѣ области всего того, что по справедливости можетъ подлежать частной прихоти и голому частному произволу. Либерализмъ хочетъ правъ,—политическихъ, какъ избирательное, и соціальныхъ, какъ право свободной промышленности, право свободного пользованія рабочей силой,—отнюдь не для индивидуума вообще, а всегда лишь только для того индивидуума, который находится въ особомъ положеніи, платитъ столько-то и столько-то налога, вооруженъ капиталомъ и т. д., стало быть, всегда только особеннаго.

Въ настоящее время Европа переживаетъ слѣдующіе два очень любопытные вопроса собственности.

Восточный деспотизмъ и европейская абсолютная монархія

отличаются между собою въ правовомъ отношеніи вообще тѣмъ, что въ первомъ и частно-правовыя отношенія личностей составляютъ собственность властелина, во второй же только принадлежащее къ общественной волѣ составляетъ болѣе или менѣе исключительную собственность извѣстнаго семейства.

Въ политическомъ отношеніи Европа находится еще въ томъ періодѣ, гдѣ предстоитъ требовать, чтобы общественная воля націи перестала быть собственностью одного семейства.

Этого достигнуто только во Франціи, не только въ принципахъ французской революціи, но и въ дѣйствительности, несмотря на многочисленные признаки противнаго. Это доказываетъ то обстоятельство, что въ теченіе 70 лѣтъ ни одно семейство не могло основать во Франціи династіи; далѣе то, что и угнетающіе правители вынуждены выставить основаніемъ своего положенія народное избраніе, а не право собственности; такимъ образомъ они оказываются лишь временными представителями народной воли, хотя бы незаконными и невѣроятными, а не собственниками ея; наконецъ, въ-третьихъ то, что французскіе государи вынуждены и за границей поддерживать этотъ принципъ—что общественная воля націи не можетъ быть собственностью какого-нибудь семейства,—а они поддерживаютъ его, хотя, конечно, очень плохо и съ многочисленными противорѣчіями (принципъ національностей).

Въ Германіи этотъ вопросъ принимаетъ самый рѣзкій видъ, потому что здѣсь правомъ собственности нѣсколькихъ семействъ отстаетъ не только содержаніе народной воли, но и то, чтобы германскаго народа вовсе не существовало, — право на раздробленность народнаго духа!

Въ социальномъ отношеніи міръ стоитъ передъ вопросомъ: должно ли теперь, когда уже нѣтъ права собственности на непосредственное пользованіе человѣкомъ, существовать право собственности на посредственную эксплоатацію его, т. е. въ сущности должно ли свободное осуществленіе и развитіе рабочей силы быть исключительною частною собственностью обладателя рабочаго матеріала и рабочей ссуды (капитала); слѣдовательно, должна ли принадлежать предпринимателю, какъ такому (независимо отъ вознагражденія

его умственного труда, если таковой употребленъ), собственность на цѣнность чужого труда (премія, прибыль капитала), образующаяся разность между продажной цѣной продукта и суммой рабочихъ платъ и вознагражденій всѣхъ, въ томъ числѣ и умственныхъ, работъ, какимъ бы то ни было образомъ способствовавшихъ созданію этого продукта.

Слово «эмансипировать», прилагаемое теперь въ неопредѣленномъ, неясномъ для самого говорящаго смыслѣ ко всякому свободному стремленію, употребляется очень вѣрно и мѣтко, когда его берутъ въ его коренномъ, строгомъ значеніи: *emancipio*, объявлять внѣ собственности *).

Мы указали въ этомъ бѣгломъ очеркѣ, что культурный ходъ правового развитія дѣйствительно состоитъ въ этомъ постоянномъ уменьшеніи объема собственности. Чтобы доказать это вполне точно и обстоятельно, необходимо подробно и критически знать экономическіе и юридическіе законы и отношенія каждой эпохи, необходимъ мельчайшій анализъ обстоятельствъ разныхъ историческихъ періодовъ. Но и этотъ краткій очеркъ вполне освободилъ уже указанный нами законъ историческаго движенія отъ всякаго подозрѣнія въ парадоксальности. Теперь должно быть ясно, что это постепенное умаленіе объема частной собственности зависитъ не отъ чего иного, какъ отъ положительнаго развитія человѣческой свободы, которое достигаетъ такимъ образомъ своего осуществленія. Мы уже указали (стр. 150), что положительное развитіе идеи свободы должно имѣть слѣдствіемъ, чтобы части человѣческой свободы, казавшіяся прежде отчуждаемыми, — называвшіяся уже у юристовъ частнымъ произволомъ, — постепенно принимали характеръ неотъемлемыхъ принадлежностей неотчуждаемой свободы челоѵка, вслѣдствіе чего онѣ начинаютъ считаться вытекшими изъ нравственной идеи и изъ общественнаго права и потому регулируются абсолютными (принудительными законами); теперь уже никакія произвольныя соглашенія, а тѣмъ болѣе никакіе факты,

*) Именно въ этомъ смыслѣ употреблялось оно у насъ въ отношеніи крѣпостныхъ крестьянъ при освобожденіи. *Прим. перев.*

какъ напр., война, рожденіе, происхожденіе, занятіе и т. д., не могутъ отчуждать или оставить отчужденными эти части человѣческой свободы, бывшія прежде отчуждаемыми. Само собою ясно, что это есть постоянное умноженіе человѣческой свободы; ибо это уменьшаетъ и ограничиваетъ только произволъ собственный или чужой—отрицать положительную сущность свободы. Въ дѣлѣ взаимныхъ отношеній индивидуумовъ развитіе и умноженіе свободы необходимо должно обнаруживаться въ ограниченіи области, подлежащей исключительному владычеству воли особыхъ индивидуумовъ, и такимъ образомъ оказываться уменьшеніемъ объема частной собственности. Такимъ оно и оказывается, какъ показалъ этотъ очеркъ.

Совершенно параллельно этому движенію исторіи права, движенію, состоящему въ постепенномъ выбрасываніи содержанія изъ области собственности, идетъ въ экономическомъ развитіи вполнѣ соотвѣтственное стремленіе переносить все болѣе и болѣе факторовъ производства, т. е. самые продукты, все въ большемъ количественномъ объемѣ, изъ экономической области собственности, оплачиваемости въ область бесплатности (*gratuité communauté*)—низведеніемъ продажной цѣны къ стоимости и постояннымъ уменьшеніемъ расходовъ производства. Это совершенно вѣрная мысль, но Бастіа въ своихъ «*Нагн. écon.*», по недостатку критическаго пониманія экономическихъ категорій, развилъ ее совершенно превратно и односторонне.

СОДЕРЖАНІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ	IV—VI
ВВЕДЕНІЕ	7
ГЛАВА I. „I. Трудъ.“	10
„a) Сущность и цель труда. Общественная самопомощь.“	10
„b) Вспомогательныя средства работы.“	39
„c) Форма труда въ человеческомъ обществѣ.“	41
ГЛАВА II. „II. Капиталъ.“	63
„a) Понятіе и употребленіе капитала, производительное потребленіе.“	63
„b) Возникновеніе капитала.“	73
„c) Перемѣстимость капитала.“	96
„d) Кредитъ и рента.“	101
ГЛАВА III. „III. Обмѣнъ, цѣнность и свободное соперничество.“	108
ГЛАВА IV. Объективный анализъ капитала. Производительная ассоціація.	141
ЗАКЛЮЧЕНІЕ	202
ПРИПИСКА. Грустное размышленіе.	212
ПРИЛОЖЕНІЕ А. Французскія національныя мастерскія. (Историческій очеркъ).	225
ПРИЛОЖЕНІЕ В. Отвѣтъ г. профессору Рау.	233
ПРИЛОЖЕНІЕ С. Изъ „Системы прибрѣтенныхъ правъ“ соч. Ф. Лассаля.	238

